

18+

ВИКТОРИЯ УШАКОВА

СВЕРХНОВЫЕ

Виктория Ушакова

Сверхновые

«Издательские решения»

Ушакова В.

Сверхновые / В. Ушакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507928-2

Сверхновые — это звёзды, взорвавшиеся на последнем этапе своей эволюции. «Сверхновые» — это книга о мёртвых звёздах, о людях и о бессмертных, и о событиях, к которым привёл холодный расчёт. Что позволило ребёнку стать божеством воздуха? Как обычный человек сумел устроить хаос на «том свете» — в Аменти? К чему ведут перемены? Ответы на эти и другие вопросы будут находить наблюдатели за историей — а ну, и все, кто причастен, но у одних окажется преимущество в поиске истины — у открывших книгу.

ISBN 978-5-00-507928-2

© Ушакова В.

© Издательские решения

Содержание

УТРО	6
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	8
Плохое знамение	8
Особенности восприятия	14
Мраморный ангел	19
Облачная комната	24
Место падения	29
Обещающий холод	35
Убитый ребёнок	40
Области согласия	45
Нестандартный случай	50
Голос с глубины	55
ДЕНЬ ВТОРОЙ	60
Символ смирения	60
Тесный мир	65
Половина желания	71
Круги обмена	76
Величие змей	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сверхновые

Виктория Ушакова

Ты поворачиваешь своё лицо по направлению к Аменте, и ты заставляешь землю сиять, как будто очищенная медь. Те, кто полегли в смерти, поднимаются, чтобы увидеть тебя, они вдыхают воздух, и они смотрят на твой лик, когда диск поднимается на горизонте. Их сердца умиротворяются, как только они узреют тебя, о ты, который Вечность и Постоянство...

Гимн хвалы Ра, когда он поднимется над горизонтом и когда он садится в стране вечной жизни

Древнеегипетская книга смерти

© Виктория Ушакова, 2020

ISBN 978-5-0050-7928-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УТРО

Кто она? Божество.

Кто он? Человек. Родившийся, смертный, 120 лет назад получивший отсрочку того, что ему было суждено. Он прожил жизнь в пламени и зависти, зная, что может быть по-другому: может быть, что человек становится выше жизни и смерти. Ведая эти пути, Андрей Беляевский должен был доживать, смирившись, что его амбициям одна дорога – с вершины горы в прах на ветру. Он планировал будущее без себя, и оно начнётся уже завтра, потому что сегодня – его последний день.

Что он уготовил ей – небесной княгине Амитерет? Мардуку, Кецальмеку? Сопдет?

Что человек сотворил с богами! Он умрёт, а им ненавидеть друг друга ещё больше! Они тонули в море яда, а он наступил им на головы!

Он пригласил её попроситься. Дерзко назначил время – в семь.

В 7:00 утра 12 апреля 1961 года.

Госпожа Май Комацу вышла из машины, готовая наговорить Андрею гадостей. Она сама захлопнула дверцу. Сказала, чтобы её не сопровождали. Она подняла крупный багровый кленовый лист и, крутя его за подсохшее основание, неторопливо зашагала под багровыми пологами по багровой реке к дому, где Андрей сегодня порадует весь мир.

Идти было недалеко, и Май, почувствовав, что запах цветов Андрея перерос в химическую атаку, оторвалась от созерцания листа. Она остановилась на дорожке, заливаемой потоком крови во внутренний дворик, полный облаков гортензий и олеандров.

Символично, что его любимые цветы способны убивать каждой своей частью. Это сад спрятавшейся за красотой смерти, уснувшей до тех пор, пока глупцы не захотят узнать её вкус. Андрей тут давно неподходящий хозяин – он некрасив. Он страшен будто владыка загробного царства. Его суть вся уже снаружи – чёрный гной Отторжения сбросил волосы с головы и местами оголил розовеющий череп, выел веки и глаза, пробороздил гнилые щёки до основания и шею – до дыр, превратил в сочащееся зубастое месиво то, что было губами, дёснами, языком.

Он развалился на скамеечке в своей неизменной чёрной юкате со снегом, и расставил ноги словно для того, чтобы хорошо было видно вздрагивающую чёрную лужу под ним.

Красные точки горели в наполненных гноем глазницах.

Андрей смотрел на неё.

Май сказала бы, что он отвратителен, если бы господин Мардук не проходил через это в каждом проявлении. Андрей был ещё в форме. В прямом и переносном смысле. Он не успел разложиться до состояния супа с костями. Он мог двигаться. Рукой в пятнистом бинте, держа карандаш, как ступку, Андрей молот им в толстом блокноте у себя на бедре.

Перед ним Май уронила лист себе под ноги и сказала:

– Сегодня рождённый не летать поднимется выше небес, и это будете не вы, господин Беляевский. О нём будут писать и говорить все. Ни один человек в мире под солнцем не узнает, что вы были и вас не стало, и ни в одной даже самой паршивой газетёнке не появится сожаление о вас. В Аменти ваше имя будет проклято, и все вас забудут.

Беляевский поднял блокнот, развернул.

«Я знал, что вы это скажете. А ну будут помнить всё».

Май засмеялась. Он мог написать это к любым её словам.

Он уже трудился на следующем листочке.

– Господин Беляевский, я жду, что вы сообщите, зачем позвали меня. Если это окажется решением указать на местонахождение Шкатулки Белет, я не буду держать на вас зла. Мы прощаемся теми, кто заключили договор и не обманули друг друга.

Наместник княгини Сопдет Андрей Беляевский в этот раз быстро закончил. Он показал ей крупные каракули.

«Я знаю вашу тайну».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Плохое знамение

Окошко подвала приоткрыто, тянется свежий воздух. Тишина.

Обычно здесь засиживается старший, терзая гитару. Сегодня, раз Джейкоб остался у подружки, подвал на весь вечер заняли они – самый лучший отец и самая неординарная дочь.

Дэлис долго целилась. Джейк её не торопил. В том, чтобы она могла сколько угодно возиться, и был весь смысл. Бильярдный стол появился в доме ещё шесть лет назад – Джейк счёл, что настольная игра, демонстрирующая законы физики, будет полезна дочери.

Она родилась с сосудистой патологией головного мозга, что гарантировало развитие мыслительной заторможенности и сопутствующих нарушений. Джейк сам был виноват в её проблеме, сам лечил Дэлис, пойдя против собственных принципов. Девочка начала ходить позднее, чем её сверстники, намного позднее начала разговаривать, но ничего серьёзного врачи не смогли у неё диагностировать. И в первом классе у неё заработали нужные гены. Со стороны это выглядело так, будто ей вата попадает в уши. Конечно, учителя считали, что это защитная реакция на дразнилки, мать убеждала Дэлис, что та не похожа на бочку, а Джейк, делая вид, что расстроен, в душе гордился дочерью.

Ей под силу рассматривать реальность как в замедленном или поставленном на паузу видео. Теперь ей осталось понять и поверить, что это – потенциал гения.

Она стала самой многообещающей из детей.

На этот счёт мнения Джейка и Дженны расходились. Жена верила, что большое будущее у Джейкоба и Хлои. Джейкоб, которому недавно исполнилось 17 лет, танцевал. Младшая, восьмилетняя Хлоя, с рождения потрясала мать своей энергичностью. Она заполнила собой весь дом – собой, своими кроликами, игрушечными кроликами и портретами кроликов. Дженна воспитывала ветеринара или известного зоозащитника. А Джейк видел, что у сына при его красоте и грации не хватает главного – силы воли. Это не артист. К тому же он болен. Хлоя – так предвидел Джейк – вырастет легкомысленной пустой особой.

Конечно, о своих выводах он никому, кроме Тери, не говорил, любил и поддерживал всех детей. Но только Дэлис он обрисовывал, что её имя будет на страницах ведущих научных изданий, а в интервью она будет со смехом вспоминать о неурядицах в школе.

Сейчас в глазах окружающих, и даже для матери, брата и сестры она – пухлый гадкий утёнок с брекетами и временами отсутствующим взглядом. Ей будет тяжелее всего пережить расставание.

«Прости, детка», – подумал Джейк.

– Па-па, – тихо сказала Дэлис.

– Что, дорогая? – он перевёл взгляд с потолка на дочь.

Девочка стояла у противоположного края стола, держась за бортик. Кий лежал на столе, шары не поменяли положение.

– Я больше не хочу играть, – прожевала Дэлис.

Судя по темпу речи, она впала в своё особое состояние.

Джейк обернулся к стене с часами. Первый час ночи! Давно пора было заканчивать. Дэлис завтра в школу – то есть, сегодня. Почему Дженна ещё не пришла и не выгнала их наверх? Краем глаза он выловил её маячок – тонкую белую иглу на зелёном фоне. Супруга не двигалась с места, где в гостиной стоял диван перед телевизором.

Как крепко уснула.

– В самом деле, что-то мы заигрались. Пойдём-ка скорее чистить зубы, – сказал он и тоже положил кий.

– Я хочу поговорить с тобой. Это серьёзно...

Т-а-а-а-к... Что бы это ни было, до завтра это не подождёт.

Джейк обошёл стол, и, присев, положил руки ей на плечи. Заглянув в тусклые глаза дочери, он сказал спокойно, с расстановкой:

– Если серьёзно, выкладывай всё.

Она молчала, приоткрыв рот.

– Детка, ты же знаешь, что можешь папе во всём доверять, – помогал Джейк. – Что тебя беспокоит?

Через 40 секунд раздалось:

– А ты расскажешь?

– Никому не расскажу, честное слово!

Ещё через полминуты Дэлис уточнила:

– Нет, расскажешь о том, что я спрошу?

– А-а... Я постараюсь.

– Только правду? – не сразу спросила Дэлис.

– Только правду.

– Тогда скажи...

Она моргала.

– Давай, – поддержал Джейк.

– Почему, – начала она, – почему ты... не... стареешь?

Настала очередь помолчать ему.

Он бы мог дистанционно разбудить Дженну и имел бы вескую причину избежать разговора на эту тему. Признаться, тему, которую жена подняла ещё после рождения Хлои. Лучше было бы уйти тогда, но Хлоя была таким бесёнком, Дэлис почти не разговаривала, Джейкоб как раз проходил кастинг в детскую танцевальную группу и заболел, – он не захотел оставлять их. Не разрешил себе. У них с Дженной ещё было время на сказки, в которые она могла верить. И она поверила, что Джейк выглядит свежее, потому что: генетика, пробежки, оптимизм, а главное – не три беременности, не постоянный недосып с младенцем, не материнский стресс.

Время, пока Дженна с пониманием относилась к морщинкам у себя и их отсутствию у мужа, кончилось в позапрошлом месяце. 10 октября Дженне исполнился 41 год. Он смотрел, как она стояла перед зеркалом, а потом повернулась к нему и так же, ссутулившись, стояла перед ним. Ему было 45, и он выглядел, как при первой их встрече 19 лет назад.

Вообще-то и она выглядела очень хорошо, ведь она очень старалась. Но её красота была уже лишена той силы, с которой растения пробиваются через асфальт; была тяжела от внутреннего нарастания.

А Джейк Эванс не изменился, и Дженна увидела это.

В её глазах была не любовь – непонимание.

Вопрос, который мучил её, и который она до сих пор не озвучила, и которого не собирался дожидаться Джейк, – этот вопрос задала Дэлис.

Более того, пока он думал, она спросила:

– Ты вампир?

– Нет, детка. Конечно, нет.

Хотя ему пришлось убить очень много людей, чтобы жить самому.

Все дела, которые следовало здесь завершить, завершены. Завтра они увидятся последний раз утром, а вечером, по пути из офиса домой, он попадёт в аварию и никогда не вернётся в этот большой уютный дом в Монтгомери, штат Алабама. Зачем ему сейчас врать, если любая

ложь будет так же неправдоподобно звучать, как правда? Он должен остаться в памяти Дэлис человеком, который никогда не отворачивался от неё...

Джейк приподнялся, чтобы перекинуть тело к дивану.

Бухнувшись на сиденье, он вытащил из-под себя коробку из-под пиццы и, ощутив в ней вес, поднял её:

– Будешь?

Дэлис кивнула, залезая на диван.

Он взял второй кусок, последний. С грибами.

– Над тобой проводили эксперименты?

– Н-нет... Меня изменили и использовали, но это не то... – он вздохнул. – Дэлис, это такая необычная правда, в которую трудно поверить. Я тебе расскажу, а ты решай сама, фантазёр твой отец или нет. Когда-то я был обычным человеком, получал раны, и моя молодость быстро уходила. Всё изменилось после того, как я встретил... – он подобрал наиболее подходящее слово, понятное Дэлис, – пришельца...

Дочь не выразила удивления.

Проглотив кусок, она удивила отца:

– Где?

– Где? – повторил он. – Этого места давно не существует. Я рассказываю об очень далёких временах, когда наш мир выглядел совсем по-другому, и его заселяли монстры. Ну, и немножко – мы, люди. Мы жили на островах в мелких морях, ловили рыбу, делали краски, красивые ткани и украшения, торговали, защищали наши селения от хищных тварей. Тогда не было обезьян, и мы верили, что произошли от больших рыб, проплывших по магическим водам.

– Какой он был?

– Он? Он был как высокий человек и весь белый. Скучно звучит, да? – усмехнулся Джейк. – Но всё самое удивительное и самое страшное в мире выглядит как человек, поверь мне.

– Как это – «весь белый»?

Смутные картины поплыли перед глазами, и в них был верх – его верх, с высоты полёта, и полоса чёрной гальки внизу с двумя пятнами цвета выжженных солнцем костей, большим и малым. Разительный контраст. Джейк не дал воспоминаниям захватить себя, да и ему не нужны были все подробности. Он и так знал, что на берегу стоял таль-им – лёгкий летательный аппарат в форме выпуклого дельтоида, какую обычно придают воздушным змеям, а рядом находился Мардук-Хет. Какая ирония: дальний преемник именно этого мардука до сих пор существовал и часто бывал в Штатах.

– Папа?

– А? А-а-а... Прости. Ну... У него были белые волосы, белая кожа, белая одежда. Я тогда был поражён, – Джейк шумно втянул носом воздух, – потому что никогда раньше не видел ничего подобного. Мой народ имел очень тёмный цвет кожи – гораздо темнее, чем у нас с тобой. Практически угольный.

Про то, что он сбросил на мардука снаряд для отпугивания ящеров, и что снаряд на полпути развернулся и понёсся обратно, Джейк не стал говорить. Пришлось бы объяснять, а это куча ненужных слов.

– Что было дальше? – спросила Дэлис.

Планер успел пролететь дальше, и взрывом задело только хвост. Остальное Джейку вспоминать совсем не хотелось.

– Чего только не было... Тебя интересует, почему я не старею? Видишь ли, я... – язык Джейка как окаменел, – я... В общем, Дэлис, твой отец оказался... слабым человеком, – он пропустил пальцы по коротко стриженным волосам, – хотя славился как великий воин. Они,

эти пришельцы, владели заоблачными для нас технологиями... Не думай, что я пересказываю тебе какое-то кино. Они нас не захватывали, никого не убивали и никого не похищали. Они нас игнорировали. Но всё равно люди сходили с ума... Наши жрецы решили, что это боги, и не могли договориться, как расположить их... – и Джейк резко закрыл рот. Дэлис не нужно было знать про кровавое безумие. – Увидев, что среди людей пошли распри, пришельцы всё-таки вмешались. Они предложили людям выбрать посредника для переговоров, и избранным стал я. А ещё, зная, как коротка и хрупка наша жизнь, они не захотели постоянно иметь дело с разными посредниками и учить их одному и тому же. Меня сделали бессмертным и вечно молодым.

Он сидел, опираясь локтями на колени, и смотрел на нетронутый кусок пиццы в своей руке. Кусок уныло висел на пальцах, пластинки грибов выглядели картонными. Тьфу. Джейк закинул его обратно в коробку и отряхнул ладони.

Маячок Дэлис передал сигнал о сильном эмоциональном возбуждении. Тогда только он взглянул на неё.

Её глаза блестели.

– Они существуют, да? В самом деле?!

Ну да, два. Два или три. Или много.

Один – точно.

– Э... – и, замолкнув, он быстро обнял дочь. – Что с тобой?!

Она плакала.

– Дэлис? Я тебя расстроил?

Девочка помотала головой, пошмыгивая и вытирая нос рукой.

– Ты можешь поговорить с ними обо мне?

– Зачем, детка?

– Чтобы они сделали меня нормальной! – выпалила Дэлис.

Джейк посмотрел на сопли у себя на футболке.

– Ты ведь скоро уедешь, да?

Она заметила. Молодец, хотя и...

– Как я стану великим учёным, когда я такой тормоз? Они же могут поковырять у меня в мозгах и сделать меня умнее, да? Пожалуйста! – её лицо опять сморщилось.

– Послу...

– Пожа-а-а-а-луйста!

– Послушай меня, – твёрдо сказал Джейк, вытирая градины слёз, – послушай! Успокойся!

По поводу того, что я уеду... Да, это так. Если мы с твоей мамой будем дальше жить вместе, наша жизнь превратится в ад. Но я не брошу вас! Я буду присматривать за всеми вами, и у вас всё будет хорошо. Клянусь! И у тебя всё обязательно получится – только стремись! Ты не тупая – не слушай никого, кто так говорит. У тебя уникальные способности!

Джейк услышал, как наверху стукнули пятки об пол.

– Па-а-а-п-а-а-а...

Достаточно.

Он взял Дэлис за затылок, где у неё стоял под кожей маячок, и задал импульс. Девочка завалилась как тряпичная кукла. Он быстро устроил её на диване, подложив ей под голову подушку, и накинул на неё плед, заодно вытерев им её лицо и подсохшую корку со своей футболки.

Дженна шагнула на верхнюю ступеньку.

Сам он уже стоял у бильярдного стола и доставал шар из лузы.

Скажет, что Дэлис хотела отдохнуть и уснула, а он не стал её будить. Что до слёз – Дэлис часто снились сны, в которых её обижали. Мать поймёт. Краем глаза он следил за ступень-

кой, где вот-вот должна была появиться коричневая домашняя туфля Дженны. Но что-то там замелькало с частым блеском. Он не заметил, как выронил шар.

По лестнице лилась, пенясь и ворча, грязная вода.

Она несла песок, обрывки водорослей, мелкие камни и ракушки.

Джейк заставил себя уцепиться за реальность и вырвался с таким усилием, что в груди хрустнуло и заныло.

– Джейк?

Никакой воды, и внизу стоит Дженна с помятым лицом.

– Ты что, призрака увидел?

– Мне показалось, что наверху в ванной хлещет вода...

– Я тоже как будто слышала какие-то странные звуки... Почему Дэлис тут спит? Тут холодно! – она подошла к дивану.

– Уснула. Было жаль будить. Я её укрыв.

– А ничего, что она спит в узких джинсах? – жена посмотрела на него с укором и, протянув руку к Дэлис, остановилась так. – Джейк, нам надо поговорить, – сказала она тихо.

– Может, завтра?

– Нет, сейчас. Тебе пришло сообщение от Тери... ещё около десяти. Она писала, чтобы ты ей срочно перезвонил. – И, когда его руки опустились к карманам брюк, Дженна добавила: – Ты оставил смартфон в гостиной.

Он не оставлял его в гостиной! Джейк помнил, как читал на нём прогноз погоды здесь, в подвале, и ещё сфотографировал Дэлис.

– Что у тебя с Тери?

– Бизнес! – выпалил Джейк, притворившись, что обижен.

Дженна была ревнива, и он предусмотрел, что иногда у неё будет возможность убедиться, что он чист перед ней. Она и раньше – украдкой, как думала – копалась в его смартфоне и ноутбуке. С недавних пор все те её вопросы, что звучали с обвинительной ноткой, имели один смысл – в обиду пихать его в спину ради пихания. Это ничего. Это скоро закончится. Сейчас что-то шло не так – и это единственное, что волновало Джейка.

Образ воды, несущей грязь в дом, был плохим знаком.

– Ты куда?

– В гостиную, – Джейк взялся за перила.

– Джейк, нам...

– Мама?

Дженна обернулась к Дэлис, зашевелившейся на диване.

Джейк взлетел по ступенькам.

Пройдя в дверь, он оказался под лестницей на второй этаж, а через два шага – в широком коридоре, превращённом в выставку кроликохудожеств Хлои. Свернул в белую арку – в большую квадратную комнату с двумя пальмами и мягкой мебелью из настоящего тёмного дерева. Такой, о которой Дженна мечтала со студенческих лет, насмотревшись на богатые дома в фильмах. На самом видном месте – у окна, на низком круглом столе, украшенном статуэткой вставшей на дыбы лошади с розовым кроликом, привязанным к её спине, – лежал смартфон. Как он переключался из подвала сюда, Джейк проверит потом.

Он открыл сообщения. Тери написала больше двух часов назад.

Набрал номер.

– Мистер Эванс? – сразу откликнулась Маргарет.

– В чём дело?

– Джейкоб, мистер Эванс...

– Ну, что?

Судя по положению маячка Джейкоба, он находился у своей новой пассии Моны. Судя по передаваемым данным, сын спал. Джейк почесал под носом, не понимая, почему Маргарет тянет с ответом.

- Тери, ты долго будешь молчать?
- Джейкоб исчез, – сказала Тери.
- Это что, шутка?!
- Он исчез, мистер Эванс. Извините.

Особенности восприятия

Уже четвёртый водитель дал по тормозам, увидев ярко-красный пикап, въехавший в дерево, и стоящий впереди на обочине седан с освещённым салоном, где сидела Тери. Грузный седоватый мужчина в белой куртке вылез, как вывалился, и сразу же выронил телефон, схватился за шею, осел и протёр спиной крыло джипа.

Этот тоже никуда не сообщит.

Среди деревьев проявились две тени и вышли на дорогу двумя крепкими парнями в коротких чёрных плащах и в чёрных перчатках. Эдволаты подхватили мужчину под руки и загрузили на заднее сиденье. Бэйтс отряхнул с себя пыльный след, подобрал мобильник и отлепившую крышку, бросил всё под водительское сиденье.

Тери проводила джип взглядом. Его оставят там же, где остальные машины – в редколестье ближе к реке. Наутро, когда вся компания проснётся, им будет, что обсудить. Но пикапа и седана здесь не будет.

Джейк в пути.

Наконец-то.

Прошло три часа, как ей позвонил Бэйтс, постоянно наблюдавший за Джейкобом. Он доложил, что Джейкоб вышел из дома Саундерсов, а его маячок остался там – в затылке двоюродного брата Моны Саундерс. Бэйтс и Тери – оба оставили это без комментариев. Специальные маячки Эванса, которые он лично ставил на своих приёмных детей, имели особенности, которые должны были исключать то, что случилось. Джейк ставил и убирал маячки через Грань из Аменти – однако Бэйтс, не выпускавший Джейкоба из поля зрения, не видел, чтобы рядом в Аменти кто-то появлялся. Второе – для извлечения необходимо выключить маячок, чего не было сделано. Третье, самое важное: Джейк настраивал доступ в систему маячков через свою печать ану Йолакана Са Кецальмека.

Ни одного варианта, кто мог такое провернуть.

Маргарет написала Джейку, чтобы перезвонил. Из-за ссор с женой он запретил беспокоить его звонками в выходные и после работы.

Позвонил не Джейк. Саймон Бэйтс. Через восемь минут после выезда от Моны Джейкоб испарился посреди перекрёстка. Ещё через 23 минуты эдволаты засекли, что его джип материализовался из воздуха здесь, на Калумет Драйв. Рычаг в автомате стоял на низкой передаче, ремень безопасности перечёркивал кресло, Джейкоба не было.

А Джейк всё не перезванивал.

Тери ждала. На случаи внештатных ситуаций у неё имелась чёткая инструкция: сидеть спокойно, если она одна, если с детьми – спасти их, если нужно. Если не нужно спасать – сидеть спокойно.

Всё.

Он ей не доверял.

К тому же, она пока ни на что не способна.

К тому времени, когда он всё-таки перезвонил, Маргарет с сотню раз просмотрела фрагмент записи волата Бэйтса с моментом исчезновения Джейкоба и записи с камер наблюдения на перекрёстке. Это не выглядело как переход в Аменти. Как будто что-то накрыло пикап – и больше взгляд ни за что не зацеплялся. Однако свидетель двух эпох мардуков должен был увидеть и понять куда больше неё.

Маргарет ждала его и его заключение.

Все записи он получил после их короткого разговора.

За поворотом начало быстро светлеть, и свет, разделившись надвое, сгустился в фарах завернувшего автомобиля. Это он. Джейк и Маргарет ездили на одинаковых машинах, только

разного цвета, потому что Маргарет взяла себе за правило покупать то, что ему нравится, и считать, что это же самое нравится ей.

Отложив косметичку, Тери глянула в зеркало заднего вида – её до хруста загорелое лицо, стрелки на веках и вишнёвая помада выглядели безупречно. Она открыла дверь и продавала каблуками песок на дороге.

Ночной холодок просочился под юбку, и она запахла пальто.

Джейк вышел из машины в спортивных штанах и кедах, в каких ходил дома, и в спортивной куртке, накинутой на домашнюю же футболку с Багзом Банни. Лицо было набрякшее, с отвисшей нижней губой.

– Какого чёрта ты не сообщила раньше?!

– Мистер Эванс... – Тери повернулась за ним.

Он дошёл до пикапа Джейкоба и сунул руки в карманы.

Время потянулось, как струны.

Дёрнувшись, Эванс согнулся вбок, заглядывая на помятый капот, приложил ладонь, зажёгшуюся цветом абсента, к двери, к окну, открыл машину и наполовину влез в салон со стороны водительского сиденья. Тери смотрела, как он берётся то за руль, то шарит где-то внизу. Будто ведьминский котёл разбрасывал зелёные брызги, и на маске орка, в которую превратилось сердитое лицо Джейка, рвались тени.

Маргарет никогда раньше не видела, как господин Кецальмек работает через своё проявление на Земле. Фантастика. Это действительно то, что ей про него объясняли.

Физически он на спутнике Юпитера Ганимеди в скрытом техническом слое, в чём-то схожим со слоем Асбара на Земле. В этом слое Ганимед полностью охвачен сферическим щитом, который вращается в обратную сторону, благодаря чему генерируется энергия. Сферу опоясывает кольцо, в основном включающее батареи, модули авторемонта и грузовые отсеки, в малой степени – блоки, пригодные для обитания, и ключевой элемент – Исток. В самом его центре – Дингир Таль, или, как принято говорить сегодня, Апофеоз Таль. Как он выглядит, Тери не знала. Знала, что и большинство – что внутри, если по-простому, – «сосуд», а правильно – «ану», то есть «великая десятка». В другом значении – «небо». Сосуд содержит девять частей существа господина Кецальмека и является его десятой частью.

В сосуде он миллионы лет находится вне времени. Через дистанционный захват носителя на Земле он включается в текущую реальность. Через канал связи он может передать сюда поток энергии со станции, что делает его силой, с которой невозможно не считаться, и он хранит колоссальные знания. Инструменты, встроенные в наручи и в плоть истинного тела господина Кецальмека, работают и в голых руках Джейка Эванса.

Было ли что-то, что превосходило технологии мардуков?

Тери стала вспоминать о том, что комплекс на Ганимеди – часть системы «Небесный круг», которую люди наверняка окрестили бы космической программой мардуков, если бы знали о ней. Комплекс был более известен под названиями «Третий круг» или «третья станция». Настоящее название, многосоставное, сложное, существовало только для элиты Аменти и просветительских пособий. В системе «Небесный круг» господин Кецальмек значился пилотом третьей станции, потому что встроенный в неё Исток был разновидностью корабля-носителя, мог свернуть сферу-щит и сняться с луны для перелёта на другой космический объект.

В Аменти господин Кецальмек носил титул небесного князя. Их – ану, небесных князей – всего двое мужчин и двое женщин.

И она, Маргарет Тери, должна стать младшим техническим божеством, помощницей князя Кецальмека, хозяйкой его новой столицы. Пока что её сознание не выведено в хранилище, а строительство её корабля-астеры заморожено на первом этапе. Покойный наместник Беляевский всё откладывал её проект на потом, а потом перестал быть.

Джейк закончил осмотр.

Побарабанив пальцами по крыше пикапа, покивав своим мыслям, Джейк достал смартфон. В возникшем снова зелёном свечении и экран сменил цвет. И операционная система, и приложения, и книга контактов – всё служило уже не владельцу риэлторской компании.

Помедлив, он поднёс смартфон к уху.

Кто-то долго не брал трубку.

– Госпожа Сакаи? – довольно грубо спросил Джейк, и, передохнув, перебил: – Да... Да, конечно. Нет. Окажите мне услугу. Да... – он пожал плечами, – обсудим, да... Позже. Хорошо, на этой неделе. Пришлите мне двойника моего сына Джейкоба Эванса, и чтобы был со сломанной рукой... Да... Чтобы говорил без акцента и умел танцевать хоть что-нибудь! Он нужен мне не позднее, чем через два часа по моему времени... Обязательно! – бросил он в трубку. – Благодарю вас!

Понятно. Дженна не потеряет мужа и сына в один день.

Он повернулся, водя пальцем по экрану обычного смартфона.

– Мистер Эванс? – Маргарет подошла ближе.

– Да?

– Как такое могло случиться?

– Могло. Вполне. Они дали мне ограниченный набор не самых лучших инструментов. Даже у неё лучше, – он запрокинул голову, давая понять, что речь о недавней собеседнице, госпоже Амистерет.

Госпожа Имэйни Аро-эо Амистерет удостоилась чести стать ану за сомнительные, как считал господин Кецальмек, заслуги более 250 миллионов лет назад – в эпоху мардуков Дай-этци, предшествующую эпохе Таль. После уничтожения первой станции вторая стала самой древней. Однако Эванс говорил не всерьёз – он просто избегал ответа.

– Но уровень доступа?

– Я не готов обсуждать это, Тери.

– Ваши предположения... Господин Эванс, они должны быть связаны с именем Вивиан Смоуэл.

– Кто это? – нахмурился Джейк.

Она говорила ему о Вивиан Смоуэл много раз. Она засекала – ровно пять секунд, и Джейк забывал. А поскольку он вечно создавал себе занятость то работой, то семьёй, то отдыхом, и не оставлял времени для неё, не представлялось возможности объяснить ему.

– Тери, ты... – и тут он сменил претензию на недоумение. – Погоди... я отвлекся. О чём мы говорили?

Вот, пожалуйста.

– Мистер Эванс! Дэлис...

Его лицо стало страшным.

– Дэлис, мистер Эванс... Её особенность восприятия похожа на вашу. Её случай не такой тяжёлый...

– Что за чушь ты несёшь?!

– Правду.

Он тяжело засвистел носом и, поколебавшись, сказал:

– Продолжай.

– Когда Дэлис говорят то, что она не хочет слышать, она словно пускает эти слова через фильтр. Они доходят до неё, но не такими обидными. Для вас, мистер Эванс, существуют слова, которые вы совсем не воспринимаете. Они... как бы тоже проходят через фильтр, но теряются. Эта информация связана с четвёртым потомком Полины Изгорской. Вы понимаете, про кого я?

Он всплеснул руками.

Полина была девушкой, поразительно похожей на княгиню Сопдет. Наместник Беляевский устроил так, что её отец, коммерсант в царской России, всё продал и переехал с семьёй в Нью-Йорк в 1909 году. Полина стала первым человеком, который получил от наместника Беляевского статус его «харваду». Харваду – то есть, «отмеченные» – не знали нищеты, тяжёлых болезней, больших неудач, никогда не умирали в мучениях или в результате несчастного случая. Дарственная лёгкости жизни распространялась как на Полину, так и на пятерых её ближайших потомков.

У господина Кецальмека была армия своих отмеченных, и все они были первыми тремя потомками тех его приёмных детей, которые стали незаурядными людьми. Князь ценил особенных и рассчитывал, что их дети и внуки тоже способны порадовать его.

– Мистер Эванс, кто четвёртый потомок Полины?

– Э... – он закатил глаза, – м-м-м... Какой-то парень... – он забил по воздуху указательным пальцем. – Да... Это ненормально, что я не помню. Я не могу не помнить!

– А вы помните фамилию его матери Кэтрин?

– Милуорд?

– Это девичья фамилия. Кэтрин в браке почти 30 лет, и её фамилия по мужу, как и фамилия её двоих детей, для вас не существует. Также вы уверены, что у неё только сын. Однако у Кэтрин есть и дочь, которой 26 лет, – пользуясь молчанием Джейка, Тери сосчитала по десяти и сказала: – Мистер Эванс, я просто проверяю. Сколько детей у Кэтрин?

– Двое. Сын и дочь.

– Девушка старшая, и это она – четвёртый потомок Полины, пятая отмеченная наместника Беляевского. Я полагаю – и не только я – что всё проходит мимо вас, чтобы вы не создавали препятствий.

Одно, что сказать, что в его разум вмешались, и это при эдволатах.

Какой тонкий лёд. Но надо идти дальше.

– Чему? – у Джейка голос стал деревянным.

– Полагаю – и не только я – что развитию ребёнка, предназначенного для проявления госпожи Сопдет. В раннем возрасте девочка творила невозможное для обычного человека. Этот период был довольно коротким. После одного происшествия она обо всём забыла.

– Какого происшествия?

– Ей попало тяжёлым предметом по голове. Мистер Эванс, все эти годы в Аменти ждут прихода госпожи Сопдет через эту девушку. Был инцидент 4 июля... После него считают месяцы и дни.

– Какой инцидент?

– Она снова сделала невозможное. Случайно.

Он дал себе по лбу.

– Мистер Эванс? – смотрела на него Тери.

– О нет... – сказал он сам себе, – нет... нет...

– Ещё кое-что, – поспешила Тери. – Вы...

– Я выгляжу идиотом! Что ты ещё хочешь мне сказать?! Нет, скажи-ка, не к ней ли катается Мардук-Хет?

Тери кивнула.

– Господин Мардук-Хет пытался взять её на воспитание, когда она была маленькой. Она сбежала от него домой.

– Она живёт в Чикаго?!

– Да.

Джейк замычал в сложенные лодочкой ладони.

– Проклятье! – фыркнул он.

Его карман в куртке тут же зазвонил.

Закатив глаза, Джейк достал светящийся зелёным смартфон.

– Какой неожиданный звонок, господин Леген!

Тиамат Мардук-Хет, несравнимо более внимательный к событиям в Аменти, чем Джейк, и узнавший об исчезновении Джейкоба напрямую от эдволатов, через них же был свидетелем разговора и решил присоединиться. Стоя близко от Эванса, Тери всё слышала.

– Что будет делать папаша кролик? – спросил господин Леген.

– Где Джейкоб?! – закричал Джейк.

Тери знала его. Это были не фальшивые эмоции.

Господин Леген смеялся в трубку:

– Я не имею к этому никакого отношения. Мой вам совет: поезжайте домой. Будьте хорошим отцом и мужем.

– Спасибо за совет, – побагровел Эванс, но уже шли гудки.

Он бросился на пикап и ударил по крыше.

– Тери! Почему я узнал последним?!

– Мистер Эванс, извините. Вы не давали мне сказать вам раньше.

Джейк повернулся, и было видно, что он постарался взять себя в руки. Говорил почти спокойно:

– Сегодня выдалась ночь откровений, Тери. Пойдём же до конца...

Маргарет превратилась в слух.

– Ты тоже ждёшь проявления Сопдет. Нет, – он отмахнулся, не давая ей вставить слово, – только она или её наместник могут достроить для тебя корабль, и ты, конечно, этого ждёшь. Не отрицай. Пора мне признаться, что я давно не планирую продолжать твой проект. Поэтому я совсем не занимался тобой. Ты... Тебя создал он, Тери, ты это знаешь. А всё, что он делал для других – всё посохи, которые превращаются в ядовитых змей. Сделка была... – Джейк сжал кулаки, – вынужденной!

Она не предполагала, что так будет. Думала, что является частью торговых отношений, а не тех, в которых наместник Беляевский убил предыдущее проявление господина Кецальмека.

Тери начала:

– Мистер Эванс, я...

– Всё. Поезжай в Архив Диррахика. Там для тебя арендован читальный номер. Я открыл для тебя счёт в Банке Бити. Тебе пока хватит. Начинай обучаться, жди, когда княгиня Сопдет или её наместник смогут принять тебя. Заводи знакомства в Дуате. Я за тобой больше не стою.

Он устроил её изгнание, пока ехал сюда? Так быстро? За что?

Маргарет ковыляла за ним на каблуках.

Джейк показал налево, в лес, и обратно – на пикап.

– Мистер Эванс!

– С этого момента наше общение прекращается, – сказал он, садясь в машину. Хмурясь, он сказал последнее: – Удачи, Тери.

Мягкий хлопок обдал её смесью ароматов кожи и ванили.

Господин Кецальмек вырулил на дорогу и газанул около пикапа Джейкоба. Бэйтс и Стивенс уже открывали двери.

Среди таких, как они, были парии – изгнанники. Быть частью Аменти и быть вырванным из сообщества слугителей одного из князей значило быть мусором, который убирают, с мизерным шансом на спасение. Ей повезло гораздо больше. У неё есть угол в Архиве и средства.

– Спасибо, мистер Эванс, – сказала Тери.

Мраморный ангел

Это господин Леген. В его стиле грохотать ботинками по паркету в любое время дня и ночи. Такой серьёзный человек – и ведёт настолько неупорядоченный образ жизни.

Сколько времени?

Клара пошарила под подушкой и вспомнила, что телефон ей выдают по воскресеньям, а воскресенье было вчера. Она перевернулась на спину. Напротив, слева от двери в спальню Фридриха, большой белый комод, на нём – стеклянная ваза с белыми розами, выше, на белой стене – круглые белые часы, которые Клара ненавидела. Несмотря на то, что её глаза привыкли к постоянному сумраку, к часам приходилось подходить, чтобы разобрать, где белые стрелки. Других не было. Не было будильника, потому что звон побеспокоил бы Фридриха, и потому Клару будил, тихонько стуча в дверь, господин Шаденбург, который каждый день в половине седьмого приходил включать кофемашину. Не было наручных часов – всё её время с 7 до 21 часа принадлежало Фридриху.

Это для него тяжёлые, тёмно-серые, с серебряной нитью занавесы хранили поздний вечер по всей квартире. У него воспалялись глаза от солнечного света, поэтому при нём запрещалось даже подходить к окнам.

Но сейчас Клара была одна и у себя.

Она встала и на цыпочках подошла к портюере, немного сдвинула её. Очень пасмурно. Машины господина Легена нет. На клумбах будто грязная вата. Это весь снег на 2 декабря?

Ну и тоска.

Клара зевнула в руку и направилась к комоду.

Хо! Ещё нет и пяти. А спать больше не хочется.

Снотворное пить уже нельзя. В семь встанет Фридрих, и ей нужно быть в тонусе. Клара пошла заправлять постель. Хотя бы так она сможет отвлечься от мыслей, уже зашевелившихся тараканами у неё в голове.

Она избегала их, уделяя максимум внимания Фридриху. Хотя это изначально входило в обязанности компаньонки, Клара втянулась только в последнее время. Она больше не размышляла о степени адекватности всего того, что даёт ей читать Фридрих, что он рисует ей на бумажках, что говорит – кажется, она перешла черту, за которой начинают сходить с ума. По вечерам она запивала половиной стакана воды розовую таблетку и откидывала прошедший день, как смятую салфетку в урну.

Что они обсуждали вчера? Как не стесняться, бегая на четвереньках и без штанов? Удобно ли жить с волчьей головой?

«Неудобно», – думала Клара, поправляя подушки.

А ведь она даже перестала смотреть телевизор после ужина! Люди на экране открывали рты, а она слышала только себя. Свой вопрос самой себе – не пора ли остановиться?

Клара понимала, что у неё два выхода: сдать сейчас и тешить себя, что был шанс заполучить Гельмута, или сдать позже – с полным разгромом своих надежд и в депрессии. Было бы лучше сдать как можно быстрее ради себя. Господин Леген предупреждал, что это за работа. Она сама сделала хуже. Своими глупыми фантазиями она завернула кусок дерьма в блестящую обёртку, сама развернула, и сама себя оставила ни с чем. Надо было с самого начала трезво смотреть на вещи.

Но тогда она не смогла.

Её совершенно выбило из колеи.

Пять месяцев назад на неё свалились с дальней полки её забытые подростковые мечты. Как многие девочки, знающие с детства слова «кредит», «экономия», «нет», Клара Ригель покупала журналы с красивой жизнью и представляла себя на этих фото, в этих платьях,

с этими руками на своей талии. Она замечала, что подружки и жёны знаменитых богатых мужчин не блещут какой-то особенной красотой и умом. Что ни история – так про нужное время в нужном месте. Клара хотела на Рождество письмо, в котором было бы сказано, где, в какой день, в какой час ей быть.

Она была готова – всегда с чистыми волосами, с безупречными ногтями. В отличие от подружек, красивых, как лопаты, Клара росла ещё и очень симпатичной – брюнетка с лицом сердечком и томными зелёными глазами, с по-настоящему хорошей фигурой.

Но жизнь шла своим чередом год за годом, и вместо того, чтобы нести Клару, волокла её. Попасть в модельный бизнес не получилось. На курсах современной скульптуры тоже не удалось. Мужчины – так безнадёжно женатые старые пердуны или экземпляры с пустыми головами или пустыми карманами, а то и два в одном. Клара не стала, как мать, выбирать из зол. Она жила с фикусом по имени Трумен Ди, прозаично работала в пивном ресторане в Мюнхене и свысока смотрела на всю эту плешивую красномордую братию, разбавленную придурками из других стран.

Так было до 24 июня. В тот вечер Клара чуть не обрушила грязные тарелки с подноса, когда вдруг зачесалось и загорело между лопаток. Подумала, что укус, но какое-то глубинное чутьё подсказало: взгляд.

Он сидел за дальним столиком в зале, один, и все гости на его фоне казались гротескными декорациями. Лицо мраморного ангела с изящной, но упрямой линией подбородка – точно гений черкнул её; белые волосы, подёрнутые льдом озёра глаз. Предлагая ему меню, Клара отметила и холёные руки без кольца, и дорогой парфюм.

«Успокойся! Успокойся!», – твердила она своему сердцу.

Вот так шататься на ногах под отбойный молоток в груди – это было совсем не про неё. Не для неё. Не для него.

Ангел заказал телячьи колбаски и ушёл, не притронувшись к ним, оставив весьма щедрые чаевые.

Клара несколько дней не находила себе места, размышляя, кто это мог быть, и почему она никогда не видела его раньше. С его данными он просто обязан был светиться в медиа или вести популярные страницы в социальных сетях. Чем он занимается? Сколько зарабатывает? Есть ли у него девушка? Дети? Клара уехала в страну грёз, где у прекрасного незнакомца был чёртов белый замок, и плакала в подушку от презрения к себе и от удовольствия, которое он ей доставлял её же руками.

Ресторан был невыносимой дырой – Клара ясно увидела это. Она облила клиента, ошиблась с заказами и расколотила несколько стаканов. Вышел неприятный разговор с начальством.

После него-то незнакомец встретил её.

Он стоял около сверкавшего синего кроссовера весь в белом, высокий и статный, и нарушал общественный порядок, закуривая.

– Вы скучали по мне?

– Нет, – нашлась Клара, хотя сумка брякнулась ей на ботинок.

Она сделала вид, что это случайность, и, наклонившись, только криво махнула около опадающей ручки – потеряла равновесие. Как всегда, в ответственный момент! О?

Возмутительно! Он держал её под локоть и говорил:

– Я вижу, вы сегодня очень устали. Я вас подвезу до дома, – он обвёл её вокруг машины, открыл перед ней дверцу и усадил. – Не возражаете?

– Возражаю, – ответила Клара и получила на колени свою сумку.

Несколько минут они слушали бормотание радио.

Клара даже не спросила, кто он, откуда знает, где она живёт – в голове варилась каша. Она хватала глазами прохожих, ночные огни, полосующие капот, ангельский профиль, элементы отделки торпеды, свои джинсы, его расслабленную кисть на руле. На ней не было волос.

– Вы можете обращаться ко мне «господин Леген», – сказал он.

– К...

– Клара Ригель, из Эбесберга, – господин Леген не заметил, что она хотела представиться – он смотрел на машину впереди, – я знаю о вас больше, чем ваше имя и адрес вашей съёмной квартиры, потому что я должен представлять, кому предлагаю работу.

С чего это он? Что ещё за работа?

– И я – кандидат? – шутливо спросила Клара.

– Моему старшему брату требуется компаньонка. Он безобидный шизофреник, страдает от редкой болезни глаз, из-за чего редко выходит из дома. Он сам себя обслуживает – на этот счёт можете не волноваться. Ему становится хуже, когда не с кем делиться его, как ему кажется, важными мыслями. Я ищу человека, который согласился бы целыми днями сидеть с ним и слушать его бред.

– Разве не требуется специального образования?

– Чтобы поддакивать и улыбаться? Нет, госпожа Ригель. Однако я не говорю, что это лёгкая работа. Работа скучная, отупляющая, плохо действующая на нервную систему. Из-за этого рассчиталась предыдущая компаньонка, несмотря на высокую зарплату.

«Высокую?».

Клара задохнулась. Если бы не чаевые, она бы бросила ресторан.

– В моих правилах предлагать в четыре раза больше против того, что у есть у кандидата, и округлять. Считайте, – сказал господин Леген.

Выходило 5 тысяч евро. Больше, чем получал знакомый дантист.

– Не верю, – засомневалась Клара.

– 5 тысяч, не считая премий, карточки на воскресный шопинг, бесплатного питания, проживания и медобслуживания, и права пользоваться нашим автомобилем с водителем в выходной, – подтвердил тот.

– Подозрительно заманчиво!

– Я заинтересован в том, чтобы у компаньенок были стимулы задерживаться дольше. Мой брат слишком нервничает, когда его покидает человек, к которому он успел привыкнуть. 6 тысяч евро.

– Что?

– 7 тысяч евро, госпожа Ригель.

Он дал ей время собраться с мыслями.

Что ещё ей придётся делать за такую сумму?

– Почему вы предлагаете эту работу именно мне?

– Вы подходите, – ответил он.

Нет, это было очень, очень подозрительно!

– Мне бы хотелось больше знать об условиях. Вы же понимаете, господин Леген, как это неожиданно и необычайно щедро.

– Щедро – это 8 тысяч. Все условия мы обсудим в следующий раз, если вас интересует.

Клара с недоумением смотрела в окно на свой подъезд. Уже?

– Я позвоню вам завтра в девять, госпожа Ригель. До свидания.

Она забыла улыбнуться, прощаясь с ним.

Ночью она не спала – металась, взмокшая, от ноутбука к холодной мокрой постели. В Интернете не было ничего, что помогло бы что-то понять о подводных камнях предложения господина Легена. Ничего не было и про него. Но ведь всё не так просто? Его брат-шизофреник сексуально озабочен? Извращенец? Мазохист? Они любят втроём? Клара не верила в увольнение предыдущей компаньонки из-за скуки. Подругам она не стала звонить. Они в один голос сказали бы соглашаться на... 8 тысяч евро в месяц плюс премии, бонусы, карточку и так далее!

Без пяти минут девять Клара сидела перед Труменом Ди с холодящими подушечками под глазами, решительно придя к компромиссу. Она попробует. Если что-то пойдёт не так – рассчитается, как та... Её опасения уступили желанию влиться в другую жизнь. В его жизнь. Пусть в качестве компаньонки его брата, для начала.

Господин Леген позвонил и ни словом не обмолвился о вчерашнем, а пригласил вечером в ресторан. Ещё дюжина изнурительных часов, и Клару стошнило прямо на его смартфон. Он выронил его, когда заворачивал руль, попросил поднять и...

Она тогда застыла, зажав рот, и глядя на чёрный прямоугольник чехла в слизи и крошках между своими лучшими лаковыми туфлями.

Голова кружилась.

– Возьмите в бардачке влажные салфетки и приберите, – ровно сказал господин Леген, и в мозгу у Клары что-то щёлкнуло.

Ей всё-таки повезло – так она решила. Она оказалась на судьбоносной отметке X с теми грязными тарелками. Не прошло недели, как она, ловя интересующиеся взгляды, через парадную дверь вошла в потрясающе красивый зал с сине-золотой отделкой, со статуями рогатых женщин, с фонтаном в центре, с тысячью свечей на столбах; она открыла золотое меню без цен и узнала, что это специальное меню для специальных гостей.

– Этот ресторан принадлежит мне, – приятно говорил господин Леген, – а вы сегодня мой гость. Всё за счёт заведения. Прошу вас, наслаждайтесь моим гостеприимством.

«Этот ресторан принадлежит мне».

– Спасибо, но я в состоянии заплатить за себя.

– Не здесь. Вам не хватит ни на одно блюдо. Но я могу вычесть из вашей зарплаты, если вам так удобнее.

– Я у вас ещё не работаю, – пожала плечами Клара.

– Вот контракт, – он принял, не глядя, белую папку из рук подошедшего официанта. – Спрашивайте, если что-то непонятно. Сказать «нет» и уйти отсюда – ваше право. Мне как обычно, даме – воды, – сказал он официанту.

Клара закусила губу.

А он смотрел куда-то вбок со странной улыбкой.

Клара проследила за его взглядом и похолодела. Как огоньки двух свечей, как мерцающие угли, эти невозможные янтарные глаза завораживали и грозили пожаром.

– Госпожа Ригель.

– Какие интересные линзы... – она повернулась к господину Легену.

– Он здесь частый гость, – улыбался тот.

Клара искоса осмотрела мужчину, который со сварливым видом брался за ножку жареной утки. Чёрный пиджак с наглухо застёгнутым воротником-стойкой, блестящие вьющиеся чёрные волосы, стянутые на затылок, округлое горбоносое лицо со впалыми щеками, высокий хмурый лоб. Он откусил мясо вместе с косточкой и захрустел.

Её голова ещё не была забита рассказами Фридриха, и вместо того, чтобы подумать, что этот мужчина подходит под описание Анубиса в полном человеческом облике, она фыркнула про себя: «Ну и тип!».

Он уставился на неё и помотал головой.

– Госпожа Ригель, – сказал господин Леген, – напомнить, для чего вы здесь? – и придвинул ей папку с тиснением по краям.

Это был очень строгий и подробный контракт. Никаких обязательств сексуального характера. В месяц 9 тысяч евро брутто, зарплата – на новый счёт в банке, и все те бонусы, о которых господин Леген упоминал. Прочитав, Клара увидела себя под домашним арестом, в полутьме, в беседах с мужчиной с поехавшей крышей, и с Гельмутом, смотрящим на её грудь.

Она подписала.

Это была пятница, 29 июня, а 2 июля она вступила в эту квартиру на верхнем, третьем этаже дома в престижном районе Богенхаузен. У неё были новые чемоданы, и в них было всё новое. В воскресенье Клара получила карту на шопинг, купила вещи по выданному списку, и кое-что для души. Новое место встретило её искусственным белым атриумом, сонно светящими лампами на стенах, угрюмой тишиной и ароматом кофе.

Господин Леген устроил ей экскурсию. Кухня, столовая, гостиная, библиотека, кабинет... Клара вертела головой, как кошка в амбаре. Квартира просто огромная, но где его брат? Господин Леген открыл перед ней ещё одну дверь – в комнату с великанской кроватью, и, пока Клара пучила глаза на гору подушек, заглянул за изголовье.

– Она здесь, – сказал он. – Вылезай!

Кто-то взвыл, и на фоне портьеры медленно вырос здоровенный детина в мятом поло, мятых хлопковых штанах, с торчащими золотыми волосами. Уши алели. Он был выше брата, так же прекрасно сложен, его такие же точёные мраморные руки мелко тряслись, закрывая лицо, и слёзы сочились сквозь пальцы, опутанные золотой паутиной.

Душераздирающее зрелище было.

– Знакомьтесь, госпожа Ригель, это – Фридрих Леген.

Фридрих замолк.

– Ри... гель? – он осторожно выглянул.

Синие глаза, прекрасные.

– Не бойтесь, Фридрих у нас как плюшевый лев – и такой же бесполезный, – заявил господин Леген.

Клара ещё не знала, как бессердечен он будет с ней.

– Здравствуйте, господин Леген, – она подошла к Фридриху, протягивая руку, – я ваша новая компаньонка, Клара Ригель. Рада познакомиться. Мы подружимся и будем здорово проводить вместе время.

Фридрих вытер руку об рубашку и чуть-чуть пожал её пальцы.

Т-т-т-т-т...

Клара, сидевшая на заправленной кровати и пожимавшая сама себе руки, как очнулась и оглянулась на дверь. Стук? Не может быть, чтобы уже половина седьмого. Неужели... Да, всё так. Она встала и подошла к двери в спальню Фридриха, приоткрыла.

– Доброе утро, господин Леген. Я вас разбудила?

Фридрих сунул нос в щель.

– Нет-нет. Я давно не сплю, и услышал, что вы встали. Я решил спросить... Клара, вы собираетесь рассчитаться?

– Почему вы спрашиваете?

– Я бы не хотел, чтобы вы ушли... Нам так хорошо вместе, да?

– Да... хорошо...

– Вы не будете рассчитываться?

– Не собираюсь.

– О, замечательно! Извините, что побеспокоил... Скоро увидимся, – и он со смущённой улыбкой, порозовев, закрыл дверь.

Он не умеет лгать, дубина.

Она собирается рассчитываться? Нет... Ещё нет.

Облачная комната

В загнутом дугой коридоре, сложенном из громадных блоков тёмного со светлыми прожилками камня, полоса ночного неба была уже, чем палец Вивиан – какова же высота этих стен? Она опустила руку и провела по блоку. Вся поверхность словно изгрызена мышами и осыпается – но только для глаз. Ладонь не чувствовала неровностей, ноги – Вивиан посмотрела на свои полосатые носки – не утопали в песке.

Должно быть очень темно. Почему она так хорошо видит?

Песок приподнялся у стены – где просыпалось – и дыра черкнула блестящими чёрными штрихами.

Вивиан обмерла.

В следующий миг она напомнила себе, что это сон.

Не надо бояться. Нечего.

Она осознавала себя во снах, и это помогало ей ориентироваться в жизни. Вивиан словно переводила взгляд от движущейся картины к её отражению в кривом зеркале, и наблюдала порой откровение. Она никому об этом не говорила – её бы не поняли, и предпочитала казаться другим странной и терять друзей. Ей не привыкать, да и друзья – одно название. Друзья не должны решать, с кем ей встречаться и как жить. Когда Молли устроила скандал из-за Хейза, Вивиан сняла отдельную квартиру.

И перестала брать трубку.

Было нехорошо. Но как бы она объяснила Молли, что приятель мистера Уорингтона Эдвард Хейз – человек, с которым нельзя связываться, потому что он приснился ей со змеиным языком?

Для Молли это был красавчик, который стал каждое утро обеспечивать сногшибательный букет бордовых роз под дверью их квартиры. Хитрый Хейз ничего не предлагал – и повода в чём-то отказать ему не было; он присылал подарки и билеты в двух экземплярах – было не отвертеться, когда Молли мгновенно потрошила коробки и конверты. Вивиан в последний раз поддалась ей, согласившись пойти по приглашениям Хейза на закрытую вечеринку Уорингтонов в честь Дня независимости.

Тот вечер разделился на «до» и «после».

«До» она с тарелочкой фруктов в шоколаде нашла укромное место за деревом в кадке и краснела за Молли Арад, видя, что та ужехватила лишнего. «После» Вивиан подбирала под себя ноги на софе в залитой лунным светом комнате, обставленной книжными шкафами.

Волосы Хейза серебрились.

– Проснулась? – спросил он, и раздался глухой хлопок. Поставив книгу в шкаф, он повернулся.

– Но я только что... – Вивиан подняла руки к глазам.

Пальцы пахли шоколадом. Что произошло?

– Нет? – Хейз подошёл к софе. – Сколько можно спать?

Вивиан ущипнула себя за ногу и поморщилась.

– Это не показатель. Ты спишь. Спишь и спишь, Вивиан Смоуэл.

– Мистер Хейз...

– Ты знаешь про шу.

– Да, это пирожные из заварного теста.

– Нет. Я говорю о девочке по имени Шу.

– Я не знаю такой девочки.

– И это большая проблема, Вивиан Смоуэл, огромная проблема, что ты не знаешь. Потому что ты знаешь и не хочешь знать. Где она была?

Это был сон. Было нечего бояться.

Она посмотрела в потемневшие глаза Эдварда, и те вспыхнули двумя кольцами синего пламени, опалив ей ресницы. Вивиан зажмурилась и вздрогнула, ощутив железный зажим на подбородке. Сквозь выступившие слёзы Вивиан различила плывущую белую маску в обрамлении свисающих белых волос, и извивающихся золотых змей, и просочившийся из чёрных губ длинный чёрный язык.

Как она оказалась на капоте машины, Вивиан не знала.

Помнила, что в детстве у неё бывали какие-то провалы в сознании – так и пришлось объяснять в больнице, и заверять, что она не бросалась под колёса. К счастью, Вивиан отделалась лёгкими ушибами. Водителя она не видела. Хейз явился и сообщил, что всё уладил.

– Можно вас попросить? – сказала Вивиан, смотря в сторону.

– О чём угодно.

– Оставьте нас с Молли в покое.

Прошло пять месяцев, Эдвард больше не появлялся, и она уже подзабыла бы о нём, если бы не тот сон. Фу... И вот теперь ей снился этот каменный коридор без видимого выхода. О чём он? О том, что переезд в Бостон ничего не даст, надо думать. Где бы она ни была, всюду с ней будет чувство, что она жук в банке.

Вивиан застыла.

Впереди закружилась тьма, и в ней вдруг нарисовались два кольца мерцающего синего света... Они поднялись выше её роста.

Лицо Эдварда словно выплыло из чёрной воды.

Ноги Вивиан подкосились, а тело, ставшее лёгким, сдуло сквозь стену. Она не успевала соображать – под ней болталось белое полотнище, она неслась по воздуху через широкий коридор и толщу блоков, наискосок через освещённый зал с рядами каких-то машин и через стену, ещё и ещё, мимо людей, мимо столбов, и всё пошло калейдоскопом... Закрутилось и швырнуло её во что-то красное.

Она тут же закопалась в мягкое и свернулась в клубочек.

Лежала с закрытыми глазами, тяжело дыша, со скачущим сердцем, и её голова, наполняясь тяжестью, вдруг поехала по швам.

«О-о-ой!».

– Шу! – раздалось над ней.

«Шу?».

Четыре руки подняли её, развернули, уложили на спину. Ледяная ладонь тронула её лоб, и она приоткрыла глаза. К ней склонились Ирриа и Соофэй. Брат был взбешён, он что-то сердито говорил и ломал другой рукой ей плечо, сестра массажировала ей ноги, а Вивиан уже не понимала, что слышит, кого видит, что происходит.

Словно одно за другим гасли окна в доме.

Потухла последняя лампа.

Точка.

И она вновь открыла глаза уже в полном одиночестве, полусидя в чём-то вроде огромной низкой чаши с мягким синим дном, с её мягкой скошенной стенкой под спиной. Она ощущала себя маленьким, до звона тонким существом. Волны чёрных волос и синих лент спадали ей до живота. Её белые руки-веточки охватывали левую ногу в белой штанине, правая лежала под подобием длинного фартука, и только торчал узкий носок маленькой мягкой белой туфли.

Дальше было что-то ещё...

Вивиан пересела на бедро, на колено, проползла, протянула руку и подняла красный мячик с жёлтой звездой. Потом её взгляд упал на розовую линию, и она подобрала фломастер без колпачка. Потом заметила второй, синий, и блокнот на пружинах, и пенал с собачками, и конфету, и полосатый носок, и голубой шарф с помпонами на концах.

Она припомнила этот мяч. Его ей подарила бабушка.

Шарф связала мама.

Всё тут – её. Блокнот лежал открытым на странице с корявой надписью синим: «Я тебя жду» и розовым сердцем. Вивиан перелистнула его. Медведь-волшебник, дальше синие птицы, зелёная с оранжевыми полосками кошка. Носкокошка! Дальше две держащиеся за руки девочки в неровном, как связка сарделек, синем круге. Вивиан смутно припомнила, как рисовала это.

Она лежала здесь на животе, болтая ногами, и давила на синий фломастер, закрашивая пробелы в чёрной метёлке волос Шу. Девочка сидела безучастная, обхватив одну ногу, и уронив голову.

Шу? Девочка по имени Шу?!

Вспомнила!

Как можно было забыть?!

В детстве, когда ей только шёл пятый год, она нашла Шу. Ей приснилось, что она в круглой комнате, где вместо стен – ворочающиеся с боку на бок багровые облака, на полу – кольцо синей воды, в центре – вроде корзина для кошки, но с маленькой девочкой.

Шу не сразу отреагировала на расспросы. Она рассказала, что у неё нет родителей, что она тяжело больна, и что о ней заботятся её старшие братья и сёстры. Мечтая порадовать её, Вивиан бегала к ней каждую ночь. У неё получалось брать с собой игрушки, книги, фломастеры, конфеты – для этого она прятала их перед сном под подушку.

Со сладостями пришлось быстро попрощаться. Тая, шоколад пачкал простыню и наволочку, и мама, обнаружив это, завопила:

– Что ты хомячишь сладкое по ночам?!

– Это не я, – честно сказала Вивиан. – Я их беру не для себя.

– А для кого?

– Для Шу.

– Что ты выдумываешь?! Сколько раз я тебе говорила! Ты видела фотографии твоей тётки Дусы?! Она же совершенно круглая! И мать у неё тумба, и бабка! Хоть бы ты была в меня... – мама сбавила громкость до причитания. Она в белой блузе с пояском, подчёркивающим талию, скидывала постельное бельё с кровати, а Вивиан надувалась на стуле.

Маме ничего нельзя было рассказывать. Мама думала только о том, как быть худой и красивой. Мистер Разбэри у неё не мог уметь ходить и разговаривать, Шу была выдумкой.

Неправда!

Мишка очень заинтересовался её визитами к Шу и жалел, что не может пойти к ней. Они пробовали трюк с подушкой – никак. Наверное, он не помещался. А Шу была настоящей, холодной, будто молоко из холодильника, её глаза светились синими огоньками из ёлочной гирлянды, и губы и ногти у неё были совсем синие. Она мёрзла. Вивиан принесла ей свой любимый шарф, обнимала её, дышала ей в лицо и в руки. Конечно, она осталась ночевать, когда Шу попросила об этом. Ведь она сказала:

– Ты самое прекрасное, что могло со мной случиться.

– Будешь со мной играть? – обрадовалась Вивиан.

Твёрдые ледяные губы впечатались ей в лоб.

Что было дальше, Вивиан в свои 26 лет помнила, будто это было вчера.

К ней назойливо лезли голоса родителей, компрессы, градусники, невкусные ложки, руки в вонючих голубых перчатках. Её тормозили, таскали. Пот прошибал раскалённый лоб и паром поднимался от дыры, в дыре был лёд, и он промораживал до затылка. Так было долго. Потом ей захотелось мультиков и сладостей.

Мама плакала и несла шоколадный торт.

Когда Вивиан выздоровела, она отправилась к Шу, и не нашла её. Её не было и во второй, и в третий раз. Вивиан волновалась. Очень волновался Мистер Разбэри, и просил всё тщательно осмотреть. В четвёртый раз она слонялась по комнате. Выудила какую-то странную плотную штуку синего цвета из канавки с водой и попробовала расковырять. Стала исследовать стену – та оказалась твёрдой и слегка влажной, и выдала ей в ладонь знакомую латунную ручку с завитком. Держась за неё, Вивиан зачарованно смотрела вверх. Волшебным образом в стене проступила деревянная дверь с наклеенными разноцветными звёздами – её дверь в её комнате.

Вивиан открыла её и увидела себя спящей в кровати. Мистер Разбэри лежал на ковре мордочкой вниз. Что-то блеснуло среди игрушек.

– Мистер Разбэри, – шёпотом позвала Вивиан, – это я... Я, Вива... Не стесняйся, прибирайся.

Медведь опрокинулся назад, сел.

Она сделала в стене каждую дверь в доме и в каждую заглянула.

За завтраком мама жаловалась, что ночью ей слышались стуки. И Мистер Разбэри потом тихонько сказал, что двери взаправду открывались! И что он слышал её! Как интересно ей это показалось! По его совету она положила под подушку брелок и во сне пронесла его через волшебную дверь в гараж. Заодно она узнала, что стена может делать автомобильные двери, залезла в отцовскую машину и забрала из неё карандаши.

Утром Мистер Разбэри держал в лапах огромную бордовую розу без шипов. Коробка карандашей лежала на столе.

Вивиан в шоке закрыла лицо руками. Она сидела в постели, и ей было душно. Жарко. Ногами Вивиан сбила с себя одеяло, решив встать и приоткрыть окно.

Всё не сон. Всё правда.

Эдвард Хейз присылал такие же розы.

Она всегда считала живость плюшевого мишки обычной детской фантазией, которая исчерпалась с возрастом, но как она не понимала, что не могла придумать его поступки и слова? Он был личностью – и личностью непростой. Узнав про синие штучки, он попросил приносить их ему, и они куда-то исчезали из комнаты. Он подговаривал её на разные игры с облачной комнатой. Она научилась открывать двери так, чтобы реально они не открывались, находила двери по адресам и по именам людей на дверных табличках; бывала в домах, квартирах и кабинетах в разных городах, всюду оставляя всякую мелочь; научилась быть среди людей невидимкой. Однажды это помогло ей спасти мальчика, пускавшего в ванной кораблики и завалившегося в воду. Она сумела схватить его за рубашку и вытянуть.

Как всё это могло происходить, Вивиан не могла взять в толк.

Однако это было из-за Шу. Или благодаря Шу.

Кем бы она ни была, она, как сейчас выяснилось, умела ходить сквозь стены и поделилась умением с Вивиан. Она не объясняла, не учила её – вложила ей часть своей памяти, и всё.

Увы, для невозможного слишком многое вставало на свои места. Отменная память Вивиан преподносила ей другие события из детства, которых не было бы, если бы не история с Шу. После того, как мама выщипала себе все брови, она начала водить её к своему знакомому психологу доктору Джаррелу. Психолог покорила Вивиан тем, что заставил вещи летать по кабинету, и у него она продолжала свои эксперименты, уже не засыпая для этого. Он подменял её рисунки рисунками других детей, потому что Вивиан выводила линии как автомат.

Кошмар...

Бедная её мать... Она как чуяла запах дыма и металась в поиске, где горит, а отец, приезжавший домой ночевать, не мог ни понять её, ни поддержать, ни помочь. Они ругались. И вышло, что однажды мать привезла её в место, где сильно пахло сиропом от кашля, повязала ей платок на голову, и заставила просить нарисованных дедулей, чтобы они ей помогали.

А потом она повела её в комнату, где на столе сидел красивый голубок, а за столом сидел совершенно круглый, как тётя Дуса, бородатый мужчина в чёрном и с золотым крестом.

– Он ест конфеты по ночам? – спросила Вивиан у мамы.

Он весь заколыхался, и она испугалась.

– Что ты! – шикнула мать, вытаскивая её из-за себя. – Это очень хороший человек, протоиерей Хрисанф. Расскажешь ему про Шу, хорошо?

Вивиан захотела в туалет.

– Мама...

– Пожалуйста, Вива, – мать посадила её в кресло.

– Шу приходит к тебе, дитя? – пробасил священник.

«Вот бы пришла!», – подумала Вивиан, шаркая кроссовками в воздухе.

– Вива! – прошипела мать.

– Шу просит у тебя сладкое? – Хрисанф погрозил маме пальцем.

– Нет.

– А о чём он тебя просит?

Вивиан поёрзала и переглянулась с голубем.

– Когда двери хлопают – это он делает?

Она старательно помотала головой. Мистер Джаррел взял с неё обещание никому не рассказывать, а особенно родителям и людям с крестами, что она умеет, потому что они не поймут, будут ругаться и затаскают по церквям, где умереть, как скучно.

Протоиерей Хрисанф надел очки и раскрыл толстую книгу.

– Про твоего приятеля известно, что он был особо почитаемым богом воздушного пространства и палящего солнца в Древнем Египте. Он являлся низложителем врагов света...

– Кем? – спросила мама.

– Низложителем. Одерживал верх над силами зла, миссис Смоуэл.

– Он супергерой, – догадалась Вивиан.

– Нет, дитя, он только притворялся, что он добрый, и обманывал древних египтян. Он и тебя обманул. На самом деле он злой демон. Таким ты его видела? – священник развернул книгу и показал на картинку с коричневым мужчиной в жёлто-белой юбке, с длинными синими волосами и синим пером на голове. Толстый палец съехал к тощему льву. – Или таким?

– Да она же девочка! – возмутилась Вивиан.

– Она? – поднял брови священник.

Мать стала водить её в церковь ставить свечи, молиться и мучиться перед Хрисанфом. Она постелила себе в её комнате, и постоянно ходила за ней, и даже караулила за дверью туалета, спрашивая:

– Вива, ты там одна?

Она задумала выкинуть Мистера Разбэри! Может, это было бы и правильно, потому что плюшевый шпион увёл к страшному человеку.

Вивиан, прислонившись к подоконнику, впитывала свежесть ночи.

Она – самое прекрасное, что могло случиться с Шу, у которой не было родителей, здоровья, свободы, любящих близких. Жизни. Она – то, что не осталось незамеченным. Ирриа, сердитый брат Шу! Он представлялся именем Эдвард Хейз! Он не оставил её в покое...

Место падения

Эпредан Стен Рудж.

«Дом цветущих облаков», поэтичность названия которого и правила устройства никогда не менялись. Похожие в изобилии украшали сады мардуков эпохи Дайэтци – об этом помнила ану Амистерет. Ану Кецальмек видел их своими глазами в эпоху Таль, но в колониях илиталей. В эпоху Ран мардуки вновь создали себе расу подхалимов – алуранов, и в первых же родовых гнёздах алуранов появилось несколько традиционных сооружений мардуков, включая эпреданы.

Многого для них не требовалось.

Требовалось вывести несколько быстрых холодных ключей на каменную площадь, лежащую под малым углом, с бортами и сливом, заставить её рядами длинных каменных коробов, в них посадить деревья с обязательно высокой от земли, раскидистой кроной, к ним с двух сторон прибавить декоративный кустарник, прозванный «красные слёзы», к его корням – прадени. Эти древние растения, также не встречавшиеся в дикой природе, были симбиотами «слёз», имели гибкие стебли и на их концах – белые и пушистые, ничем не пахнущие кисти, макающие в воду. Подождать – и выросал обширный зал с рукавами под зелёными арками, со стенами в багровых брызгах, и с белой пеной на воде пола.

Красиво и уныло.

Кецальмеку эпреданы всегда были не по душе.

В них не полагалось ставить сиденья и питьевые фонтаны. Садовое архитектурное сооружение для отдыха в жару – и в нём можно было только бродить. Эпреданы берегли от засорения и обветшания, но их редко кто посещал.

Это был тот случай, когда так и лезло в глаза, что постройка имеет другое назначение, а сами слова «эпредан» и «прадени» нарочно введены мардуками в общий язык без частной определительной приставки. Было известно о существовании по крайней мере трёх ступеней в языке мардуков, в каждой из которой слова могли поворачиваться новой гранью, и иметь совершенно иное толкование.

Аэпредан, анэпредан и аманэпредан – в какой-то из форм, вероятно, скрывался ключ к истине «Дома цветущих облаков». И если мардуки поставили в эпредане статую, чего не бывало на памяти Амистерет и Кецальмека, то потому, что это не противоречило канону.

Эпредан Стен Рудж в самом цвету.

Кецальмек тронул «красные слёзы», и набухшие тёмно-красные коробочки полопались, выворачиваясь, выплёвывая созревшие семена. Под ногами в воде заплескались мальки.

Он смотрел, как жадно они хватают белые ядра, и слушал.

Тихо.

В этом месте 16 лет назад играли дети, и звонкий смех, и шлёпанье по воде доносилось до его ушей. Его вторым именем было имя Тапрайя Нарен-киари, он спускался от посадочной площадки по лестнице вдоль стены, закрывающей северную сторону эпредана, смотрел на его зелёную крышу справа, на ступени перед собой, и взрывался от раздражения. Атамил Мардук сидел на ступеньке. Раз госпожа Сога отпустила его от себя, её задача выполнена. Она уже показала мальчику ритуал благословления младенца времён эпохи Дайэтци на примере новорождённого в Доме Руджар, и обошлась без свидетеля из Совета Ран-Иним.

Тапрайя видел Атамилу со спины. Тот сидел, вжавшись плечом в низкое каменное ограждение, и ветер шевелил коротким золотистым хвостиком. Атамил не двигался.

Тапрайя опустил ногу на ступеньку ниже, и всё.

Спустя 16 лет ану Йолакан Са Кецальмек завершил процесс самоидентификации в новом проявлении и прилетел в Стены Рудж в имени Доигни Лито-киари. Он хотел посмотреть на уникальную статую, поставленную после уникального события.

Якобы он схватил Атамила, спрыгнул с ним и разбился.

Первое ему было незачем, второе было глупо, третье... Невозможно. Чтобы он не по своей воле вышел из тела-носителя, нужно было нарушить канал связи. Чтобы это сделать, нужно было иметь достаточно мощности для преодоления защитного барьера канала, создаваемого станцией.

Иначе говоря, его прошлое проявление убили.

Кто, почему – он не помнил.

То, что называлось его памятью, являлось продуктом безостановочного перевода в запись информации от органов чувств и реакций внешнего организма, сопутствующих психических состояний и мыслительных операций. Богатство каждого прожитого момента ложилось в узоры на платах Апофеоза Таль и поступало в распоряжение вспомогательной системы. На хранение, на оперирование. На анализ. Кецальмек подозревал, что существуют подпрограммы, которые, как минимум, не дадут ему устраивать диверсии на станции, следить за секретными грузами и сообщениями, и задавать кораблю запретные курсы.

Однако 16 лет назад имело место вмешательство другого рода. В систему вошли через удалённый доступ и скрыли часть данных, либо физически удалили фрагмент платы.

Прежде ему не приходилось чувствовать такую беспомощность.

Конечно, его никто не заставлял становиться ану. Он сам захотел, сам добился этого, сам отдал мардукам всего себя, дал разложить себя на материи и сплавить с механизмом. Он не человек, но он знал себя человеком! Как человек, он имел больше достоинства, чем игрушка мардуков.

Никак не примириться с собой инструментом. С собой никем.

Доигни Лито-киари будет бороться.

По официальной версии он совершил показательное самоубийство после проигрыша в суде Вайсарану Мардуку по делу переселенцев, и заодно попытался причинить вред наследнику Вайсарана. Советники это приняли. Первоголос Ран-Иним сочетал в себе импульсивность и хладнокровие, и, бессмертный, мог позволить себе порицаемые, даже безумные меры. Так думали в обществе. Он выступит с заявлением, что инцидент в Стенах Рудж – внутренние дела мардуков, и он не причастен. Если он не полезет слишком далеко, мардуки дадут ему отыгаться.

Доигни пошёл дальше.

Где-то у подножия стены, где упало его прошлое тело вместе с Атамилом, должна быть скульптура. Вот этот рукав эпредана, вот, слева, и она. Вернее, он. Сразу виден. Белый очищенный кварцит, вставки лазурного камня и золота. Подросток Атамил Вайсаран Мардук, будущая вершина мужской линии мардуков и очередной соправитель Соги, выполнен в натуральную величину. Сидит среди прадени, как живой, опустив ноги в воду, и держит на коленях золотой диск принцев Дайэтци.

На ещё нежном, ещё не начавшем вытягиваться лице мягкая лазурная улыбка. Будто посмеивается своим мыслям.

Первоголос сложил перед ним руки.

Перед смертью прошлого проявления он узнал что-то, чего не должен был знать, когда приблизился к Атамилу. Странно. День, алуранское поместье, хорошо просматриваемое место, ребёнок, не имеющий знаний и сил старших. Набор обстоятельств, ну никак, на первый взгляд, не предполагающий срыва покровов...

Знай он, зачем существуют эпреданы...

Без понимания он неуравновешенный ану и главный советник Ран-Иним, который нелепейше скомпрометировал себя, а это – просто статуя Атамила в просто «Доме цветущих облаков».

Мардуки называли некоторые цветы огнями.

Огненные облака? Горящие? Закат?

Но они и кровь могли называть пламенем, и ещё много чего.

Нет.

Кто знает их язык Амансашеру по искусственным диалектам, которые выделили мардуки для илиталей и алуранов, и не знает всей глубины их истории, культуры и философии – как он, – только путается. Сами мардуки в срок десяти человеческих жизней поднимаются по ступеням Амансашеры – даже им, внутри их роя, не всё очевидно на разных этапах. Кто осведомлён? Высший господин Вайсаран Мардук, высшая госпожа Согашеарун Мардук и их опоры – главы линий Хет и Рау, Шеос и Аман.

Которые ничего не скажут.

Он отошёл и, раздвинув метёлки, сел на бортик и оглянулся.

Вода тянула плети прадени, резвились рыбы, наверху вяло шелестели листья, роняя солнечные блики. На стволе пальмы мелькнула ящерица. Каким предстал бы перед ним эпредан, если бы он мог перейти в Асбару? Но ключа у него нет, и технический слой Асбара – территория мардуков. Рискнуть, взломать? И что? Его сразу обнаружат.

Из дальнего прохода вылетела бело-синяя искра.

Она плавно моталась из стороны в сторону, вверх и вниз, делала петли, словно летело тяжёлое насекомое, и по воде плясало её отражение.

Здесь мардук.

Доигни на всякий случай активировал барьер и цвет искры поблёк. Но, подлетев, зеленоватая звёздочка скакнула ему в правую руку и прошла льдом до плеча. Беспольный барьер! Стиснув зубы, Доигни подхватил трясущуюся кисть и увидел, как она стекленеет, проглядывают кости и жилы, и внутри в светящемся зелёном кольце плетёт узор голубая нить.

И он тут же поднялся, заметив и его.

Мардуки в человеческих телах вырастали медленнее, чем люди, но тоже быстро. Атамил уже выглядел типичным высшим мардуком мужского пола в возрасте от 20 до 100 лет – рослым мужчиной с распущенными золотыми волосами ниже плеч, в щитковом нашейнике и в юношеском одеянии, похожем на то, что осталось запечатлённым в камне.

Доигни, как полагалось, начал первым с обязательного:

– Ваш путь благословенен, молодой господин Мардук...

– До окончания времён, – отозвался Атамил, улыбаясь.

– Что вы мне встроили?!

Атамил присел рядом со своим детским образом.

– Объясните! – потребовал Доигни.

– Не нужно так волноваться, господин Первоголос. Вы давно знаете нас и наши привычки. Прошрое пересечение наших с вами путей закончилось для вас неприятным образом, и я хочу сгладить это, – и шире улыбнулся на усмешку Доигни, показав ровные белые зубы. – Я не буду пытаться убедить вас, что ни я, ни любой из нас не виноваты в случившемся.

– Почему же, было бы интересно услышать!

– «Услышать», не «узнать». Но послушайте: не бывает идеальных механизмов. На вашей станции был сбой.

– И я перескочил с вами через перила? – засмеялся Доигни.

– Вы увидели, что я перегрелся, подняли меня на руки, чтобы перенести в тень, и это случилось с вами. Моё тело перевесило. Если бы всё произошло без мардука поблизости,

вы бы не подозревали нас. Впрочем, – он коснулся золотого диска, – вы всегда найдёте, в чём винить нас.

Доигни набрал воздуха в лёгкие.

– Почему было заявлено о моём самоубийстве?

– Разве не очевидно? Ваша новая стратегия работы не потребует излишних объяснений, репутация наших инженеров не пострадает.

– Если я не дам это в официальном обращении...

– Не дадите.

– Вы слишком молоды, Атамил, чтобы я обсуждал это с вами. И вы так и не объяснили ваш хулиганский поступок, – он поднял руку.

– Я дал вам допуск к одной из учебных линз Шеос. Я сдал с ней экзамен, когда прилетал сюда в прошлый раз. С помощью неё и золотого экрана, – Атамил поставил палец на диск, – я проверил структуру формы Анет Руджар и внёс необходимые поправки. Отныне это доступно и вам.

О, нет!

Кецальмек знал, что такое «форма» для мардуков.

– Вы сознались, что провели операцию на душе человека!

– Как будто вы не знали, что это за ритуал.

– Это запрещено! И вы... – Доигни сжал кулаки. Пальцы уже слушались.

Синие когти царапнули по выступу блока.

– Если этот камень даст трещину, трещину нужно будет сразу склеить и стянуть. Если этого не сделать, земля и корни начнут разрушать её, пойдут деформации, ползет грязь, и придётся заменять всё звено.

– Не меряйте человека по вашим меркам!

– Человек – есть содержащее, он такой же обработанный камень, как этот, и так же наполнен прахом и цветом.

С ним бесполезно спорить.

Атамил гнул своё:

– Ремонт определяющих границ – разумное решение. Другое разумное решение – замена сосуда на целостный безотлагательно. В отношении человеческого дитя мы всегда действуем в его пользу.

Он сказал: «Алуран-ги диму».

Атамил не имел в виду детей эгилу.

– А другие?

– Вы благоволите им, – сказал Атамил, поднимаясь.

Доигни тоже встал.

– Я не буду благодарить вас за этот дар.

– И не нужно. Пользуйтесь.

– Никогда!

– Никогда? В окружении таких несовершенных существ? – Атамил уходил, заложив руки за спину.

– Атамил!

Что-то садануло прямо в нос. Заколотило и закричало тонким голосом:

– Папа! Папа!

Джейк Эванс оторвал лицо от двери и, держась за стену, покачиваясь на ногах, медленно осел на крышку унитаза.

– Папа, что такое «атамил»? – вопила Хлоя в коридоре.

Она ничего не умела тихо – ни ходить, ни разговаривать, и даже во сне, брыкаясь, издавала такие звуки, будто она тюлень.

– Джейк?

Под дверь уже принесло Дженну.

– Всё в порядке! – прогремел он и подобрал с коврика держатель для туалетной бумаги, нашарил рулон под ногами. Он не заметил, как съёс их.

– Папа?

– Джейк?

– Чего вам?! – он прилаживал держатель на место.

– Джейкоб со мной не разговаривает, – жалобно сказала Хлоя.

Потому что проклятый лис говорит с британским акцентом!

– А ты скоро?

– Хлоя, отстань от отца. Ты хотела искать Монокля.

– А-а-а-а! Монокль потерялся! Папа, слышишь?!

Если бы только Монокль.

Джейк повздыхал, пошуршал, и нажал кнопку на бачке. Долго шипел освежителем и вышел в мир, как яблочный пирог из духовки.

Дженна, обняв Хлою, гладила её по голове.

– Наконец-то, – она сильнее поджала губы, и от носа пролегли морщины. – Ты просидел там весь завтрак. Всё остыло.

– Разогрею. Как...?

– Кажется, лучше, – Дженна потрогала лоб дочери, потом свой. – Пойдём-ка за градусником. Что за напасть... Надеюсь, больше с нами сегодня ничего не случится... – бормоча себе под нос, она вела Хлою с собой.

Для неё этот день тоже плохо начался. Джейкоб попал в аварию и сломал руку, девочки проснулись с сильной температурой. Хотя бы муж устроил себе выходной, перенесся встречи, только Дженну это не утешало.

– Джейк...

– Что? – он посмотрел на жену, выглядывающую из-за угла.

– В ванной, в шкафчике, на верхней полке жёлтая баночка...

Он не понял.

– Там... чтобы было легче... – Дженна показала одними губами.

– А... Спасибо.

Джейк сунул руки в карманы, на мгновение потерявшись. Ещё когда они познакомились, Дженна – с головы до ног мягкая, как персик, – захватила его в непомерную широту своего сердца, и Джейку осталось дать завернуть себя в плед и напоить горячим молоком с мёдом. Она никогда не замечала своих побед – и тем сокрушительнее было Джейку стоять на коленях. Вот и сейчас она поднималась с громко топающей Хлоей по лестнице, что-то говоря ей про шампунь, а он думал о ней.

«Чёрт возьми!».

В его доме бальсаг, который носит маскировочную оболочку Хека. В его доме ребёнок, которого он оздоровил через линзу Шеос Атамила. Он давно на кривом пути, и ничто, кроме эгоизма, страха и непривычки, не мешает ему порадовать эту потрясающую женщину.

Он не заплатит одной за разочарование многих, но...

Он не искупит преступления против Маргарет, но...

Но он не сволочь.

Каменный призрак проступил на фоне светлых стен, облепленных портретами кроликов. С иронией на холодных синих губах.

«Ты убил Тапрайю, – обвинил его Джейк. – А ты... – и он вызвал с того света чёрную тень Андрея Беляевского, – вы, твари, влезли в мою систему! Ты как-то узнал, как это сделать! У кого ты получил доступ?! Что за глупый вопрос... – сказал Джейк себе. – Всё от неё!».

«В Аменти ждут прихода госпожи Сопдет через эту девушку».
Какие он препятствия мог создать?
Разве мог?!

Обещающий холод

Кимико приехала в дом, выбранный ею для Вивиан Смоуэл, прилегла на удобную плоскую кровать в выбранной для себя комнате, сунула служанке ноги, чтобы красила ногти, и зачерпнула ложкой фисташковое мороженое из ведёрка – и в этот самый момент, когда на экране раскладушки стало 12:40, он позеленел в изумрудный жад. Встроенная в него золотая пластина приняла из ручного ансени запрос от модуля «Инергалат» и превратила телефон в замаскированный под телефон передатчик.

Да!

Этот разговор будет, потому что Джейкоб Эванс похищен.

Она ждала этот разговор с тех пор, как не осталось сомнений, что существует посмертный проект Беляевского «Вивиан Смоуэл». Его прощальный подарок Сопдет или подношение ей – всё равно. Девушка из числа отмеченных Андреем родилась максимально пригодной для проявления Сопдет и также стала первым в своём роде защищённым носителем. Вивиан младенцем перенесла привязку к скрытому устройству в третьем слое Менра, куда Беляевский мог лазить, – которое отменяло для неё преграды и позволяло действовать дистанционно.

Для госпожи Сакаи важным было не столько это, сколько перспектива, что Сопдет впервые за 2 тысячи лет захочет дать полное проявление. Им есть, о чём поговорить.

Кимико подтвердила запрос и воскликнула:

– Это вы, господин Мардук-Хет! Как я счастлива! – и она хихикнула в кулачок. Ей нравилось поддразнивать его. – Господин Мардук-Хет, я так обрадовалась, что вы позвонили, и совсем забыла сказать вам, что благословенны пути в небо! Простите, я сегодня не выпалась, и я так растерялась... Вы не будете сердиться на преданную вам Кимико?

– Все и во все времена, – гулко донёсся голос Тиамата, давшего понять, что он счёл нужным услышать только три слова.

Такой неизменно серьёзный.

Для неё он всегда был Тиамат Мушррас Мардук-Хет. Очередные человеческие имя и фамилия Гельмут Леген принадлежали не ему, а марионетке, здорово преобразившейся с появлением Вивиан.

– Смеётесь?

– От радости, – она накрутила на палец чёрную спираль своих волос.

– А вы слышите, какой ветер дует?

Ветер был только из носа усердной лисы, но Кимико понимала.

– Какой ветер, господин Мардук-Хет?

– Хватит, – резанул тот.

Никогда не расслабится с ней. Но действительно – хватит.

– Вы про тот ветер перемен, который дважды просыпался в месяце декабре, и в третий раз поднимается на севере?

– Про него.

– Я молилась богам ветров, и они слышали мои молитвы!

– Это были все ваши молитвы?

– Я день и ночь молилась о добром здравии господина Мардука и о вашем благополучии, господин Мардук-Хет, и о ниспослании мне шанса наладить отношения с моей сестрой по небесам Круга. Я хочу, чтобы Сопдет проявилась на моей территории, чтобы я вместе с вами могла позаботиться о её пробуждении, – и отправила ложку в рот.

Он звонит, потому что тоже заинтересован в этом.

Теперь, когда у ану Мардука остановленное проявление, и неясен масштаб его повреждённый, Мардук-Хет больше, чем когда-либо, одержим идеей, что Сопдет – мардук. Настало его

время. Он вывезет подготовленный носитель с территории Эванса, пока тот не спохватился, что в его настройках покопались. Где он сможет спокойно оберегать проявление Сопдет? Привезёт её в Европу – себя поддержат скандал, который закатит Эванс, передаст Инпу Себе – и тот захлопнет перед ним двери. Только госпожа Амитерет является вариантом, который все потерпят.

– Плохо хотите, – насмешливо сказал господин Мардук-Хет. – Вы должны были заранее доказать, что не устроите мне нежелательных сюрпризов, а вы до сих пор таите кота в мешке.

– О чём вы говорите?

– Об Уриэци, о чём ещё?

Кимико с усилием проглотила мороженое.

– Земля, не готовая принять зёрна, напрасно погубит их...

– Оставьте это идиотам, которые не знали так хорошо, как вы и я, вашего покойного муженька. Наместник Беляевский был не дурак, и грязно играл, как дышал. Он знал, что вы задумаете, когда вскроется, что растёт носитель для Сопдет. Он же оставил вам 19 предметов неопределённого предназначения. И вы хотите, чтобы я доверил вам главенство в новой жизни Эйенешентар на пару десятков лет?

Ей пришлось ответить:

– Я сожалею, господин Мардук-Хет.

Надежда, что он обойдёт тему Уриэци, пошла прахом. Дальше останется соглашаться на риск проверять их. Довольно подло с его стороны припирять её к стенке в последний момент, но она бы сделала так же. Было время вызреть окончательному решению.

Слишком многое на кону. Её решение – уступка, несмотря на вероятность потерять несколько Уриэци или пострадать.

Как и другие ану, госпожа Амитерет очень не любила умирать в проявлениях. Обновление носителя обязательно запускает перезагрузку вспомогательной системы. Память становится недоступной на время, и восстанавливается для сознания по отдельным фрагментам. Несколько лет блуждания по лабиринту снов, пока все дела в чужих руках, и этим все пользуются – вот что будет, если эти Уриэци – оружие против неё.

Кимико хорошо представляла, какое.

Уриэци базировались на той же кольцевой основе, что и ансени, и любые другие виды «колец» мардуков Хет. Все они, по сути, – или горлышко сосуда, или конец трубы. В случае, если Андрей подделал Уриэци, и вывел в них каналы передачи энергии, например, от «Сап-Расетау», ану Имэйни Аро-эо Амитерет получит разряд. Он будет недостаточно мощный, чтобы станция распознала атаку, и начались последствия для Инпу, но достаточный по силе и продолжительности, чтобы вызвать помехи в канале связи с проявлением. А помехи – серьёзная проблема.

Давным-давно, исследуя свои слабые места, госпожа Амитерет определила, что, если переключить сознание в истинное тело, на 39 секунде отсутствия контроля над телом-носителем вспомогательная система начинает воспринимать его отсутствующим и сворачивает его жизнеобеспечение.

Зная об этом, Амитерет не считала чем-то невероятным неполные проявления Сопдет. Та делала их, научившись годами удерживать вспомогательную систему в 39 секундах. И всего лишь.

– Сожалеете? – нажал Мардук-Хет. – Если я привезу к вам Смоуэл, и ваше проявление погибнет, ваши себя станут сами знаете чьими. Я не получу прав доверенного лица опекуна. Вам это понятно?

– Да, господин Мардук-Хет. Этого нельзя допустить.

– Вы сейчас же начнёте проверять все Уриэци.

Кимико прикинула. В Чикаго, где сейчас находится Вивиан Смоуэл и господин Мардук-Хет, заканчивается 1 декабря. Получается, здесь – в Киото, живущем на 15 часов вперёд, – проявление Сопдет начнётся в остаток дня 2 декабря или в ночь на 3 декабря. Счёт пошёл на часы.

– Одно условие, господин Мардук-Хет.

Его смех прозвучал дробью дождя.

– Мы не можем исключать того, что Уриэци подлинны. Поэтому, если первый попавшийся окажется настоящим, я отложу проверку остальных. Они слишком важны, чтобы я расстрачивала их попусту. Вы согласны, что условие разумно? – заискивающе спросила Кимико.

– Начните с этого.

– При благоприятном исходе...

– Мы всё обсудим при благоприятном исходе, – перебил он.

Экран телефона погас, и тут же засветился белым, показывая новое донесение. Господин Мардук-Хет распорядился подготовить к приёму гостевой особняк Сопдет в Чикаго. Он будет держать Вивиан в поле зрения, пока не дождётся начала.

Шанс велик как никогда.

Этим летом Тиамат спровоцировал Вивиан, и она использовала свою лазейку. Она сделала это неосознанно, но однозначно, что устройство перехода работает, и что она подошла к тому, чтобы вспомнить, как им управлять. И время приходит, поскольку группа, работающая по проекту наместника Беляевского, сделала упреждающий ход.

Кимико откинула телефон, отставила ведёрко с мороженым. Посмотрела на десяток аккуратных пятнышек мятного цвета у себя на ногах, и на лису в скромном кимоно, которая изображала, что её нет.

– Ты, – сказала Кимико. – Как тебя?

– Бун-си Кас, досточтимая госпожа, – прошептала лиса, повернувшись к ней на коленях и сложившись.

Кимико кинула себе в руку веер из ансени и прикрыла губы.

Из 19 Уриэци 16 принадлежат мужчинам.

– Бун и вы двое – идите на улицу. Как можно скорее найдите молодого человека возрастом от 20 до 25 лет, не уродливого, не имеющего высоких целей в жизни, не влюблённого, не единственного сына у живых родителей. Ведите его сюда.

– Слушаюсь, досточтимая госпожа Кимико, – и Бун опустила желтоватые глаза. Она поднималась. Поднявшись, ещё поклонившись, лиса попятилась и ловко скользнула за ширму.

Часто протопали три пары ног. Бун убежала с двумя другими служанками, сидевшими за ширмой.

Пора и госпоже Амистерет заняться делом. Она встала. Сегодня она в топе шафранного оттенка, в длинном белом джемпере в сетку, и в коротких джинсовых шортах. На церемонии с облачением нет времени. Ну и пусть. Имеет смысл одно.

Она сошла с подиума, обойдя расписанную деревянную ширму.

Та имела прорези вверху и доставала почти до потолка, затеняя место отдыха. В остальной части комнаты, одна стена которой была сплошь стеклом за панельными шторами, казалось в разы светлее. Кимико обвела её взглядом. Комната практически пустая, с сияющим, словно политым маслом, деревянным полом, с незажжёнными светильниками по углам, с несколькими комодами, стоящими лестницей.

Нижней ступенью притулился низкий шкафчик из багровой древесины вишни. Кимико знала его огромным деревом, поднимавшим к солнцу благоуханные сугробы, которое как будто знало и её. Однажды оно попрощалось. Явилось к ней в сон с Преямагаашем на своей огромной ветви. Ветер тронул его одежды и волосы, и они осыпались белым цветом. На той же неделе

молния ударила в старую вишню. Она сгорела, а отвалившая ветвь осталась на память этим шкафчиком.

Кимико присела, выдвинула верхний ящик и достала из него круглое зеркало и гребень. Поставив зеркало, быстро расчесав волосы, она сложила ладони и развела их, пропуская из обеих ансени длинный – от её кончиков пальцев до локтя – золотой тубус в резных узорах. Держа его за торцы, она сняла свои печати, и слева выехал зелёный лоток.

Зелёное на золотом фоне и с золотом.

Золотом, слепо глядящим синим глазком.

Она вынула заколку в виде двух золотых крепко свившихся рогатых змеек, смотрящих в разные стороны, и на неё сверкнула одна, затем другая пара синих шпинелей.

Бегло оглядев их, Кимико левой рукой смотала свою роскошную гриву в жгут, и привычными движениями прокрутила змеек через витки. Тяжело. Почти 800 грамм. Из зеркала поглядела, задирая нос, юная красавица с овальным лицом, хрупкой шеей и торчащими ушами.

В зелёных сужающихся глазах она любила себя ещё больше.

Это тело служило ей больше 1300 лет. При благоприятном исходе она потребует у Тиамата извинений. При неблагоприятном – тем более!

Она повернула голову, и самоцветы нехотя поиграли на свету. Заколка сидела на затылке немного сбоку и наискось, смотрелась болтом, пробившим голову. Бесценная вещь. Лишь реплика украшения, подаренного ей, ану Имэйни, Преямагаашем Синтерци Мардуком в эпоху Дайэтци, но реплика, созданная его раннейшим продолжением, Кейнарненом Атамиллом Мардуком, на заре первой эры новой эпохи Нен.

Оригинальная заколка, некогда украшавшая белоснежные волосы Преямагааша, хранила изысканный порядок на голове Имэйни в сосуде Апофеоза Дайэтци, не видная ни ей, ни кому-либо. Она вместе с ним лежала на дне памяти Имэйни. Преямагааш жил давно. Слишком многие жили после него. Уже стали вечностью 65 тысяч лет, прошедшие под кулаком Кейнарнена Мардука.

Его подарок имел то же значение, что корона, которую вручил бы человеку его бог, скупой на благоволение.

На памяти госпожи Амитерет, высший мардук-мужчина всегда был или «Анепре-аш», или «Анепре-шу» – «возгорание» или «угасание» на уровне величия, «обещающий тепло» или «обещающий холод». Первые появлялись на свет чаще, их негласно считали правильными в среде мардуков, и их любили люди, принимая характерные черты анепреаша за доброту и ласковость. Последним примером был Атамил, предшественник Кейнарнена, и анепрешу Кейнарнен стал его образцовой противоположностью. Склонный к уединению и хандре, злопамятный, вспыльчивый и жёсткий. Если он оказывал знаки доброго внимания, то словно отрывая от себя куски – так непросто ему было, и так искренен он был.

Кимико ещё проверила, как держится причёска, и прислушалась.

В отдалении, внизу, перелились колокольчики голосов, и брякнул, как палка в барабан, мужской баритон.

Молодцы.

Кимико прижала ладони к дверцам шкафчика, приставив ансени к кольцам ручек, и дерево позеленело и растаяло, открывая тайную нишу. Чёрная чешуя живо заблестела, отражая огни в руках Кимико, и она подхватила ящик из литого обсидиана. По блестящим стенкам и по обвившему их дракону всполохами заплясали зелёные линии печатей. Поставив ящик на пол, подождав, когда последняя линия, самая толстая и яркая, прошьёт стенки горизонтально на высоте двух третей и погаснет, Кимико приподняла крышку и спустила её держаться за край.

Внутри были Уриэци из Шкатулки Белет, подаренные господином Беляевским: тёмно-зелёные диски шириной в пару сантиметров, уложенные на рёбра в отдельные ячейки. Два ряда по десять ячеек, и одна пустая.

Всего 19 лет жизни в союзе с ним, всего 19 Уриэци из многих.

«Эци» – жизнь, «ри» – герой, выдающийся человек. В эпоху Дайэтци мардуки доверили Имэйни сохранять для будущего великие умы, великие сердца. Та же технология, которая позволяла копить память ану и пользоваться ею в проявлениях, позволяла записать жизнь человека и воспроизвести её в другом. Следовало тщательно выбирать вместилище, чтобы наложение произошло наилучшим образом, и скомпонованная личность продолжила Уриэци. Надо было выбирать времена.

Если бы не подозрение, что Беляевский обманул её, Кимико всё равно не использовала бы Уриэци – пока не видела необходимости.

– Госпожа, к вам гость, – прошептала Бун за дверью.

– Пусть войдёт.

Дверь чуть слышно шаркнула по полам.

Парень шлёпнул тапочками – раз и два. Кимико почувствовала его опаску, недоумение, интерес и лёгкое возбуждение. Ещё бы – три хорошенькие девушки в традиционной одежде пристали с расспросами и затащили в особняк за высоченным забором, про который ходили слухи, что он заброшен и облюбован демонами.

– Хорошего дня, госпожа Сакаи, – сказал парень, стоя в отдалении. Богатство дома и три служанки приуменьшили его в росте. Он представился: – Я – Кэзуки Мацуда.

Кимико напряглась.

Стоит ли надеяться, что так совпало? Или пора принять к пониманию, что гниющие руки Андрея потому до сих пор не тронули холодом её шею, потому что было не время? Он хотел, чтобы она подумала сейчас, что это время наступает? Он хотел сейчас запугать её! Смутить, как себ Дуата, и заставить отказаться от участия в этом деле.

Кимико краем глаза поймала Мацуду за фирменную зелёную куртку. Почтовый курьер, значит. Он стоял в почтительной позе. Если он согласился потратить рабочее время на левое приключение, наверняка он уже доставил посылки, и лисы пообещали ему хорошие деньги.

– Мацуда-кун, проходите.

Он остановился в двух метрах и спросил:

– Что мне нужно сделать?

– Назовите число от 1 до 19.

– 15, – с замешательством ответил Мацуда.

– Почему 15?

– Я родился 15 марта.

Кимико отсчитала пятнадцатый Уриэци, достала его – он потянул её ладонь вниз. Из левого ансени она вытащила средним пальцем стандартное кольцо встройки и поднялась.

Мацуда смотрел на её руки.

Она сжала кольцо двумя пальцами, и оно чуть щёлкнуло, расправляясь, пока она подходила. Подняв кольцо перед собой, Кимико вставила в него Уриэци – тот ожил белым инеем по краю, – и резким движением вбила в грудь курьеру, и отшагнула, давая ему рухнуть.

Кимико Сакаи жива.

Убитый ребёнок

– Рон, идёшь?

Карандаш полетел у Рональда из пальцев. Он глянул поверх коробок с бумагами и увидел Джо, растёкшегося по косяку. Джо Манн, новый помощник Дайаны – парень с безумными глазами, рыжий, тонкий и хваткий, как хорёк, – скалил острые зубы.

Часы над дверью показывали скорый полдень.

– Куда? – напрягся Рональд, который до ланча собирался разгребать документы по новому делу.

Джо закрутил себя в талии, заглядывая на часы у себя над головой.

– Да они же стоят, – сказал он, подняв мизинец.

Безобразие.

Рональд двинул мышкой, и проснувшийся ноутбук подтвердил, что близится два. Надо бы поторопиться в кафе, если он не хочет пропустить ланч. Вот только он не понял, с чего вдруг Джо позвал его, к тому же с таким видом, будто это обычно. Они работали вместе в адвокатской фирме «Раскингс и Трэвор» не больше месяца, и самый долгий их разговор произошёл в лифте на тему дрянного кофе.

За спиной Манна прошли трое в чёрных костюмах, и Рональд проводил их взглядом по стеклянной стенке кабинета. Он их не знал.

– Спасибо, Джо, не дал умереть голодной смертью, – пошутил он и вцепился в край стола, осматривая бумаги. Было немного жаль оставлять всё сейчас, когда мозг работает на полную.

Кстати...

– Идёшь?

– Да-да, сейчас, – Рональд выловил карандаш и зацарапал им по краю исписанного листа. – Секунду...

– А ты работяга, Рон.

Джо просочился в кабинет, судя по тому, что зазвучал громче:

– Говорят, шпаришь, как проклятый, второй месяц подряд. Не ешь, не спишь. Э? – Что-то скрипнуло, и он засмеялся с присвистом: – С-с-с...

Рональд поднял глаза и почувствовал, что закипает.

Джо Манн торчал перед столом раскисшим телом в синем костюме и небрежно наброшенном бело-сером плаще, словно пьяный, но его рука твёрдо держала за верх рамку с фотографией Вивиан. Рону было неприятно и это, и поскрипывание ногтей Джо по стеклу.

Ещё тогда, в лифте, Рон обратил внимание, что они у Джо довольно длинные и ухоженные.

– Поставь, – Рон завертел карандаш в пальцах.

– Ага, – Манн чесанул себя за ухом. – Это ради неё?

– Что?

– То, как ты рвёшь задницу?

– Я познакомился с целеустремлённостью гораздо раньше, чем с ней, – ответил Рональд шутливым тоном. Имени Джо никогда не появится в списке его гостей.

– Я повидал много дерьма, и некоторое дерьмо неизменно: баба старается для себя, мужик старается ради бабы. Не, – Джо прочистил горло, – не так выразился. Мужик старается ради того, что связано с конкретной бабой или вообще с бабами.

Рональд был не согласен. Он подвигал бумажки на столе и молча покотил под собой кресло на колёсиках.

– Я бы, – Джо театрально развернулся, и подхватил фоторамку другой рукой, как Гамлет – череп, – познакомившись с такой девушкой, захотел бы ей сказать: «Эй, малыш, я успешный

юрист, и через пару лет я стану партнёром в фирме, так что скорее выходи за меня замуж, пока не нашла кого получше». У меня было бы уже куплено какое-нибудь пошлое кольцо с синей, как её глаза, бирюлькой, – и подмигнул.

Рональда покорило. Манн, оказывается, чертовски проницателен. Или всё настолько очевидно? Ну и чёрт с ним.

Он встал и обошёл стол.

– Я бы совершил ошибку, – сказал Джо, убирая руку за спину.

– Заканчивай, Джо. Пошли уже, – Рональд застегнул пиджак и застыл с облившимся жаром сердцем, держась за пуговицу. Он увидел Вивиан.

Он говорил ей, где работает, но не ожидал увидеть её здесь.

Она стояла на пороге с бледным растерянным лицом, распахнув блестящие глаза, с белой коробкой в руках. Ей безумно шла эта мужская фетровая шляпа, кокетливо присевшая ей на левое ухо, этот голубой шарф-хомут, и эта короткая, до бедра, лёгкая чёрная куртка. Расстёгнутая, она приоткрывала что-то в тонкую полоску. Ножки в белых джинсах в обтяжку спускались в грубоватые ботинки на каблуках. Левое колено трогала, покачиваясь, маленькая сумка, свисающая с локтя на цепочке.

И Рональд, вернувшись любоваться лицом Вивиан, тут же проводил её странный взгляд в сторону Джо Манна, и укол ревности вывел его из ступора. Джо опередил его:

– Я вас оставлю, – и пошёл, унося фоторамку.

– Эй, Джо!

Вивиан посторонилась, и тот, прижав руку к груди, деланно поклонился и махнул мимо. Только хлопнули полы плаща. Рон повёл челюстью, но, посмотрев на входящую девушку, предпочёл потом поиграть с Джо в догонялки. Вивиан выглядела так, будто сейчас заплачет.

– Привет, Рон.

– Привет, – и он понял, что до сих пор не сказал ей ни слова. У неё должна быть серьёзная причина прийти к нему на работу, и без звонка, а он так холоден. – Проходи, проходи... – и, потеряв руки, показал ей на офисный диванчик у окна, – располагайся. Как дела?

– Н-неплохо, – неуверенно ответила Вивиан. Она не стала садиться, а протянула ему коробку, перевязанную голубым шнурком. – Это тебе. Я попробовала их сегодня в кондитерской, и решила угостить тебя.

Рон принял, попутно отметив логотип с вишнями.

– Спасибо. А что это?

– Французские пирожные «Шу». Очень вкусные. – Она закинула цепочку на плечо. – Извини, что отвлекла. Ты говорил, что у тебя ланч в два, и я подумала, что у тебя сейчас может выдаться свободная минутка...

Рональд услышал неправду. К тому же он задержался, и, если бы он ушёл пару минут назад, Вивиан пришла бы в пустой кабинет. Она не хотела его застать? И принесла это?

– Ты себя нормально чувствуешь? – спросил он, сделав шаг к столу. – Что-то ты бледная.

– Да, Рон, всё отлично. Я не хочу тебя задерживать... Я пойду.

– Нет! Подожди...

Он перерезал канцелярским ножом шнурок и открыл коробку. Девять круглых пирожных, похожих на банки с кремом для лица, с приткнутыми под крышечки ягодами и листиками мяты. Под крышкой коробки – сложенный листок бумаги на скотче.

Рональд оторвал его, раскрыл и прочитал: «Дорогой Рон! Ты один из немногих, с кем мне было приятно пообщаться в Чикаго. Спасибо за то, что ты спокойно понял, что я ничего не хочу. Ты хороший человек. Пусть твоя жизнь будет красивой и полной удовольствия, как эти пирожные. Я улетила в Бостон. Ещё увидимся. Вива».

В виски стукнула боль. Внутри стало пусто.

Рон посмотрел на Вивиан – та отвернулась.

– Сядь. Я очень тебя прошу.

– Тут не о чем говорить. Просто... спасибо, – как-то заморожено у неё получилось, и она, подхватив сумочку, сделала движение к выходу.

– Вивиан! Нет, объясни! Что случилось? – глаза Рональда полезли на лоб – он вспомнил Молли Арад, которая билась об заклад, что у него с Вивиан ничего не получится. – Что не так? Что я не так сделал?!

Ведь он так аккуратно и ненавязчиво ухаживал за ней! Сначала – сделав выводы из разговора с Молли, затем – лучше узнав саму Вивиан. Естественно, что она не хотела каждому встречному объяснять про сплошь неудачный опыт отношений, всё больше замыкалась, отказываясь уже не только от присутствия мужчины рядом, но и от женской компании. Рональд занял место в пустующей френд-зоне, видя, что это единственно верный и надёжный старт. О соперниках он не беспокоился. Последнего, про которого вспоминала Молли, Вивиан отшила ещё летом.

Он настроился, что Вивиан – только его.

– Пожалуйста, скажи! – умоляюще сказал он. – Не уходи так.

Вивиан не сделала шаг, и Рональд, подскочив, оттеснил её на диванчик, куда и усадил почти насильно. Присев, взяв её за руки – за её маленькие, горячие, сливочные ручки – он умилился и разозлился.

– Рональд, без четырёх два. Не успеешь.

Бросает его и говорит про ланч!

Рональд чувствовал, что горит.

– В половине пятого у меня будет, где перехватиться, – Рональд отмахнул это головой. – Так что случилось?

– Это... трудно объяснить. У тебя всё равно нет времени. Лучше походи и перекуси нормально.

– Вивиан!

– Рон... – изогнутые брови Вивиан поползли к переносице.

Он замял крепкое словцо.

– Не надо так держать.

– Прости, – он глянул на её руки в своих и отпустил.

– Я не хочу ничего объяснять, Рональд. Ты всё равно скажешь, что это глупо, и этого не может быть. Давай просто попрощаемся, хорошо? – она топила его в своих морях перед бурей.

Эти глаза были первым, что он увидел – глаза цвета вод, гор и неба в рекламе отдыха на острове Санторини. Лазурные и пронизанные солнцем, невинные, мечтательные, они раз и навсегда выбили из его головы задницу Дайаны Трэвис. И когда Рональд опомнился до того, чтобы разглядеть всё остальное, он воспарил над землёй. Он понял, что Создатель наспех обстругал кусок дерева и назвал его Рональдом Бросом, а для Вивиан Смоуэл взял молочную карамель и придал ей форму совершенства. К тому же Создатель наделил Вивиан характером кошечки, не дал её никому, и свёл два одиночества в одном коридоре, в одном здании, в одном городе, в одной стране и на одной планете.

Это была судьба.

Рональд встретил её в центре реабилитации для бездомных, где она помогала как волонтер, и узнал, что Вивиан приехала в январе. Она выиграла в конкурсе фотоисторий крупного благотворительного фонда в Чикаго и приняла приглашение поработать фотографом в специальных проектах фонда и в галерее его основательницы. Шарлиз-Мон Паунд приходилась племянницей Генри Уорингтону, тот финансировал центр реабилитации «Дом для всех», и там Вивиан оставляла своё свободное время, а иногда и ночевала. Туда отвезли женщину, которую Рональд искал потому, что Трэвис поделилась с ним важным клиентом.

Он думал, что ему нравятся блондинки. Он ошибался.

Его заводили ягодицы. Больше нет. В Вивиан его звало всё.

Дайана Трэвис перестала быть наглядным примером женщины, нужной мужчине с умом и большими планами в жизни. Не имея и половины её деловых качеств, Вивиан Смоуэл стала самой нужной.

Рональд считал, что всё равно сделал разумный выбор, потому что она оказалась первой девушкой в его жизни, с которой он смог представить себя в любых обстоятельствах. И даже с обмазанным кашей младенцем. Он не сомневался. Он так сильно её захотел, и так забоялся её упустить, что закопался в работу – чтобы голова не шла кругом.

Невозможно, чтобы она бросила его.

Он может простить ей всё, кроме измены и ухода.

– Я тебя понимаю, – сказал Рональд то, что часто ей говорил, и решаясь на большее. – На самом деле, лучше, чем ты думаешь. Со мной тоже происходили такие вещи, о которых я никому никогда не рассказывал, потому что мне никто не поверил бы...

Вивиан сидела неподвижно. Ротик у неё был прелестный – маленький, с капризно сложенными губами, с приподнятыми уголками. Рон тяжело глядел на них. Сейчас он бы зацеловал её, и съел бы.

Она нервно вздохнула.

– Ну, может ты согласишься, – продолжил Рональд, надеясь, что его откровенность сможет изменить настрой Вивиан. – Так или иначе, ты для меня тот человек, от которого у меня нет секретов. Это случилось, когда я закончил третий класс, в начале летних каникул. Дома никого не было, и я решил поиграть с набором игрушечных катеров моего младшего брата.

Вивиан явно прислушалась.

– Я был уже большой, и мне было стыдно брать у мелкого... Но катера были такие классные... И, когда я был один, я набрал полную ванну и запустил катера. Помню, как поскользнулся, как край ванны давил мне на живот, я искал, за что ухватиться, и не мог найти... Вивиан? – он вдохнул накрывший его аромат волос и мягкого голубого шарфа, и закрыл глаза, полетев в обвивших его шею руках.

Диван скрипнул под ним.

– Рональд! – она уже отпустила его, и смотрела очень тепло. – Рональд! Как я рада, что ты жив и у тебя всё хорошо сложилось!

– Ну... Да... Но я не спасся – меня спасли. Что-то меня спасло. Я ощутил холод, рывок, и потом меня вырвало водой. Потом опять, и опять. Я сидел на полу в луже, – про штаны, мокрые не только от воды, Рон, конечно, умолчал. – Я был один дома. Дверь ванной была закрыта на щеколду. Но кто-то пришёл и спас меня. Ты можешь поверить?

– Я верю, – сказала Вивиан. – Честное слово.

– Я тоже поверю тебе.

Она задумалась, сняла и отложила шляпу.

Рональд не показал, как рад этому.

– Хорошо. Тебе можно, – она чуть улыбнулась. – Вот что... Сегодня ночью я вспомнила, что в детстве тайно ходила в гости к одной девочке... – и зажмурилась, словно от боли.

– Она тебя обидела?

– Нет. Мы общались, играли. Сегодня, вспомнив её, я кое-что поняла... При всех моих скудных познаниях в медицине, вспомнив её, я осознала, что этого не могло быть... того, чтобы она разговаривала со мной и касалась меня. У неё была свёрнута шея, – она повела рукой у шарфа.

– Ты этого не замечала, когда была ребёнком?

– Я не понимала. Она не отвечала, и я играла с ней как с куклой, придумывая её слова и действия. Она была уже в таком... скорее в мумифицированном состоянии. Ужас. И я даже

не могу быть уверена, что это была «она». Маленькой я решила, что это девочка, потому что видела длинные волосы с лентами. Её одежду вполне мог носить и мальчик.

Как это связано с решением всё бросить и уехать в Бостон, Рональд не улавливал. Ей стоило обратиться к психотерапевту и искать поддержку у близких. У него. Он осторожно начал:

– Это... шокирующе, Вивиан. Но, это в прошлом... – он хотел добавить, что надо идти дальше, но Вивиан горько усмехнулась:

– Боюсь, что нет. К тому же прошлое – это ведь не то, чего больше нет. Это то, что всё равно есть. Пусть мы и не помним о нём... А про мёртвых каких только верований нет. Они могут что-то показывать, просить помощи, мстить... Не знаю. Я думаю, что у меня в детстве возникла духовная связь с тем, что осталось от того существа. Я знаю, что у неё... или у него были старшие братья и сёстры. Один брат был с ней очень груб.

– Ты не могла и это придумать, когда играла?

– Хорошо бы, – она посмотрела на него глазами, полными слёз, – только он существует. Я видела его в Чикаго. Что, если ему надоела больная сестра, и он убил её? Что ему может понадобиться от меня?

– Вивиан... – вздохнул Рональд.

– Я догадываюсь, что. Через ту связь я получила способности, каких не может быть у обычного человека.

Рональд думал, какого бы психотерапевта её посоветовать.

– Я не выдумываю, Рон! Есть доказательства... В этом здании есть камеры снаружи и на этажах?

– Конечно.

– Если ты согласишься посмотреть записи, ты увидишь, что я не входила. Я вышла из туалета на этом этаже с этой коробкой, – она показала на пирожные на столе и поникла. – Я не знаю, как теперь с этим жить... Чего ждать... У меня предчувствие, что случится что-то плохое...

Рональд осторожно обнял её.

– У меня есть родные, знакомые... Ты... – она положила ему голову на плечо. – Они могут заставить меня делать страшные вещи... Я могу воровать, перемещать контрабанду, взрывать... – и она заплакала.

– Тише, тише, – Рональд оглянулся на дверь, ощутив взгляд.

Было бы некстати, если бы кто-то увидел, что он решает личные проблемы на рабочем месте. Но этот «кто-то» с белыми волосами был не из сотрудников фирмы.

– Что? – спросила Вивиан, всхлипнув.

– Ничего, – прошептал Рон, внутренне раздуваясь.

Но она повернула голову и стала отталкивать его.

– Шу? Это... ты? – удивлённо заговорила она, глядя на стену за его рабочим столом, и начала вставать. – Ты... жива? Где ты была всё это время? – встав, она протянула руки, и сотряслась всем телом, закричав.

Рональд только чуть взбрыкнул.

Над правой ключицей жгла раскалённая игла. Теряя сознание, он видел, что Вивиан, захрипев, вытянулась в струну и обмякла в руках того человека. Он успел заметить полное ухо крови. Эта краснота потекла, залила ему глаза, и затем наступила чернота.

Области согласия

Очищенная от посторонних подземная парковка в здании, где располагалась контора «Раскингс и Трэвор», и отключённые камеры позволили группе мужчин без свидетелей посадить в лимузин бесчувственную девушку с лицом в крови.

Лимузин позволил Гельмуту побыть с ней наедине.

Дверцу за ним закрыли, машина тронулась, и он, сидя с Вивиан на длинном боковом сиденье, снял с неё напивавшийся кровью шарф и аккуратно уложил её набок на подготовленную подушку с медицинскими полотенцами. Взял пачку влажных салфеток из запаса. Салфетки падали одна за другой, а Гельмут, приглядываясь, то ловил капли, то убирал кровь там, где успело натечь. Она не дышала, лицо застывало воском. Он знал, как это случится – множественные кровоизлияния в мозг, поражение нервной системы; знал, что так нужно, знал, что станции требуется время распознать носитель для ану, – и всё же беспокойство нарастало. Она должна как можно скорее вдохнуть и снова жить.

Немного качнуло, и Гельмут склонился ещё ближе. Это сыграли полоски на её блузке или... Конвульсия дала по телу Вивиан, выгнула её назад. Лёгкие потянули воздух со свистом, как кузнечные меха.

Вивиан отпустило, и Гельмут опять устроил её на подушку, убрав верхнее полотенце с пятнами. Укрыл пледом.

Взял за руку – теплеет!

И он улыбнулся.

Время пришло в 2 часа и 4 минуты в этом часовом поясе. Во столько же Джейк Эванс обнаружил себя ответственным за новое проявление княгини Сопдет. У Фридриха был десятый час вечера, и он в данный момент шёл из столовой в библиотеку. В Пике Сияния – за три часа ночи следующего дня, 3 декабря. Маяк загорелся синим пламенем, тысячи гостей ударились праздновать. У госпожи Сакаи раннее утро. Она вряд ли спала.

Кимико звонила ему уже дважды. Первый раз с тем, чтобы сообщить, что успешно проверила по его поручению один из Уриэци.

– Я вам этого не поручал, – сказал Гельмут, сидя в машине перед домом, где Вивиан снимала ящик для рассады, и глядя на освещённое окно с открытой форточкой. Он послушал озадаченную тишину.

– Но вы звонили мне, господин Мардук-Хет, чтобы...

«Господин Мардук-Хет»!

Лизать задницу надо так, чтобы заднице было приятно. Просить, чтобы она обходилась без «господин Мардук-Хет» было бесполезно, и в ненужной настойчивости Кимико Гельмут усматривал хождение по ноющим мозолям. Он такой же Мардук-Хет, как Кейенарнен – Мардук: неполноценное и деградировавшее создание, грязь на куске грязи, и ему только предстоит стать снова господином Мардук-Хетом.

Гельмут Леген сказал:

– Я вам не звонил. Какое у меня может быть дело к вам сегодня?

Он не выходил с ней на связь, и мог доказать это, отправив ей данные центра соединений модуля «Инергалат» за какое угодно время.

– У вас есть золотой корабль.

– Не припомню.

– У меня есть тихая гавань, – сахарок из её голоса пропал.

Гельмут посмеивался.

Всё было понятно. Самонадеянная Кимико, живущая так, словно она в центре мира, и мир крутится вокруг неё, размышлялась, как ей доставляют новое проявление Сопдет, и счи-

тала выгоды. «Тихая гавань»? Конечно, она не скажет вслух настоящие причины, но, если бы она была тверда в своих намерениях, она бы заранее решила вопрос с Уриэци Беляевского.

– Вы в своём уме? – смеялся Гельмут.

Она ахнула.

До неё дошло, что разыгран очередной подготовительный акт – с её участием. Для неё – второй. А для Гельмута – третий. В июне Фридрих нашёл в книге фотографию Вивиан, которую туда никто не подкладывал, и забегал. Хватило картинки. Десятки красивых и доступных девушек ничего не шевелили у Фридриха, кроме языка, а лицо Вивиан не дало ему спать. Дурак рассудил по-своему – и Гельмут ничего не сказал. У Клары Ригель были тёмные волосы, стриженные в такое же, как у Вивиан, удлиненное каре, и Фридрих, который наедине всегда торчал у окна, словно старуха, устроил весёлое представление.

Будь по нему, Фридрих никогда не знал бы о ней. Однако его встреча с Вивиан была предreshена, и Гельмут ничего не мог с этим поделать.

– Почему вы не попросили о зеркале? – спросил он у Кимико.

– Это не в ваших правилах, господин Мардук-Хет.

Что ж, верно. И этим воспользовался кто-то хорошо осведомлённый, кто знал его манеры, и знал, когда и на чём ловить Кимико. Кроме того, этот кто-то имел продвинутое техническое оснащение, скопировавшее сигнал модуля «Инергалат». О фильтрах ансени Кимико наверняка позаботился Андрей.

– Когда вам звонили?

– Минут 20 назад.

Значит, она только что ввела Уриэци донору. Однако на-ри нужно несколько суток, чтобы прийти в себя.

– Неужели возрождённый уже очнулся?

– Ещё нет, господин Мардук-Хет. Слишком рано.

– Тогда о какой успешной проверке вы говорите?

Она медлила с ответом, но для Гельмута она была как на ладони. Кимико не доверяла содержанию Уриэци, которые получила от наместника Беляевского, и то, что устройство сработало, как полагается, не навредив ей, определённо было успехом. Для неё. Только сейчас она думает, какие ещё могут быть последствия.

– Я делаю вывод, что наместник Беляевский не желал, чтобы у вас был шанс стать опекуном проявления ану Сопдет. Даже если бы я рассматривал это вероятным, после случившегося я бы передумал. Вас обманом заставили сразу после исчезновения Джейкоба Эванса активировать подозрительное устройство, полученное вами от преступника. Сомневаюсь, что кто-то так постарался ради того, чтобы на улицы Киото вышел никому не нужный мастер копья из глубочайшей древности.

– Я понимаю, господин Мардук-Хет.

– Поздно понимаете. Попробуйте отследить поступивший сигнал.

– Как вам будет угодно, – ответила она со всей покорностью.

Она наверняка побила своих служанок.

Во второй раз она позвонила около пяти часов назад с просьбой приехать к ней, как только у него появится время. Он подключил зеркало, и увидел заплаканное лицо. «Для консультации, – сказала Кимико. – Я буду разговаривать только лично. Прошу вас!».

«Хорошо».

Гельмут не знал, когда теперь у него будет на это время.

Щёки и губы Вивиан розовели. Она как будто безмятежно спала.

Сидеть на краю было неудобно, и он отсел назад, к двери, не спуская глаз с тела под пледом. В это время система Апофеоза должна восстанавливать повреждённые ткани носителя, попутно преобразуя их, однако в случае Вивиан всё по-другому. Она вливается в Эйенешентар.

В этом теле соединялись два самых важных для него существа. Цель и средство достижения цели.

Так выглядели его радость и вдохновение.

Несмотря ни на что, всё шло правильно, всё – своим чередом. Ему пришлось много сомневаться и попусту тратиться на гнев, и потому, что он был плохим учеником. Госпожа Сога твердила, что мардуку полагается лучше всего уметь ждать, а он принимал течение времени с тягостью, как несущее всё не то. Его предшественник Мушррас Мардук-Хет перед своим последним вылетом на Лимэден предупреждал, что идёт большая игра от начала времён, и никто от неё не свободен. Они – Мушррас, Атамил Мардук, главы Шеос и Аман – не вернулись, и Тиамат вошёл в игру около 14 тысяч лет назад, когда главными фигурами в мире были четыре ану. Тиамат заблуждался, расценивая их действия как верные или неверные, особенно в том, что касалось Кейенарнена. Трое ану топтались на месте, действовала только Эйенешентар Руджива Сопдет. Каким бы ни был тернистым её путь, он у неё был, был ей открыт, и она прошла по нему до конца.

Как удобно, и как неслучайно, что накопилось достаточно поводов для того, чтобы Мардук-Хет стал заботиться о готовящемся для Сопдет носителе. Не вызывали вопросов и умения Вивиан. Андрей Беляевский имел выход в следующий за слоем Асбара слой Менра. Его мотивы защитить проявление Сопдет хорошо ложились в мягкие, как каша, умы, верящие в любовь мужчины и трусость женщины.

И Гельмут спокойно оберегал Шу.

Он так и не услышал от Вивиан её настоящего имени. Если это Амансашера, «шу» – слог, указывающий на угасание. Это могло быть сокращённое слово или сокращённое имя, в которых присутствовало «шу», или прозвище. Всё вызывало вопросы, тем более, что Шу «тяжело болела», и тем более, что она не могла быть больна физически. Была ли она слаба так, как бывают слабы обещавшие холод мардуки? Или страдала от порока других частей своего существа?

Скоро он узнает ответы.

Система Разбитого Апофеоза заберёт всю память Вивиан в свой архив и отопрёт для неё все её закрытые сундуки.

К лицу Вивиан вернулся цвет и тепло парного молока, и тень проползла по нему. Это прядь волос скользнула с уха и протянулась к подбородку, который был смягчённой и уменьшенной копией его.

Госпожа Сога правильно говорила, что у него нет чутья. Он получил данные о геноме новорождённой Вивиан и остановился на этом. Не он, а эдволат Оскар Клементс, назначенный хранителем Вивиан, обнаружил, что в первый месяц её жизни некоторые её гены стали странно себя вести. И что сделал Гельмут Леген? Велел наблюдать.

Были шулерские повадки Беляевского, и был случай Фридриха.

А Вивиан постепенно переставала быть дочерью своих родителей. К шестому месяцу её жизни Клементс собрал более сотни образцов её биоматериала, подтверждающих перестройку генома, и предъявил новое открытие. Начались изменения в составе клеток.

Гельмут тогда только задумался как следует.

Происходящее с Вивиан походило на вялотекущее проявление ану, набирающее силу по мере роста организма. Он ранее не сталкивался с подобным. Сам занявшись исследованиями, он нашёл Заагин.

Заагин!

Самая редкая приставка в Амансашере сопровождала всего четыре слова из известных Тиамату Мушррасу Мардук-Хету. Заагин – Лазурь – то обозначение глубокого синего цвета, которое относилось исключительно к генетической особенности тел мардуков. Презаагин – растения в Храме синих вод. И также был Заами, мифический корабль, и были заамийцы.

С Заами все мардуки-дети начинали знакомство со своей историей. Так было и у него – он сидел и слушал госпожу Согу. Она в красках описывала, как в мир жара, камня и кишащих червями луж с небес упал Заами, как миллионы лет спустя Мардук нашёл повреждённый корабль и взял себе нетленные тела погибших. Всего – пять. Крупнейшая часть Мардука вошла в самое крупное тело, большие четыре части взяли четыре оставшихся тела, и на их основе Мардук создал нужное количество сейфов для прочих фрагментов. Так Мардук стал мардуками и спасся от наступающего его распада. Это стало возможным, как говорила госпожа Сога, благодаря Лазури у пилотов – фиксатору, препятствующему нарушению строения и связей на генном уровне. Она сравнивала тела заамийцев с ладонью бога, уместившей пустыню и не проронившей ни песчинки.

Вскоре госпожа Сога дала Тиамату и другим трём наследникам определить, что их тела – растущие дубли тел с Заами – принадлежат потомкам одного отца с Лазурью, и разных матерей без неё.

Это знание вело их ещё дальше. Перед ними начал приоткрываться мир, населённый самостоятельным видом развитых человекоподобных существ и подвидом гибридов, носящих Лазурь. С новым инструментом Тиамат смог увидеть в собственном геноме, что вклад матери, который должен составлять до половины, реально занижен до сотых процента. Госпожа Сога объяснила, что фиксатор превращался в агрессора, когда оказывался только в части генома, захватывал и перерабатывал его. По мере того, как рос охват, активность Лазури снижалась, и в конце концов она принимала и сохраняла часть генов от матери. Они назывались «областями согласия». Каждый такой ребёнок, которого не могло быть у двух настолько разных родителей, формировался и жил Лазурью, и каждый являлся способом множиться и давать какое-то подобие развития подвиду.

В детстве Тиамат, не задумавшись об очевидной ему сейчас жестокости родного мира заамийцев, получил ещё один урок жизни оттуда.

Тиамату вдруг запретили каждый день приходить на утреннюю трапезу в Храм синих вод, и на 39 день он впервые в жизни почувствовал недомогание. На следующий день он начал слепнуть, его ноги стали неметь. Он успел рассмотреть в лазурной линзе редющую синеву в своих тканях, и потом вышел из мрака в Храме, при госпоже Соге, лёжа в воде с Презаагин. Расслоившиеся трубки синих листов, посеребрённые пузырьками воздуха, были вторым, что мардуки взяли с Заами. Так гласил миф.

Госпожа Согашеарун сидела на коленях в центре площадки, окольцованной жёлобом с водой, застелив пятак своими одеждами и распущенными волосами, и с мечтательной улыбкой расчёсывала их.

– Чем выше ценность, тем выше цена обладания. Платил заамиец, теперь будешь платить ты. Понял? – спросила она, думая о чём-то другом.

– Понял, госпожа Сога, – сказал Тиамат.

– До тех пор, пока ты не заплетёшь волосы, это будет единственный раз, когда я закрыла для тебя Храм синих вод. Помни, что со мной не надо ссориться, чтобы это не вошло в опасную для тебя привычку.

– Я запомню, госпожа Сога.

В новое время, 65 тысяч лет назад, ану Кейенарнен Мардук впервые пришёл в мир, вознамерился вернуть исчезнувших мардуков и начать новую эпоху. Нужен был источник Лазури, Презаагин, Мардук и 4006 нерушимых тел. Однако Кейенарнен не был тем, кто имеет право владеть всем необходимым и определять время.

Через 65 тысяч лет он оставался ни с чем.

С появлением Фридриха Гельмут получил доказательство, что неофициальное распоряжение госпожи Соги о назначении Эйенешентар своей преемницей имело действительную силу. Надо было только подождать. Он понял, что наместник Сопдет Андрей Беляевский нашёл

и открыл источник Лазури, а с ним – источник знаний. Он дал Фридриху Легену идеальное залазуренное тело, не ошибившись в том, что оно принадлежало не брату четырёх заамийцев, а дальнему предку их отца. К телу бонусом шёл браслет с лазурным минералом, замедляющим испарение Лазури.

В эпоху Ран Тиамат Мардук-Хет не сталкивался с лазурными украшениями, и Гельмут Леген знал, почему. Это было ни к чему молодому мардуку, жившему вблизи Храма синих вод. Минерализованную Лазурь брали с собой мардуки, улетающие в четвёртый мир.

С появлением Вивиан Гельмут полностью пересмотрел своё отношение к действиям Андрея Беляевского. Того было принято считать неуправляемым. Эйенешентар не контролировала его – вероятно, неслучайно, – однако Андрей от кого-то принял груз, который был способен понести, и который ему не дали бы использовать не по назначению. Гельмут предполагал, кто это.

Андрей Беляевский служил будущему мардуков!

С Вивиан Гельмут вообще многое подверг переоценке.

Пока она росла, он наблюдал за развитием ещё одного ребёнка отца заамийцев. В её генах, как в книге, он читал упоминание о первой известной ему потомственной, по женской линии, обладательнице какого-то частного типа Лазури, которая держала схваченной только определённые группы генов, в большинстве отвечающие за органы головы и шеи. Лазурь отца Шу, естественно, сошлась с Лазурью её матери, не оставив человека.

Естественно, что Вивиан-Шу жила без надобности посещать Храм синих вод. Она думала, что приносила почки Презаагин из комнаты Шу, но почки образовывались у неё в руках, пока она спала, по её желанию.

Она подарила ему озарение.

Миф о Заами был мифом. Корабль был, экипаж был, и история, в которой пятеро пилотов оказались в мире преисподней, была для детей. Не обязательно, что в ней была одна ложь в том, что касалось пришествия Мардука. В рассказе госпожи Соги девочки не было, и Мардук выбрал для сосредоточия себя самое крупное тело. Не потому ли он взял его, что не смог взять самое надёжное и независимое тело?

На месте заамийцев Гельмут запер бы Шу на все замки.

«У неё была свёрнута шея», – сказала сегодня Вивиан Рональду.

Она говорила, что «один брат был очень груб», что он мог убить больную сестру. Никто не смог бы повредить тело Шу, даже если была бы острая необходимость. Вивиан что-то не то вспомнила, и что-то не то придумала. Однако про связь с трупом Шу – правильно.

Ещё госпожа Сога, рассказывая, что бесплотный Мардук, абсолютно чуждый человеку, научился быть мардуками, способными быть лучшими людьми, объясняла это тем, что никто из заамийцев не мог отдаться небытию полностью. Они в своих телах-сейфах являлись чем-то вроде ану в сосудах Апофеозов. Лазурь вместо ушедшей формы держала тела цельными, и несла часть её функций – сохраняла остаток сознания и памяти. Так мардуки смогли осмыслить себя в новом для них способе существования.

Неизвестно, какие звёзды сошлись, чтобы Шу явилась на свет в 1986 году, поглотив ребёнка в городе Сиэтле, США, но её ждали, чтобы перетянуть из неприступной крепости Заами в Разбитый Апофеоз Сопдет.

Гельмут был вне себя от счастья.

Нестандартный случай

Смартфон тихо гудел в руке Джейка.

Правым глазом он смотрел на улыбающуюся ему с экрана Дженну, а левый вжимал пальцами под бровь. Левым глазом он выглядывал из грозди искусственного винограда в миске на верхней полке на кухне, и видел муку в волосах Дженны. Она только что поставила в духовку пирог с абрикосами, и сейчас потирала столешницу кроликом-прихваткой, слушая вопросительные гудки в трубке.

Быстро проверил остальных.

Лис лежал на кровати Джейкоба солдатиком, в носках. Хлоя возилась с Моноклем на полу в комнате Дэлис, Дэлис рисовала за столом.

Он оставил дом оцепленным эдволатами, а внутри разместил собственную систему наблюдения, но ни в чём и ни в ком не мог быть уверен. Он хотел слышать, что всё в порядке, чувствуя это.

– Дженна? Привет, – сказал он очень тихо.

– Привет. Можешь говорить? – насторожилась Дженна.

– Ага. Как вы там?

– Девочки – хорошо. Джейкоб выпил таблетки, – она качнула бедром. – Он не показывает, что рука болит, – её голос стал нежнее, – он так повзрослел... Ни с кем не разговаривает, – и Дженна вздохнула, поправляя бант на прихватке. – Когда тебя ждать?

Джейк сказал ей, что понадобилось срочно съездить в офис, схватил первый попавшийся костюм из шкафа и убежал прежде, чем пришлось бы завираться больше. Дженна закрыла за ним дверь, не зная, почему он сорвался с места, хотя всё на сегодня отменял, и когда вернётся. А она собиралась печь свой фирменный пирог.

– Я...

Кимико взорвалась звонким наигранным смехом.

Дженна на кухне замерла.

Джейк оглянулся, прикрывая трубку. Кимико ёрзала у Инго Себы на коленях и тыкала ему пальцем в побелевшие губы.

– Почему ты не рад своей мамочке? – хихикала Кимико.

Физиономия у Инго багровела, как стынущие угли.

– Джейк, ты где?

По тону Дженны угадывалось: «Что за женщина с тобой?».

– Показываю дом, – Джейк смахнул пот со лба. – Тут молодая пара... Пока не могу сказать, когда освобожусь. Думаю, не раньше шести.

– Они будут осматривать дом три часа?

Джейк облизнулся.

– Сфотографируй их, – потребовала Дженна.

– М-м...

– Молодую пару, Джейк.

– Дженна, это... – Эванс замялся и попал взглядом на вздымающуюся грудь под белой и синей полосками, тут же отвёл глаза и встретил синие пуговицы Гельмута Легена. Тот сидел, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу, напротив – с другой стороны двуспальной кровати, на которую положили дозревать Смоуэл, – и держал насмешливой свою маску. Слева, подальше, сидели ещё 11 зрителей. Тут на заднем плане в виде исключения фид Орион и впереди, как полагается, все тузы стороны Дуат в Аменти – себы Инго, Сола и Михаил, Беата, Василиса, себа Иркаллы Валентин, и трое себ, живущие подручными у госпожи Сакаи в сто-

роне Вокантин. Эти пришли как Эри Хоши, Да Син и Раде Себа. Они сидели справа от кресла Кимико, а она сюсюкала с главной целью.

Она вошла в эту комнату подавленной, и то, как она пыталась это скрывать, было тревожным зрелищем. Она тоже что-то потеряла.

– Я о многом прошу? Джейк, я устала волноваться, и просто прошу тебя: дай мне быть уверенной в тебе. Я хочу увидеть их фото, – говорила Дженна тоном строгой учительницы.

– Хорошо, Дженна. Мне пора, – сказал Джейк.

– Ждём тебя, – сказала, не улыбнувшись, Дженна.

Он нажал отбой.

Дженна сняла фартук и бросила его на спинку стула, уходя с кухни.

– Ну почему же вам пора?

Джейк покосился на усмешку Гельмута.

– Что вам помешало? Неужели мы? Пожалуйста, не обращайтесь на нас внимания, улаживайте свои личные дела. Семья – это святое, – рассудила тварь, семьи отродясь не имевшая.

– Слышишь, что говорит господин Мардук-Хет? – поддержала Кимико, вешаясь одной рукой на шее Инго.

Тот вызвал у неё смешок, подхватив её одной рукой за талию, встал с ней и поставил её к её креслу. Он прошествовал к столику между двух зашторенных окон, и мелькнул там сигаретой. Госпожа Сакаи открыла было рот, но вскинула руки к золотым змеям, поползшим у неё из волос, и присела, меняясь в лице.

– Ведите себя подобающе, госпожа Сакаи, – предупредил Леген.

Кимико потупилась, стала очень маленькой и хрупкой, и распустила волосы по плечам в белом болеро, а свою чудовищную заколку сунула в клатч, и вцепилась в него обеими руками.

Она, как и все присутствующие, пришла сюда быть свидетелем проявления и не могла покинуть комнату прежде, чем ану Сопдет впервые очнётся в носителе, что ознаменует успешный приход, или сожжёт носитель. В среднем стабилизация канала происходит в течение семи часов после подключения, обычно – в отрезок первых трёх. Пока Гельмут вёз Вивиан в гостевой особняк, пока все съезжались, пока сидели, рассматривая избранницу Сопдет и слушая Кимико и его, прошло уже около часа.

А фото нужно делать сейчас, после звонка.

Джейк обнаружил у себя эту мысль, и заиграл смартфоном. Он словно в болоте. Пока стоял недолго, мог вытащить ноги, задержался – и его держит за голени. И не время дёргаться.

Он представил, как отходит к двери, открыв её, поднимает интерес нескольких десятков фидов, озвучивает дико неуместную просьбу и передаёт смартфон в чужие руки, чтобы получить неизвестно какой результат. Нет. Просить попозировать кого-то из себя? Тоже не вариант. Во-первых, они не походили на простых американцев, которые присматривают себе гнездо в понедельник после обеда. Хотя они собирались в спешке, они собирались на особо знаковое событие. Сложные выражения лиц, вечерние платья и роскошные украшения у женщин, у мужчин – строгое чёрное. Во-вторых, они хотели бы, чтобы в такой момент другие ану проявили уважение к их матери и хозяйке Аменти, и успели отметить выкрутасы Кимико и его разговор с женой. В-третьих, ему, как без пяти минут опекуну, не пристало отвлекаться и отвлекать других.

Закрыв глаза, Джейк посчитал до десяти и взглянул на то, что было перед ним. Девушка, лежащая на кровати с безмятежной улыбкой, и мужчина в светло-сером костюме, терзающий лицо ухмылкой.

Джейк включил камеру на смартфоне, и в тишине громко щёлкнуло.

Он скажет Дженне, что девушка хотела почувствовать себя спящей в новой спальне – потому глаза закрыты.

– Вы не против? – спросил он у Гельмута, убирая смартфон.

- Я даже буду благодарен, если на этом вы прекратите ваш цирк.
- Семья – это святое, – напомнил Джейк.
- Когда она есть, – парировал тот.

Джейк оставил за ним последнее слово. Не сейчас, и не с ним говорить о том, что семью создают, а детям необязательно быть родными своим родителям и быть им полезными, чтобы быть дорогими. Мардуку не понять, что живущий как человек не должен быть одинок. Пусть Дженна трижды беременела от доноров, и что это меняет? Для неё – ничего, даже если она узнает. Для её мужа – ничего. Они с ней – отец и мать.

Гельмут перевёл взгляд с Вивиан на него, и тут Джейк понял – Тиамат видит через Гельмута. Глаза без жизни, но сильные цветом и вниманием.

Работающие в норме органы восприятия!

Гельмут Леген стал почти живым – потому он неожиданно выглядит почти нормальным с виду мужчиной не старше сорока, имеет волосы на голове, зубы во рту и ногти на руках. Джейк скис ещё больше. И без того было неприятно обнаружить, что он упустил изменения в облике марионетки Тиамата. Что же могло пойти на пользу трупы?!

Тиамат физически располагался в одной из капсул Колыбели Апофеоза Ран, и мог осуществлять присутствие на Земле как себя – через узел связи, но, в отличие от них, пользовался не дубль-телом, а продуктом перегонки человеческой плоти по своей генной карте. Подозревали, что ану Мардук обязал его так делать, чтобы на его фоне Тиамат не выделялся слишком выгодно. Его франкенштейны были слепы, глухи, неповоротливы, слабы ногами, носили парики и воняли падалью через духи. У них обязательно не работали кишечник, почки и печень, кроветворения не было.

Когда они встречались в последний раз? В 1976 году? Гельмут выглядел обычно для любой марионетки Тиамата Мардука-Хета.

Сейчас Гельмут может нравиться женщинам.

Джейк почесал в затылке.

Вышло громко, и он чуть кашлянул – оглушительно.

И Эванс устался на Вивиан Смоуэл. Та вовсе цвела как роза. Он больше не забывал про неё – помнил её с момента, как её вынесли из лимузина. Это о ней говорила сегодня ночью Тери. Это к ней годами топтал дорожку Гельмут. Глаза Джейка полезли из орбит. А сколько он не видел Эриха Легена? Но он выдохнул. Надо полагать, у Эриха так и остаётся заблокированным сознание ану, потому что иначе все испытали бы на своей шкуре возвращение оскорблённого и разъяренного Мардука. Он бы не дал жизни отмеченным своего врага, и не родилась бы она.

Джейк начал осознавать масштаб подготовки к этому проявлению Сопдет, и опять взмок. Что происходит? Что он ещё упустил?

Он потрещал пальцами, и поднял голову.

– Почему Эрих Леген не присутствует? – обратился он к Гельмуту.

Инго Себа засмеялся.

Гельмут потянул тонкую улыбку.

Краем глаза Джейк увидел ряд окаменевших лиц.

– Меня берут сомнения, – заговорил Гельмут, – что вы в состоянии взять на себя бремя такой ответственности. Я буду вынужден подать протест против прямого осуществления вами функций опекуна.

Понятно.

Когда они вошли сюда, у кровати было подготовлено одно кресло, и Гельмут Леген сам переставил второе для себя. Однако он станет не единственным претендентом. Всё определено Законом крыла. В случае проявления Сопдет в стороне Миктлан, и в случае, если проявление ану Кецальмека заявляет, что не может надлежащим образом обеспечивать её, либо его

за Столом Четырёх признают несостоятельным опекуном, – в этих случаях Джейк станет формальным представителем принимающей стороны. Права получит доверенное лицо опекуна. Прежде всего, Мардук. Если его нет, он откажется, или он несостоятелен, то черёд Амистерет. При этом же раскладе следующий после неё – Инго Себа, за ним – все себя в порядке старшинства, и только потом – Мардук-Хет.

Думает, что перепрыгнет все головы?

А почему бы нет? За Столом Четырёх на сегодня – Джейк Эванс, и он под давлением, Кимико Сакаи, посланница от ану Сопдет Сола Себа, и сам Гельмут Леген, княжеский заместитель в Иркалле. Если все откажутся, Тиамат получит, что хочет.

– Ваше право, – отвернулся Джейк.

Похищение Джейкоба было лишним. Джейк не видел оснований стоять горой за опеку над Смоуэл. Он не хотел вести образ жизни князя Аменти, нести расходы князя, и постоянно иметь дело с публикой в этой комнате. К тому же... Он глянул на Вивиан, потом на Гельмута.

Тот резко расплелся и потянул к ней руку.

Слева зашевелились, застучали каблуками, и Джейк, про себя усмехнувшийся над собой, последним взгляделся в дрожащие ресницы Вивиан. Они понемногу приподнялись, и Джейк обомлел при виде горящих синих глаз. Что это такое? Он вздрогнул – и оглянулся на руку Беаты Себы, поднял глаза на её взволнованное лицо, и опомнился.

Джейк встал на нетвёрдые ноги и наклонился к Смоуэл.

– Я – тот, кто встречает. Ты, кто ты есть, назови своё имя, – хрипло и громко попросил он на Амансашере.

Вивиан уронила голову направо.

– Ты, кто ты есть, назови своё имя, – повторил Джейк.

– Он не знает, к кому он пришёл? – спросила она у Гельмута, держащего её за руку.

На чистой Амансашере. – Почему ты не скажешь ему?

– Прости, я не помню твоего имени, – сказал Гельмут.

– Ты кто-то чужой. Я – Шуугес, – она повернулась к Джейку.

Джейк мог бы тронуть возникшую стену молчания.

Ещё никогда проявления не показывали способности так хорошо общаться в первое пробуждение. И имя... Шуугес? «Эйенешентар» – вот что она должна была выговорить по складам.

Джейк переспросил:

– Шуугес?

Её глаза стали гаснуть и закрываться, и он поторопился сказать:

– У тебя есть другое имя. Оно было чужим, стало твоим вторым. Ты, кто ты есть, назови имя, взятое вторым.

– Ви-ви-ан-н-н...

– Эйенешентар – твоё имя?! – крикнул вдогонку Джейк. – Эйенешентар Руджива Сопдет – тебе знакомы эти слова?!

Джейк посмотрел на две руки, сжавшие её ладонь, на поплывшее тестом лицо Гельмута Легена – Тиамат прекратил контролировать мимические мышцы марионетки; на багрового Инго со вздувшимися венами на лбу, на растерянность остальных.

– Что всё это значит?! – рявкнул Инго.

– Тихо! – поднял руки Джейк, и сделал паузу. Ему надлежало озвучить: «Слушайте: открылось небо Сопдет – и я тому свидетель. Я спрашивал, и она отвечала. Она с нами!», но ему пришлось подыскивать другие слова. – Господа... Не думал, что мне придётся это говорить... Я свидетель, и вы свидетели, что она, – он показал на Вивиан, – не назвала своим именем Эйенешентар. Такая же ситуация возникла в первое пробуждение ану Мардука в имени..., – он передохнул, – Эрих Леген... Инго Себа, вы присутствовали там. Так это было?

– Так!

– Ну... вот... Я откладываю заявление о состоявшемся проявлении ану Сопдет, заявление о моей опеке над ней, и заявляю, что не буду нести никаких официальных и неофициальных обязательств по отношению к этой девушке, пока она не подтвердит иным образом, что она – Эйенешентар.

– Каким – «иным»? – спросила Беата Себа.

– Решим, – сказал Джейк.

– Когда?

Беату поддержал старший брат, Михаил Себа:

– Где и под чьим присмотром она будет жить?

– Кто это будет решать? – возбуждённо запищала Кимико.

– По Закону крыла я должен принять проявление другого ану на своей территории, и...

– Мы поняли! – кивнула Сола Михаилу. – Мы должны решить, что будем делать, пока господин Эванс радуется, что может упрыгать в кусты.

Беата отошла к ней.

– Что вы сказали? Я не обязан становиться опекуном Шу-у-гес, – Джейк протянул странное имя, – и Вивиан Смоуэл! В Законе крыла чётко прописано, когда наступает моя ответственность!

– В Законе крыла нет запрета на содействие в нестандартном случае проявления! Тем более, что прецедент был, и был решён господином Беляевским в пользу Эриха Легена. Не хотите ли вы, чтобы мы поверили, что вы руководствуетесь не личными предпочтениями? – вызывающе повысила голос Сола Себа.

Он поглядел в спины, сопя. Они совещались.

– А какое, собственно, вы имеете право что-то делать?

Себы обернулись.

– Про Шуугес ничего неизвестно, а имя Вивиан Смоуэл принадлежит харваду наместника Беляевского. Беляевский заключил контракт на сопровождение своих харваду в Северной Америке с воинством Ориона, – Джейк посмотрел на поднимающегося с кресла фида Ориона. – Пока она официально не признана Эйенешентар Руджива Сопдет, она взрослый свободный человек, который сам для себя всё решает, и за ней присматривают орионцы. У Вивиан Смоуэл есть жильё, которое она сама себе выбрала. Там её место. Сейчас. Пока что... – смягчал Джейк.

– Она говорила на Амансашере, – сказал Михаил.

– К ней будет приходить память ану, – сказала Беата.

– Когда она вспомнит себя Эйенешентар, тогда будет другой разговор, – многозначительно сказал Джейк.

– Мы не будем ждать. Харваду правителей Дуата – граждане Дуата, – заявила Сола. – Инго? – она обернулась.

Инго опять курил у окна.

– Инго?

– Большого, чем он, не скажу.

– Как тебя понимать? – жёстко спросила Сола.

– Не хочу быть одураченным. Сначала мы должны удостовериться, что забираем домой не кого-то, а нашу мать, – Инго пустил струйку дыма. – Понаблюдаем за ней.

– Сколько?

– Сколько будет нужно.

Голос с глубины

Фридрих перед зеркалом тянул ладонями лицо, и холодные капли сбегали до локтей. Веки красные, глаза красные... Голова раскалывалась весь день, и под вечер треснула совсем. Его мутило.

Он сунул руки лодочкой под струю из крана, и, набирая воду, заметил чёрный волос на краю раковины. Плеснул на него. Проводил его.

Эх, Клара...

Фридрих намочил полотенце, нашёл пяткой банкетку и уселся, погрузив лоб в сырую прохладу. Всё оттого, что он сегодня без конца размышлял о том, что сказал утром Кларе. «Замечательно».

Его «замечательно» значило «спасибо за дополнительное время». Чем дольше она его компаньонка, тем дольше Милочка не попадает в ловушку Гельмута. Но ведь он прекрасно видел, что Клара скоро доживёт до дня, когда её под руки выведут из квартиры.

Для неё это плохо началось, и плохо кончится.

Для Милочки будет всё то же.

Подписывая контракт с Гельмутом, девушки не подозревали, что на бумаге лежит печать о найме на службу в Иркаллу. Этот контракт можно расторгнуть только через другую печать, которой простые люди не имели. Когда девушки увольнялись или их увольняли, они лишь сменяли труд компаньонки на чёрный. Им давали возможность копить на отпущение, стойвшее немерено. Положение таких, как Клара – отказавшихся от угощения Гельмута, – усугублялось долгом за баснословно дорогую воду с лимоном. Ей придётся делать карьеру в Аменти или стелиться под кого-нибудь, пока она свежа, – и то, чтобы понять, что это тоже не выход.

Он бы выручил её, если бы стал акером в Дуате – ведь тогда у него появились бы статус и средства. «Бы». Пока он играет роль неполноценного проявления господина Мардука. Сколько ещё это продлится? Он не знает. Он сможет считать свою задачу здесь выполненной, когда госпожа Сопдет даст новое проявление, однако, в отличие от других ану, она никогда не торопится возвращаться. А со смерти наместника Беляевского минул всего 51 год.

Милочка будет следующей. Уже в декабре.

Или следующей после следующей.

Всё равно будет.

Все фотографии, которые подкидывал ему Гельмут, являлись обещаниями, и он всегда исполнял их. То, что он привёл не Милочку, а Клару Ригель – следствие какой-то заминки или его желание поиздеваться. Гельмут мог себе позволить – он ненавидел князя Мардука.

Выбирая девушек, он как будто подбирал отмычку, и не мог не заметить, что одна подошла. Фридрих всё осознавал, залезал от этого под кровать, в шкафы, и пытался выбить дурь из головы, стуча себе по макушке. В нём снова проснулся ребёнок, когда-то мечтавший о Шери. Видел её только раз – через пыльное стекло витрины, потому что в тот же день её купил богач, и помнил даже швы на её ботиночках. У Шери – у Милочки, как перевёл ему потом с французского владелец магазина, – были чёрные локоны, жёлто-белое платье, кружевной зонтик в ручке, синие глаза и лицо доброго ангела.

Фридрих уже находил это лицо однажды. Оно было у статуи госпожи Сопдет, показывающей её истинный образ. Фридрих долго мучился, прежде чем договорился с заживо пожиравшим его зверем, что выразит свои чувства, став её слугой.

Перед Милочкой на фото он быстро сдался.

Он рассудил, что ему не досталась кукла, не могла достаться хозяйка Дуата, но эта девушка может ему принадлежать. Должна.

Фридрих вдохнул через полотенце, обтёр лицо и шею.

Есть ячейка в Банке Бити, в которой Андрей Беляевский оставил ему дарственную на землю в Дуате, печать акера и «кое-что важное». Это должно быть связано с настоящим проявлением Мардука – возможно, указание на место заключения или ключ. Есть беламитер. Надо торговаться с Гельмутом. Нельзя допустить, чтобы Милочка подписала контракт.

За дверью стих топот.

Гельмут пришёл, словно услышав его мысли.

– Господин Леген, вы скоро? – грубо спросил Гельмут.

– Я сейчас, – Фридрих поднялся и включил кран.

Он тщательно умылся, вытерся полотенцем, просушил плетёный из шнурков браслет с серебром и синей бусиной – ещё один подарок Беляевского, уложил волосы пятернёй и вышел. Из комнаты Клары доносилось натужное посапывание.

Гельмут стоял в пальто, обхватив себя, словно маялся животом.

– Госпожа Сопдет дала проявление, – сказал он.

Фридрих остолбенел.

– Да. В девять и четыре минуты вечера по местному времени.

– А...

– Сейчас без пяти одиннадцать.

– А...

– А? – Гельмут явно был очень не в духе.

Фридрих замял полы футболки.

– Мужчина или...

– Мужчина. В Соединённых Штатах. Ваши действия?

Он знал, какие инструкции Фридрих получил от заместника Беляевского. Ему нужен его господин... Как вовремя!

– Я должен ехать в Банк Бити, – обрадовался Фридрих.

– Собирайтесь. Я вас увезу.

Естественно, увезёт.

Фридрих пошёл к себе и сразу подался в гардероб. Скинул брюки и поло, взял с одной полки тёмно-синюю рубашку в белую точку, с другой – джинсы. Надел носки, ботинки, и снял с вешалки рокового вида двубортное чёрное пальто с погонями. Просовывая руку в рукав, он вышел в спальню, залез под матрас и вытащил обтрёпанное фото Милочки, которое отправил в карман. Прихватил зеркальце. Всё. Готов.

Он вернулся к Гельмуту, который ждал его в прихожей, и они вышли в подъезд. Гельмут не стал запирает дверь. Фридрих обратил внимание, и не сказал ни слова. Клару выкинут отсюда сразу, как они уедут, но это ничего. Потерпит. Он заплатит за неё.

Они спустились в лифте, и улица обдала Фридриха прохладой. От головной боли остались жалкие колкие крохи. Глубоко вдохнув, он сел на заднее сиденье кроссовера Гельмута, тот отправился за руль.

Поплыл мимо дом... Дом, дом...

Фридрих посмотрел на бледный профиль Гельмута. Правой рукой Гельмут открыл панель управления, бросившую жёлтый отсвет на его лицо, подвигал плечом, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Автоатет – атет, совмещённый с автомобилем, – закрывал кроссовер в свою коробку из пепельной стали, и в тоннеле, разогреваясь, отрываясь от дороги, понёс их по заданному маршруту.

И Фридрих смежил веки, думая о том, что как-то дожил до этого часа. Ему не верилось – так он привык, что всё доживает.

Он вспоминал, как ветер выл, сбегая из врат, уносил слова Инго, и тот махал рукой. В пути он рассказал, что Беляевский назначил встречу в Эшинане, и предупредил, что, когда откроется проход, поднимется шквал, и нужно будет скорее зайти внутрь. Фридрих, накинув

капюшон и затянув его, схватился за обледенелые камни, добрался до металла, и сделал самые трудные в своей жизни шаги. Он завалился внутрь с истёртым ветром носом, без шарфа, который сорвало. Угловатые выступы у груди завибрировали, и душа метнулась, когда толща двери покатила закрывать выход.

Ветер затих, профыркал сдувшимся воздушным шаром, и Фридрих, отдышавшись, отжал себя от стены, вытащил из кармана фонарик и обернулся. Фонарик ему дал Инго – и спасибо. Фридрих пошёл по засветившимся под ногами точкам, но ему было спокойнее видеть больше.

Он был в Эшинане, что сокращённо – «Третий из».

Третий мост из пяти.

Его локти чесались от одной мысли, что это часть древнейшего сооружения на планете – комплекса, который во времена мардуков носил название «Амантару». На языке мардуков слово читалось как «Божественные звёзды». Фридрих узнал это на прошлой неделе, когда получил вспомогательные материалы для изучения устройства Аменти. Он подумал, что дугами помечены особые поселения на карте, но ему объяснили: это наследие мардуков – мосты во все слои Сферы.

Нужно было предполагать существование чего-то подобного! Любое техническое сооружение требует обслуживания, и для этого в нём должны быть предусмотрены коммуникации.

Фридрих изучил расположение частей комплекса, разбросанных по миру, с большим интересом посмотрел на карте на ближайший мост Эшинан на плато Путорана в Сибири. К тому времени он прослушал курс краткой всеобщей истории и уяснил, что 540 миллионов лет назад на Землю прилетели высокоразвитые мардуки и построили Мосты и Сферу, чтобы превратить непригодную для разнообразия жизни планету в оазис. Он мог наизусть повторить, что «технические слои, вкуче называемые Сферой, необходимы для фильтрации, накопления, циркуляции и формовки тонкой материи, что при соединении с плотью задаёт ей образ развития. На языке мардуков объект Сфера так и назывался: „Вместилище форм“».

В его прошлом, где он несчастливо родился и вырос, остался внешний слой Сферы Татра, а в его настоящем был второй после Татры технический слой Асбара, принимающий отделившиеся формы всех живых существ; слой, где есть твердь, и есть заселённые области – Аменти.

Аменти делилось на четыре стороны: Дуат у Сопдет, Вокантин у Амитерет, Иркалла у Мардука и Миктлан у Кецальмека, а также на пограничья с приютами. Остальное пространство слоя занимало мёртвое пепелище – пепельные пустоши, горы пепла, моря пепла и пепельные океаны, в которых бушевали пепельные бури. В Аменти в основном жили в фортах под щитами, принадлежащих воинствам эволатов. Их строили с привязкой к городам в Татре. Лучшими для жизни поселениями были купольные города себ, и их, как и самих себ, можно было сосчитать по пальцам двух рук.

Из аментийских городов Фридрих успел увидеть только столицу Дуата Пик Сияния – город, в который влюбился, и теперь – невероятно! – он спускается в Эшинан!

Он шёл по наклонной шахте со стенами медного цвета. Внизу оказалось большое круглое помещение, серебрящееся от конденсата в свете фонарика. Фридрих остановился и насчитал шесть круглых дверей – пять закрытых и одну приглашающую.

За ней во тьму убегала вереница огоньков на полу.

Фридрих ступал по ним, стуча подошвами по металлу, оставляя позади круглые двери, проходы и переходы, и унылое холодное однообразие, и огоньки завели его во мрак, где луч фонарика не доставал до потолка. Вдали в свете прожекторов висела луна, гудел генератор, стояли ящики, и ходил Андрей Беляевский.

Фридрих поспешил туда.

Андрей сказал по-немецки, вытирая тряпкой под глазами:

– Вот и ты. Голоден? Я, признаться, съел бы слона. Где-то там корзинка со снедью, – он потряхнул тряпкой в сторону ящиков, – займись, я тебя прошу. Я закончу здесь, и перекусим.

– Могу я спросить, что это? – не удержался Фридрих.

– Беламитер. Небольшой корабль мардуков – скажу так: катер, на котором можно недалеко летать. Недалеко – это на Луну, например.

Фридрих посматривал на белёсую светящуюся сферу размером с сарай, пока выуживал из ящика корзину, прикрытую сложенной скатертью. Понеслись взбудораженные ароматы хлеба, сыра и копчёного мяса, пирога с курицей. Звякнуло стекло о фарфор. Фридрих накрыл сложенной скатертью два ящика и взял тарелки.

– Тебе нравится беламитер? – спросил Беляевский.

Фридрих даже растерялся.

– Чего молчишь?

Фридрих поставил бутылку с лёгким ягодным вином, и не заметил, что не отпустил её горлышко. Трудный вопрос, в самом деле! Потому что он научил себя, что ему безразличны вещи, которые ему не по карману, а его спрашивают, нравится ли ему то, что попросту не для него.

– Ты напрасно всё усложняешь, мой мальчик. Есть «нравится» и «не нравится», «да» и «нет», и это голос с глубины. Он всегда говорит одно и простое, а голос разума переменчив. Найди, что слышишь.

Фридрих слышал шаги Андрея.

Он вытер вспотевшую ладонь о край скатерти.

– Я восхищён. Не знаю, что ещё сказать, – признался он. – Я думал, что реактивные самолёты – самая прогрессивная техника, а здесь, в Аменти, я только смеюсь над всем, что люди называют достижениями.

– Хочешь, я подарю его тебе?

– Катер?!

– Не просто так подарю, – Беляевский сел рядом на ящик. Ему не было холодно – он был в рубашке с закатанными рукавами. Он поднял плечи, упираясь белыми жилистыми руками в колени, и хитро улыбнулся. – Мне нужно, чтобы ты оказал мне большую услугу, Фридрих, и я не буду мелочиться. Считай, что беламитер твой. Это аванс.

– Зачем мне летать на Луну?

– Это сам решай. Делай с ним что хочешь.

Фридрих пытался резать мясо, но пальцы не слушались.

– Господин Леген?

Он открыл глаза. Его руки шарили по бёдрам.

– Приехали, – отвернулся от него Гельмут и вышел из машины.

Вышел и Фридрих, взволнованный.

Они в Пер-Басте, купольном городе матери малых кошачьих бальсагов Баст Себы – Беаты Себы с недавних пор, в центре торговли Дуата, известном также фармацевтическим университетом и аптекарскими огородами, и также хранилищем ценностей, основанным проявлением ану Сопдет в имени Бити. После реформы наместника Юлиана Диррахика хранилище стало Трапезой Бити, наместник Беляевский переименовал его в Банк Бити.

Фридрих приезжал в Пер-Баст в качестве проявления господина Мардука, чтобы познакомиться с городом и Беатой Себой, довольно милой дамочкой. Сейчас автоатет обогнул город и прибыл на частный причал господина Мардука в Банке Бити – на широкую площадку, обсаженную кедрами и уходящую в лестницу из белого мрамора.

Их встречали. Первым поклонился служащий со старомодно подкрученными усами, одетый в чёрный бархатный костюм-тройку с бордовым галстуком-бабочкой, и с отметками высокого положения – в золотом пенсне, с золотой цепочкой часов и с золотой печаткой.

– Добро пожаловать, господа, – сказал кот.

Двое за ним поклонились без звука.

– Я – заведующий сектором Эшуггурату Анири в Банке Бити, Сапут Унеб Бити. Рад быть полезным.

– Господин Беляевский держал для меня ячейку, – сказал Фридрих.

– Прошу вас.

Фридрих и Гельмут затопали по ступеням вдвоём.

Оставшись на площадке, чтобы не маячить за спинами, служащие пошли вперёд по скрытому коридору, чтобы снова ожидать в высоком зале. Сапут пригласил в боковую галерею, Фридрих с Гельмутом ещё потоптались по лестнице, и кот открыл им дверь в комнату, отделанную белым с голубыми прожилками камнем. В ней стояли два мягких кресла.

Гельмут устроился в кресле, Фридрих не стал присаживаться. Он прибрал ладонью волосы, заморгал и заговорил:

– Произошло проявление госпожи Сопдет... – и взглянул на Сапуга.

– Подтверждения этому нет, – сказал служащий.

Фридрих обернулся:

– Вы солгали?!

– Он же говорит – подтверждения нет. Проявление есть.

– Но я не смогу открыть ячейку!

– Господин Леген, вы можете. Условия заказа господином Беляевским специальной ячейки на ваше имя таковы, что она доступна вам по первому запросу в любое время, – сообщил кот, выражая почтение всем видом.

«Когда ану Сопдет даст новое проявление, поезжай в Банк Бити. Там тебя будет ждать специальная ячейка, в которой ты найдёшь дарственную на землю в Дуате, кольцо акера и кое-что важное», – заговорил Андрей Беляевский в памяти Фридриха, болтая вино в стакане.

Всё-таки, нужный момент – её проявление?

– Хорошо. Откройте, пожалуйста.

Сапут положил ладонь на стену, под ладонью разошёлся светящийся жёлтый узор, в которой шестерёнками закрутились кольца, и в стене прорезались четыре щели. Сапут снял каменную плитку, и на синей табличке открылась белая полоса размером с кирпич.

– Печать должна быть у вас, – сказал Сапут.

– Твой браслет, – подсказал Гельмут.

– Да знаю!

Фридрих подошёл и приложил плетение.

Полыхнула пламенем синяя печать и начала таять. Центр, приходившийся на центр дверцы, истлел последним, внутри щёлкнуло. Фридрих вынул из открывшейся ниши деревянную шкатулку. Заглянул в неё. Бронзовое кольцо акера-землевладельца и бронзовая пластинка дарственной лежали на старом пожелтелом конверте с выцветшим адресом. В Лейпциг, разобрал Фридрих. Он заглянул под конверт и увидел деревянное дно.

«Всё?».

– Это всё? – спросил он вслух, озадачившись.

Он испугался.

А Гельмут сзади выхватил письмо.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Символ смирения

Ночь растянулась на ветвях и мигала подслеповатыми мелкими звёздами; золотые деревья, светящиеся изнутри, стояли без листвы, и тлел брошенный ими золотой ковёр. Искры поднимались с него, пускались в неспешный танец к реке и собирались в клубящиеся облака у пронзительно синей воды. Речка была в размах рук, устлана по дну теми же округлыми листьями, как чешуёй, и катила под ногами белый жемчуг.

Шуугес брела, изредка поднимая голову.

Она наблюдала, как течение потихоньку тянет её вперёд, и не думала, куда идёт, зачем... В этом золотом тумане, в этой золотой дрёме её ожидание тянулось, как её путешествие – без начала и без конца.

Она посмотрела вперёд.

Справа россыпи искр несли, укачивая, что-то белое.

И она долго шла навстречу, и долго останавливалась у большого валуна, утопленного в листве на берегу. В нём было выпилено сиденье, и все углы были сглажены. Откуда здесь скамья? Шуугес долго глядела на неё, на поднимающийся за ней холм, на белые шрамы на его теле, на громаду золотого ствола с голубым свечением по низу, и заполнившую небо золотую крону, в которой осколками застряла темнота.

Она долго ступала на берег. Долго смотрела, как считает шагами неровные ступени – они лезли и лезли, не заканчиваясь, – и когда поднялась на вершину, увидела у подножия дерева в скоплении шлейфов плотно свернувшийся клубочек бело-синеватого огня.

Он не заиграл при её приближении.

Шуугес поняла, что это.

Её коснулся новый и неизвестный ей мир, в котором появился ключ, чуть-чуть не подошедший к замку её гробницы. Этот синий Отсвет был уже очень слаб, раз они встретились в Царстве Шети. Она опустила перед ним. Она сможет немного помочь. Шуугес наполнила жаром свою руку, и Отсвет начал робко разгораться от её прикосновения, набираться доверия. Он маленьким солнцем подкатился к ней, и Шуугес подняла его и прижала к груди... И тут холм провалился пропастью! Полетели листья, теряясь во тьме, и в невесомости Шуугес, распалаясь, ощутила холод, услышала песню ищущего, увидела светлое пятно, разрастающееся в ветви...

Упала на самое дно.

Она лежала и смотрела на светящийся шатёр большого дерева над собой, держа руку на чём-то круглом, твёрдом и ледяном. Она потянулась подбородком и увидела, что это большое золотое яйцо. «Что это?».

Кто-то промурлыкал последнюю строчку. Спросил:

– Эйенешентар?

Однажды она слышала, как издали кричали: «Эйенешентар – твоё имя? Эйенешентар Руджива Сопдет – тебе знакомы эти слова?».

Нет, это имя ей незнакомо. Это не её имя.

Но она приподнялась на локте, совсем не думая об этом. Вернее, была она – не шлохнувшаяся и вспоминающая тот крик, замечающая, как воздух наполняет её грудную клетку, и была другая она, которая знала, что за предмет с ней, знала своё имя и удивлённо смотрела на Великую Мать мардуков – эннинамат Согашеарун Тазимарис Мардук. Госпожа Сога переживалась на пятки, и её синяя улыбка росла, и по лицу текли голубые слёзы.

Грань лопнула, всё смешалось.
Эйенешентар оказалась на спине.

Зашуршало, зазвенело. Посветлело от лица Атамила, Кейенарнена и всех эннунриидов и эннинамат вместе взятых – строгой и безупречной красоты лика, обтянутого белой защитой с синими плёнками на глазах и губах.

Госпожа Сога взяла её за руку.

– Я с тобой.

– Вы... – выдавила Эйенешентар, окончательно приходя в себя.

Она будто не спала, а выбиралась из ямы. Тело тяжёлое.

– Почему вы плачете, госпожа Сога?

– От радости. Ты так радуешь меня, Эйенешентар...

Мысли забродили в поиске причины. Что она сделала? Нашла беламитер в листьях под холмом. Достала из него спящего Реккши и ветряной колокольчик. Не решилась отправиться к Арухо, села подумать под Большое Древо и задремала. Что из этого могло до слёз обрадовать эннинамат?

Теряясь в догадках, Эйенешентар молча наблюдала, как голова госпожи Соги клонится к её груди, роняя на неё растрёпанные золотые косы. Сога возложила поцелуй на её руку.

Она опять.

Эйенешентар подняла глаза к кроне и представила, что оставляет руку госпоже, а сама незаметно уходит, чтобы вернуться на базу и успеть очиститься перед завтрашним лётным испытанием, первым для неё. Какая желанная картина! И какая непочтительная идея!

– Куда ты уходишь, моя радость?

Выражение лица и рвущаяся улыбка стали настолько неестественными, что кажется – сейчас потекут, как кусковое масло на солнцепёке.

– Никуда. Я здесь, – ответила Эйенешентар.

«Я терплю».

Забота госпожи Соги – пища, что не даёт запаха, вкуса и насыщения. Она бесчувственное по натуре создание, решающее все задачи математически, и ненастоящие эмоции делают её лицо маской, слова – камнями, присутствие – давящим. Но если эннинамат считает что-то правильным, с этим надо соглашаться. Всё в её руках. Пока что ей – Вершине, ей – хранительнице Достояний, – важно, что Эйенешентар – сопд Атамила, приобретение Экур-Рана, которая проживёт в человеческом теле три максимальных человеческих срока, чтобы стать разумом летающего корабля – амитера.

Так вышло, что эннинамат – последняя, кто ещё стоит за неё.

После гибели Атамила Мардука обязанность курировать его сопда перешла к его наследнику Кейенарнену. Однако Кейенарнен недавно поддержал инициативу Ран-Иним пересмотреть разрешение, данное Атамилу на создание Эйенешентар, и эннинамат отстранила его. Госпожа Сога приняла обязанности куратора и пообещала, что суда не будет, за что Эйенешентар следовало бы быть безгранично признательной. А она?

А у неё не получается с тех пор, как Первоголос Доигни Лито-киари сообщил ей в официальном послании, что он выдвинул претензии в адрес Экур-Рана. Что такое претензии? Подозрения с обоснованиями. Если хоть одно превратится в обвинение, Ран-Иним определит период «тишины» – и все договоры с мардуками, заключённые в «тишине», потеряют силу.

В том числе, соглашение о сопдировании Эйенешентар.

Ран-Иним вернёт её алуранам.

Никаких сомнений.

В Ран-Иним дозрели настроения, о которых Эйенешентар много слышала. Говорили, что уступали мардукам, не глядя. Говорили, что Первоголос стремится сохранить лицо человечества поднятым перед мардуками, которых он считал виновными в гибели миллиардов на Лим-

эдене. Говорили, что сопд в начале пути, как Эйенешентар Руджива Сопдет, удачно подходит для того, чтобы в напряжённый для всех период Ран-Иним и Экур-Ран сделали по шагу к ком-промиссу: мардуки не успеют потерять амитер, человеческий род примет символ смирения.

Эйенешентар Сопдет стала ждать, когда изменятся слагаемые в задачах эннинамат, и готовиться. Она приучала себя к мысли, что нужно расстаться с жизнью, подаренной ей Атамиллом Мардуком вместе с прекрасным именем – «Сияние синей звезды», с местом среди равасуа, с долгом в линии Рау. В другой жизни она будет Ан Калерте-дили.

Голубые капли скатывались по пальцам Эйенешентар.

– Почему вы плачете, госпожа Сога? О... – она вспомнила, что уже спрашивала. – Простите... Вы радуетесь.

Госпожа Сога стала выпрямляться, и помогла сесть ей.

Эйенешентар устроилась спиной к стволу, подтянув ноги в белых брюках и высоких белых сапогах с перехватами, и поправила полы серой с белым куртки пилота-стажёра. Уткнувшись носом в высокий ворот, Эйенешентар покосилась на госпожу Согу. Та сидела белым облаком, облитым лучами солнца, набравшими листьев. Ни одного украшения.

– Что тебе снилось? – спросила госпожа.

– Не помню. Я словно упала куда-то... Почему вы здесь?

– Потому что здесь ты, моя радость. Где мне ещё быть?

Эйенешентар устала от подобных ответов. Ну почему?! Почему нельзя не издеваться над ней? Разве нельзя сказать что-то конкретное?

– Ты не спросила, чему я рада. Хочешь знать?

Эйенешентар отвела глаза.

– Нет? – спросила госпожа Сога.

– Мне не полагается задавать вам вопросы о вас...

– У тебя есть моё разрешение.

– Да. Я не буду злоупотреблять им.

– Пусть так, солнышко... Как хочешь. А что ты не смотришь на меня? Тебе неприятно? – допытывалась госпожа Сога.

– Нет, это не так.

– Тебя схватывает, как холодом. Скажешь, это не так?

Конечно, это были бесчестные слова, и они резали госпоже Соге уши, как Эйенешентар – язык. Говорить неправду, оказывается, легко. Само получается, если это то, что лучше для твоей безопасности и краше для лица. Совсем как у эгилу. Вот оно... Эгилу... Безопасность... Правильно. Для всех – для эгилу, деэгилу, алуранов и равасуа, для каждого возраста и статуса определены правила субординации. И у мардуков есть свои правила. Неужели госпожа Сога не понимает, что её игры и вопросы выталкивают в неопределённость?

– Вы ко мне жестоки, – сказала Эйенешентар.

– В чём это проявляется?

– Нет таких слов, какие были бы для вас новы, а вы постоянно спрашиваете у меня странное... Что может сказать сопд в юности госпоже эннинамат в пятом цикле? Вы говорите непонятное для меня, совершаете непонятное. Вы знаете это... Мы слишком разные. Вы изрядно велики, меня не увидеть на вашем фоне.

– Что ты хочешь сказать?

Эйенешентар обхватила голову.

– Для вас существует причина общаться со мной неформально. У меня нет ни причины, ни повода, ни основания. Есть правила. Если вы действительно заботитесь обо мне, почему вы... вы... – она пыталась найти, как закончить как-нибудь нейтрально.

А то претензии могут превращаться в обвинения.

– «Не оставите меня в покое?», – подсказала госпожа Сога.

– Нет... Просто... Мы принадлежим к разным мирам. Почему бы нам не оставаться в наших мирах?

– Держись от меня подальше.

– Простите! Я изо всех сил стараюсь, чтобы...

– Нет, я говорю то, на что тебе не хватает смелости и прав. По правилам ты должна быть рада, если мардук желает твоего общества.

Эйенешентар вздохнула. Госпожа Сога, конечно, вовсе не так добра, какой считает необходимым притворяться. Она ударила в известное ей больное место. Эйенешентар обращала открытое сердце к Кейенарнену Мардуку, Тиамату Мардук-Хету и собственно к самой госпоже Согашеарун Мардук, и получала себе в грудь грязный осадок. Атамил Мардук и Синнанра Мардук-Рау такого не сделали. Может быть, потому, что с обоими она встречалась только один раз?

– Я не могу отдать того, чего у меня нет...

Лицо перестало сползать с госпожи Соги.

Она спрятала зубы, оставила короткую улыбку.

– Разумеется, радость моя. Это истина для каждого. Не время ждать от тебя отзывчивости. Не время просить драгоценные плоды у семени, спящего в земле. Ты не знаешь даже того, что тебе предстоит проснуться и начать расти. Тебе неизвестно, чем ты станешь на пути к солнцу. Поверь мне, ты подвинешь облака и достигнешь центра земли. Всё, что я делаю – беспокою тебя тем, что беру тебя в твоей тёмной сырой колыбели в свои руки, – госпожа Сога подняла сложенные ладони, – чтобы хранить у моего сердца, – она прижала руки к груди. – Ты будешь любить меня вечно?

Надо что-то отвечать?

Эйенешентар побежала по золотому саду.

– Явишь мне себя во всём великолепии?

– Госпожа Сога, а как же суд?!

– Пересуд в Ран-Иним по твоему поводу? Сказано, этому не бывать.

– Да, вы обещали... Вы можете взять свои слова назад?

– Сначала говорят о цели, затем – о средствах, – сказала госпожа Сога, подёргав улыбкой. – Ты спрашиваешь о средствах. Но я понимаю. Хочешь, чтобы мардуки отдали нужное тем, кому оно не нужно. Хочешь, чтобы я опустошила своё сердце от лазурного семени. Нет? Ты не этого хочешь? Сопд Эйенешентар намерена пожертвовать предназначением ради того, чтобы Экур-Ран и Ран-Иним имели согласие. Наивное дитя! Зачем укладывать первый камень, когда здание давно построено? Вместо диалога Экур-Рана и Ран-Иним длится незатихающий монолог на разные голоса.

О том, что Ран-Иним – ширма, Эйенешентар слышала. Ей довелось узнать, что мардуки сокращают жизни людей и убивают без последствий, втайне владеют территориями, покупают детей; что происходят несчастные случаи, из которых мардуки извлекают выгоду. И всё же ей хотелось верить, что есть какой-то предел.

Она ошибалась. Избранные благодетельные представители людей во главе с ану Кецальмеком – лжецы, участвующие в великом обмане.

– Эйенешентар...

– Я слушаю, госпожа Сога.

– Мы часто прикрываем наши мотивы эгоизмом собственников не только потому, что мы таковы, но и потому, что люди привыкли такими нас считать. Пора сказать тебе... – госпожа Сога коснулась её щеки. – Ты не приобретение мардуков и не наследственный человек. Тебя, кто никогда не был человеком, и не был рождён человеком у человека, невозможно вернуть в человеческий род. Это первейшая причина, по которой Ран-Иним тебя не получит ни при каких обстоятельствах.

Поразительно!

- Мы скрываем эту правду, – сказала госпожа.
- Почему? Кто я?
- Если бог – гора, ты – самородок из жилы в горе.
- По генетической основе я дочь Калерте.
- Мы использовали материал Калерте, чтобы создать твоё тело.
- Но кто я тогда?!
- Ты всё узнаешь и поймёшь, когда придёт время.

Печалась, Эйенешентар отклонилась от госпожи, повернула к себе ладонь, чтобы посмотреть, сколько осталось до рассвета, и отпрянула – Сога поймала её руку в свои.

– Послушай меня. Тебе не привыкать думать, что ты столп, вокруг которого власть жнёт и сеет. В этот раз всё так. Пока ты спала, мы действовали. Положение вещей изменилось. Знай..., – госпожа Сога медленно убрала руку с ладони Эйенешентар и ласково обняла её за плечи, оказавшись совсем рядом, – я всё делала ради твоего блага.

Она подслащивает горькое? Что случилось?

Эйенешентар активировала канал, синий огонёк у неё в руке засветился, в глазах возникли своды информации от координатора. Её лётное испытание прошло отлично! Оно состоялось вчера. С участием эннинамат, эннуна Кейенарнена, господина Синнанры Мардук-Рау, Бела Рудживы и Эйенешентар Сопдет.

И без неё. Она сутки пробыла в охраняемом мардуками месте, не просыпаясь, пока на полигоне занимались фальсификацией.

- Почему?
- Ты была не в состоянии.
- Почему нельзя было перенести дату?
- Я действовала ради твоего блага, – повторила госпожа Сога.

Понятно... Конкретики не дожидаться.

– Спасибо, – сказала Эйенешентар. – А почему вы меня обнимаете?

– Чтобы прижать к сердцу. Что? – госпожа взяла её за запястье, не давая коснуться Реккши. – Тебе надо отправляться к Арухо?

Надо ли? Нет, пожалуй.

Она не принесла ему счастья. Наоборот. Последняя попытка запомниться ему чем-то светлым – и то боком. Арухо описывал ей нечто очень похожее на пульт голосового управления системой полива на участке. Вот Реккши. Самодвижущийся механизм ильсиа. Страж периметра, не впускавший и не выпускавший без пропуска, сложившийся в компактную переносную форму, потому что из него вынули батарею. Он – очередное доказательство того, что предки Арухо не владели землей, не были обмануты, получили милость от мардуков.

Арухо хочет обижаться на мардуков. Пусть обижается.

Пусть будет свободным хотя бы так.

– Нет, госпожа Сога. Это не то, что он желал бы увидеть. Так что незачем показывать, – сказала Эйенешентар.

– Здоровое решение, – сказала эннинамат, и погасила передатчик в ладони Эйенешентар. – Будет здорово не оставлять сообщений Белу Руджива. Вы отмечаете твой успех в Стенах Рудж.

Ночь. Никто не ждёт и некуда идти.

И госпожа Сога не отпустит.

Эйенешентар посмотрела в огромные глаза эннинамат.

– Что будет дальше, госпожа Сога?

– Мы уснём, – сказала Сога, целуя её в висок, – уснём вместе, и наша ночь будет долгой, моя радость, она будет вечной, моя синяя звезда. Ты проснёшься, и я буду у твоих ног, ты будешь, и я буду с тобой...

Тесный мир

Повернув голову, Джейк смотрел на лицо жены, наполовину съеденное подушкой, с распухшими губами. Дженна перед сном мазала их скрабом и, похоже, перестаралась. Дженна просидела перед туалетным столиком с полчаса, перебирая свои баночки и тюбики, довольная – Джейк наблюдал за ней, пока в соседней комнате читал волшебные истории Хлое и Дэлис.

Пока его не было, Дженна прилегла и уснула.

Она устала.

Джейк вернулся домой гораздо раньше, чем мог бы – пирог ещё остывал на решётке, но Дженна, не дожидаясь, когда он снимет верхнее, выставила ладонь. И Джейк, найдя фото на смартфоне, отдал его как дань.

– Я её знаю, – сказала Дженна, и Джейк немного подержался за куртку на вешалке. – Это же Вивиан! Они с Молли вместе снимали квартиру в этом году, – Дженна увеличила фото. – Я видела её на странице Молли в Фейсбуке, и эту блузку видела. Они покупали её вместе. Джейк?

Джейк повернулся к ней.

– Они обе живут в Чикаго, Джейк!

– Они там не привязаны.

Дженна одарила его взглядом ищейки, отдала ему смартфон и пошла на кухню, вытаскивая из заднего кармана брюк новую игрушку в цвете розового золота. Его подарок ей на День рождения. Джейк не торопился и слышал, как Дженна здоровается с племянницей, проговаривает дежурные фразы и интересуется, где Вивиан Смоуэл.

Завязалось перемывание костей.

В то время, как он поднимался по лестнице на второй этаж, жена вспомнила, что Смоуэл была не одна. Она начала рассказывать про очень светлые волосы, и Джейк нажал ручку двери в спальню.

Он переоделся, посидел в ванной комнате, прорабатывая планы «Б», и пошёл спускаться, готовый ко всему. Но не к этому.

Дженна поднималась навстречу подозрительно стыдливая.

– Джейк...

– М-м?

– Спасибо тебе.

Он искренне удивился.

– Ты – самый лучший. Спасибо, что имел терпение, пока я сомневалась. Этого... всего не повторится, Джейк, клянусь. Прости меня, – она прильнула к нему жарким телом. – Простишь?

Они спустились, обнявшись.

– Мы вместе 18 лет, а день нашей свадьбы остаётся для меня самым счастливым днём в моей жизни, – нежничала Дженна.

– И для меня, – он поцеловал её в лоб.

Какой тумблер переключился под этим лбом?

– Что тебе сказала Молли?

– Смоуэл с самого начала, как приехала в Чикаго, чувствовала себя неуютно и хотела уехать. Правда, в Бостон. Любовь всё меняет... Им понравился дом? – Дженна увлекла Джейка под лестницу.

– В целом да... Они подумают...

Закрыли дверь, и Джейк утоп в мягкости Дженны. Повздыхали и отстранились – над ними Хлоя крушила ногами лестницу с воплями:

– Ма-а-м?! Па-а-ап?!

Она побежала на кухню и не застала родителей выбирающимися из подвала на цыпочках, будто воры.

– Мам, можно пирога?!

– Подожди! – откликнулась Дженна и пустилась бегом.

С Джейкобом это был бы один из лучших вечеров в их доме, без него это был просто неожиданно хороший вечер для такого дня.

Впятером они посидели за столом, собравшись вокруг абрикосового пирога с укусами на боку. Дэлис с гордостью показала всем картинку, на которой папа в образе Тора бил молодом бледное невесть что. Фальшивый Джейкоб сказал, что он счастлив, и собрал с тарелки все крошки, чем сподвиг Дженну на приступ к кастрюлям, и семья получила ещё и ужин, достойный называться младшим братом праздничного.

Это было так сильно, приятно, привычно, что Джейка носило на тёплых волнах; он сидел облепленный стразами, проигрывал девчонкам в дженгу, и старался не вспоминать, где был несколько часов назад. Потому что когда вспоминал, то его словно обливало холодной водой.

Волшебные истории быстро закончились.

Он пожелал девочкам спокойной ночи, пошёл в спальню, укрыл Дженну и скользнул под одеяло. Всё, что ждало, пришло к нему на подушку и навалилось тоннами на голову.

Было о чём подумать.

И особенно – о том, что если представить многомиллионную очередь, то в ней Вивиан Смоуэл вчера едва не дышала ему в спину: она стояла после его жены и племянницы его жены. Всё повторялось. Погибшая алуранка, у которой он позволил Атамилу Мардуку забрать зародыш, приходилась роднёй спутнице его жизни на том этапе, Малави Ортиэд.

Его как будто надували в игре в скорлупки.

А он не мог ничего поделать.

Тогда, в эпоху Ран, он даже не пытался – не хотел делать общение с мардуками опасным. Узнав об очень раннем сроке беременности Динамарни Калерте, он предвидел, что мардуки потребуют ребёнка, оставшегося сиротой и не успевшего закрепиться во чреве, а расследование погружения генмаила «Калерте» будет тянуться в тупике.

Так всё и случилось.

У него был маленький шанс узнать про Вивиан, пропавший из-за отсутствия интереса к тому, что прокручивалось у Дженны на экране ноутбука среди жареных кур и звёздных разводов, и из-за того, что Маргарет не прислала ему ни одной ссылки на посты Молли с Вивиан. «Шуугес».

«Про Шуугес ничего не известно», – сказал он себам. Вот именно! Значит, это важно. «Заявляю, что не буду нести никаких официальных и неофициальных обязательств по отношению к этой девушке». Поспешил, дурак. Время самое благоприятное, а он обрадовался, что может вернуться в спячку. Это в разорённом-то углу?

Его чуткий слух уловил бряканье, и Джейк заглянул во все помещения разом. Всё спокойно. Дэлис, включив настольную лампу, доставала из пенала фломастеры.

Всё к одному.

Джейк поднялся, натянул штаны и, прихватив футболку, вышел из спальни босиком. Одеваясь по дороге, он спустился на кухню, налил себе воды, а на обратном пути остановился у двери в комнату Дэлис. Дэлис, конечно, слышала, что он ходит, и поджидала. Высунув язык, она делала вид, что давит дверью себе на шею.

– А у меня голова сейчас отпадёт...

– Приклеим, – сказал Джейк.

Дэлис прыснула и показала ему на ноги:

– Ты наступил на кашку!

Она дурачилась, но Джейк осмотрел левую ногу, потом правую, чем повеселил дочь. Кролики Хлои создавали много веселья в доме.

– Врушка! Почему не спишь?

– Не спится.

– Хочешь горячего шоколада? С горячего хорошо уснёшь... Только тихо, – прошептал он вслед Дэлис – она в малиновом спальном костюме припустила вперёд с грацией енота.

Ей не хватило его внимания сегодня.

На кухне она уже сидела за столом, болтая ногами, с пальцем в носу, как маленькая. Джейк залез в шкафчик, спросив:

– Дэлис, почему ты нарисовала меня с молотом?

– Ты как Тор, папа!

Её любимый герой. Хорошо.

– А почему ты нарисовала, что я бью пришельца?

– А ты не дрался с ним?

– Я рассказал тебе, что был в шоке, впервые увидев одного из них, потому что никогда не видел, чтобы у человека была белая кожа... – «Хотя это оказалась не кожа, а защитная оболочка, и чёрт знает, какие они на самом деле», – договорил Джейк у себя в мыслях, а потом подумал, что не видит коробку. – Ты не помнишь, куда мама убрала шоколад?

– Он закончился.

– И ты мне не сказала? – он обернулся и пожалел о сердитой нотке. Он предложил ей повод посидеть с ним ещё немного, и она согласилась. Остальное неважно. – Ладно. Что тогда будешь?

Дэлис вращала глазами.

– Будешь тёплое молоко? Если у нас есть молоко, – заручившись кивком, он пошёл к холодильнику.

– Извини.

– Молоко есть, – констатировал Джейк.

– Я про рисунок... Я заметила, что, когда люди делают что-то правильное, они об этом рассказывают. А если их поступок был плохой, они его скрывают. Я подумала, что ты подрался с ним и не сказал.

– Но с чего ты взяла, что я мог драться с ним?

– Ты же сам рассказывал. Они никого не убивали. А ты же не знал. Ты был великим воином. Я подумала...

Джейк открыл крышку бутылки и налил молоко в стакан.

Попыхтев, Дэлис сдалась:

– Я подумала, что ты ошибся. Ты же хороший. Извини, папа.

– Не извиняйся. Ты недалеко от истины.

– О-о-о...

– Я правда не бил его молотом. Я скинул на него гранату. Не потому, что он был чужак, вторгшийся на наши границы, – Джейк открыл микроволновку. – Я сделал это потому, что за мной летели молодые пилоты, которые посадили меня в планер, чтобы я в последний раз поднялся в небо. До этого я упал с большой высоты и сломал позвоночник. У меня двигались только руки, мои раны гнили, и я был очень зол из-за того, что не женился и не завёл детей, и из-за того, что у меня больше нет будущего. А у них есть.

Дэлис сидела с открытым ртом.

– Мне так жаль, папа! Как ты вылечился?

– Меня восстановил он.

– Инопланетянин?

– Пришелец – так всё-таки правильное. Потому что они пришли в наш мир. А о том, что они с другой планеты, они никогда не говорили. Наоборот... – Джейк осёкся. – Всё это очень сложно, Дэлис. Очень.

– Ты думаешь, я глупая и не пойму?

– Я никогда не думаю так о тебе. Я сам не могу многого понять, – он заметил, что так и не поставил молоко греться, и закрыл микроволновку. Он сел за стол и, обхватив ладонями стакан, сам начал греть его. – Они называли сами себя мардуками. Это значит... ну, вроде «бездомные».

Джейк переставил горячий стакан к Дэлис.

Она потрогала стекло пальцем и просияла.

– Это ты сейчас сделал?!

– Пей. Тебе надо поспать, Дэлис. Будет трудный день.

Дэлис только обмакнула губы.

– Они хорошие?

– Мардуки? Не сказал бы.

– Почему?

– Ну, – Джейк сплёл руки, наваливаясь локтями на стол, – потому что под «хорошими» ты подразумеваешь «добрых». Они не были добрыми. Они придерживались таких принципов жизни на Земле, которые делали их как будто не такими уж плохими ребятами. Им было проще, чем людям. Человек по природе подчинён короткому жизненному циклу, поэтому в нём заложено саморазрушение, которое проявляется болезнями тела и разума, шатаниями в обществе, ущербом для среды. Мардуки несли в мир стабильность и покой своей долговечности. Я прожил при них в общей сложности около 2 миллионов лет, и за это время не было ни одной масштабной войны, эпидемии, техногенной катастрофы, – Джейк скрипнул столом. Он и не переставал жить при них, однако при Кейенарнене Мардуке всё было наоборот.

– Это же здорово.

Посмотрите – сам делает из дочери их поклонницу.

– Дэлис, не торопись с выводами. Мардукам было, за что сказать спасибо, но всё хорошее от них, как и всё плохое, исходило только потому, что они подстраивали наш мир под себя. Они не считались с людьми. Часть людей они модифицировали и дали им высокую культуру, а большинство насильно удерживали на уровне цивилизаций, существовавших 5 тысяч лет назад. Это было очень несправедливо, детка. И знаешь, что самое... странное? – вовремя поправился Джейк.

– Что?

– Мардуки не улетали.

Глаза Дэлис заблестели пусто, словно стекло.

– Представь, что мардук пришёл жить в наш дом. Он заявил: «Я ваш гость. Я беру себе вот эту комнату на время. В доме не шуметь и не драться, ко мне в комнату не заходить, меня не беспокоить, ничего в доме не менять». И вот представь, что сменилось уже сотое поколение жильцов, а гость всё сидит в своей комнате и диктует свои правила. Как тебе?

– Да, это странно...

– Разве ты бы не стала думать, зачем он явился и почему не уходит?

– Ты говорил – он бездомный.

– В городе тысячи домов. Почему наш?

– Наверное, наш ему понравился... А ты как считаешь?

Даже ребёнку понятно, что каждый выбирает то, что больше всего соответствует его предпочтениям. Мардукам было нужно, чтобы на такой планете, как Земля, жили такие существа, как люди, и по первому требованию отдавали им таких детей, как будущие сопды. Не могло быть случайности в том, что каждый сопд вырастал сильным духом, неординарным,

чистосердечным. Каждый мог бы стать цветом человечества, но попадал к мардукам – через руки ану со званиями Защитника и Первоголоса.

В прошлом Йолакан Са Кецальмек не сразу узнал, что был создан в рамках особого проекта линии Шеос. С его участием мардуки наладили и узаконили отъём детей. Стоило ему вздумать поспорить или оспорить, его совесть лечили, предлагая ему освободить место.

– Папа?

– А?

– Наш дом ему понравился, да?

Джейк погонял по зубам какую-то крупинку.

– Была официальная версия, которая объясняла, почему они здесь. Такая... сказка, Дэлис. Будто бы для них здесь всё удачно сложилось.

– О-о-о...

– Всё, абсолютно всё упирается в вопрос, каков залог существования. Запомни это, Дэлис. Любому человеку не прожить без еды, воды, воздуха. А что нужно любому мардуку? На этот вопрос не ответить, если не знать, что такое мардук. И я не знал. Но есть одна женщина – бессмертная, как я. Она длительное время жила на Марсе и изучала там старые технологии мардуков. Вернувшись на Землю, она стала создавать разные механизмы и связывать с ними людей... – Джейк почесал обеими руками голову и поглядел на остановившееся лицо Дэлис.

Она протянула:

– Серьё-ё-ё-зно?

– Та женщина использовала две технологии сдвоения. Одна позволяет человеку иметь тело человека и тело животного, и менять их местами. Другая технология присоединяет к человеку особый летающий дрон. Люди называют первых оборотнями, вторых – драконами. После того, как они появились, я стал думать, что мардуки сочетали отдельные свойства тех и других, а сами являлись результатом наиболее продвинутого способа сдвоения.

– Это плохо?

Всё-таки, она маленькая девочка. Знает две категории.

– Если мои догадки верны, то да. Не очень хорошо.

– Пап?

– Кхм...

– Папа, я поняла. А тот парень, который вместо Джейкоба – он кто?

Молодец, Дэлис! Увидела разницу!

– Он оборотень – человек и лис. Поскольку он служил долго и хорошо, ему позволили владеть маскировочным устройством, которое как маска на всё тело. Я нанял его на время, потому что надеюсь скоро найти Джейкоба. Его похитили. Не беспокойся, он жив.

– А если мама заметит...

– Она заметит перемены в его поведении и в своём отношении к нему. Ей не придёт в голову, что он оборотень. Дэлис, детка...

Наверху Дженна заглядывала в её пустую комнату.

– Я хочу тебя предупредить. Завтра мама повезёт вас с Хлоей в школу, и по дороге вас перехватят. Это я организую. Вы поживёте несколько дней в незнакомом месте. Вас никто не обидит.

– Но почему нас похитят?! Мы тебе мешаем?

– Мне нужно искать Джейкоба, а я боюсь, что вы тоже исчезнете, стоит мне отвернуться.

Вы должны быть в безопасности. Понимаешь?

У Дэлис дрожали щёки и губы, её глаза покраснели.

– Поддерживай маму и сестру, хорошо? И не сердись на меня, ладно?

– А ты заберёшь нас обратно?

- Ну, я...
- Обещай, что ты придёшь за нами, папа!
- Обещаю, Дэлис, – сказал Джейк с тяжёлым сердцем.

Половина желания

Фридрих не заметил, как задремал, и, повалившись, вскрикнул. Взмах – и он удержался на стуле, на котором сидел у панорамного окна в своём читальном номере. Сердце прыгало, и, потирая себя по груди, он с кислым чувством посмотрел на феерию света.

С четвёртого этажа гостиницы Новой библиотеки открывался вид на край большой террасы с розариями, поделившими площадку на закутки со столиками, на каждом из которых теплился цветной переносной фонарь. За парой столиков сидели. Большая лестница вела вниз на аллею платанов, убранных гирляндами, и ещё на ярус ниже – на набережную со скамейками. Искусственное мелкое море, замешанное с синими искрами, жило в заметных с высоты течениях: тут и там воду увлекало в водовороты и поднимало стенами струй, а к набережной неспешно набивало фосфоресцирующий кисель. Вдали горел, как торт со свечками, парк аттракционов.

В начале 1958 года, когда Фридрих уезжал из Архива Диррахики, новый квартал начинали строить, и он видел только макет. Думал, как было бы интересно посмотреть на результат, и забыл об этом. Вот – посмотрел.

Да, красота.

А он в скором времени поселится в усадьбе «Белая Остролодка» в области снабжения Бырранга, относящейся к Пикку Сияния. Господин Беляевский сдержал обещание – сделал его землевладельцем в столичном округе Дуата. Подарил ему землю. Клочок земли...

Фридриху мечталось, что он начнёт с чего-то куда значительнее, поскольку усадьбы полуострова Таймыр, кормившие Пик Сияния, представляли собой богатые сельскохозяйственные угодья, фермы и фабрики. Он как-то не учёл, что процветали вторичные области снабжения Пика в заливах, и что на северо-востоке полуострова оставались в резерве Голубая, Зелёная, Жёлтая и прочие цветные «Остролодки». Фридрих приуныл, узнав название своей усадьбы.

Он заочно познакомился с ней, просмотрев копию журнала ревизий. Ожидаемо: минимального размера щит, хвойный лес, двухэтажный краснокирпичный дом. В «Белой Остролодке» имелись капустные огороды, парники, курятники, пруд с карпами и пекарня, где пекли пироги для обедов. Там жили и работали несколько бальсагов и людей.

Не могло быть и речи о плантациях какао, орехов и ягод, и о шоколадной фабрике, которую Фридрих взлелеял в своих мечтах до винтика!

Он поднялся со стула со вздохом, и со вздохами прошёл вглубь комнаты к письменному столу, где на полке оставил ящик из сейфа, а на столешнице – журнал и бумаги с расчётами. Присел. Светильник под полкой заливал уютным теплом всё, что омрачило его радость.

Хотя, нет, не всё.

В Банке Бити Фридрих подступил к Гельмуту с разговором о беламитере, и только расстроился.

– Беламитер? У вас? – спросил Гельмут, перечитывая письмо.

– Господин Беляевский подарил мне перед отъездом в Вокантин.

– Занятно. Как он выглядел?

– Белая сфера. Примерно в два человеческих роста.

– Она меняла форму?

– Нет... Я не видел.

Гельмут сделал вопросительный жест.

– Как вы считаете, как я могу использовать этот подарок? – начал издали Фридрих, думая, как это умно.

– Он будет хорошо смотреться в центре водоёма, например.

– А ещё?

– Господин Леген, – Гельмут поджал губы, – в мире сотни беламитеров и все они мёртвый груз, потому что их не активировали после постройки в эпоху Ран. Для активации кораблей 2—4 классов, к которым относятся беламитеры, нужны иды. Технологии их создания считаются недоступными. Господин Беляевский говорил вам что-нибудь на этот счёт?

У Фридриха мурашки пробежали по телу.

– Нет? – Гельмут сложил пожелтевшие листы и сунул в конверт.

– Нет. Эти сотни беламитеров – чьи они?

– Это собственность мардуков. Господина Мардука, то есть вас, и мои. Куда направитесь теперь?

– В Пик Сияния, – Фридрих взял протянутое ему письмо.

– Без согласования визита с Инго Себой? Пока он не внес вас в список акеров гесперы Пика Сияния, вы – проявление господина Мардука и самый нежелательный гость. Инго закрыл свою приёмную на двое суток. Советую вам подождать в Архиве Диррахика.

Подождать!

Однако это был дельный совет. Не стоило идти на конфликт с Инго. К тому же в Пике Сияния сейчас вакханалия, а в городе-библиотеке всегда спокойно. Он находился совсем близко – на побережье Чёрного моря, и Фридрих, имея абонемент, мог ехать туда в любое время без запроса и извещений в приёмную Василисы Себы.

Что он и сделал.

Он настоял, чтобы ему дали стандартный номер в общем корпусе гостиницы, согласившись только на секретаря, и не лёг спать. Какой сон? За несколько часов он весь издёргался, размышляя о финтах человека, которому привык безоговорочно доверять.

Было тяжело думать, что у него нет не только на обмен Милочки, но и на выкуп Клары. «Белая Остролодка» получала контракты на поставки продовольствия сугубо для поддержания хозяйства, а накопленные за 70 лет лимиты было разумно пустить на расширение щита и оборудование, чтобы в следующем ноябре попытаться увеличить заявки.

Фридрих остановил взгляд на толстом журнале. Это был свежий итоговый выпуск Фонда снабжения Пика Сияния. За прошедший год в 11 усадьбах открыли кондитерские цеха с перспективой на расширение.

А он будет выращивать капусту.

И Фридрих заметил, что небольшой передышки, которую он дал себе у окна, хватило, чтобы он успокоился. Мысли о его положении уже не кипятили его кровь. Было просто досадно.

Почему он не думал, злясь, что в Аменти не принято приходить на всё готовое? Ведь он знал это. Здесь всё, начиная с воздуха, требует постоянных трат энергии, места, сырья, чужого времени. Каждый должен отдавать не меньше соразмерного тому, сколько берёт, и обязан трудиться не покладая рук, если хочет большего. Он, Фридрих Леген, не слишком-то надсаждался, играя роль проявления ану Мардука. Да и не играл – собственно говоря, пил, ел, спал, ни во что не лез, и этим всех устраивал. Он не должен был присвоить плоды трудов управляющих Фонда снабжения Пика Сияния, чтобы думать: «Как хорошо я всё устроил».

Из-за таких, как он, полноправные граждане Аменти не жалуют людей. Спичек, как их тут называют. Люди патологически неблагодарны. Они торопятся жить и иметь, и – большинство – были бы рады убрать лестницу между тем, что у них есть, и тем, чего они хотят.

Он такой. Он именно такой.

В апреле следующего года ему исполнится 98 лет, а он всё тот же мальчик у витрины магазина игрушек, который ощутил свою нищету, как грязь на себе, и исцарапал себе руки до крови. Он ничтожество, которое измеряет степень своего благополучия тем, как много может взять, не думая платить. Он как вор.

«Дай мне слово, что ты никогда не будешь воровать».

Фридрих и вспотел, и покраснел, и заскулил, припомнив, как сидел в углу, закутавшись в пропахшую табаком и кошками стариковскую куртку. Поднимая голову с рук, он кое-как различал одним глазом высокую тёмную фигуру. Лицо висело бледным пятном.

Это был не Мешок.

– Вот ты где, – сказал мужчина. – Ну, здравствуй, мальчик.

– Вы кто?

– Я человек, который прошёл сквозь стену, – ответил он.

Фридрих разглядел, что палка, которой он подпёр дверь, на месте. И правда – становилось светлее, и Фридрих, протерев здоровый глаз, затаил дыхание: какая-то призрачная с синеватым оттенком вуаль проступала в воздухе рядом с мужчиной. Тот оказался одет по моде и бледен как смерть, а его глаза были кровавые.

– Я много чего умею, и знаешь, что? Несмотря на это, я никогда не ворую, и терпеть не могу воришек.

Слова из молитвы запутались у Фридриха под бурчание в животе.

– Я видел тебя вчера у магазина Каганера, а сегодня до меня дошли слухи, что похожий на тебя оборванец вынюхивал у дома Ганса Вальцбурга. Неужели собираешься похитить малышку Шери?

Откуда он знал?!

– Не ваше дело! – огрызнулся Фридрих.

Утром его послали в булочную, и первым делом он побежал в «Маленькие радости» Каганера. Как же, «радости»! Он выяснил, кто вчера купил Шери, и бросился на другой конец города, где послонялся у кованного забора. У дома ходил садовник, грозя кулаком. Фридрих решил дожидаться ночи в сарае у чокнутого старика Мешка, и украсть Милочку. Вальцбурги не обеднели бы – на двух подоконниках красовались две компании толстых и разряженных, как хозяева, кукол. Но по дороге Фридрих наткнулся на банду мальчишек – и, пусть он отвёл душу, пальцы хрустели, заплывший глаз не видел, рукава его куртки, оторванные, висели на нитках в подмышках, и не хватало левого ботинка. Всё болело, и горели, растворяясь, кишки. Деньги на хлеб Фридрих потерял.

А у мужчины в руках вдруг оказался свёрток.

Фридрих впитал ноздрями игривые ароматы булки, масла и мяса.

– Иди, разбойник, – он развернул бумагу, и Фридрих, сам себя не помня, перевалился через кучу хлама.

Мужчина присел на бочку и закурил.

Бутерброды таяли во рту, не успевая проваливаться в желудок. Фридрих ел, ел и ел, кусая себя за пальцы, и обливался сладким тёплым чаем из наколдованной бутылки. Съев всё, и всё выпив, он скомкал бумагу, и на её белизне увидел свои грязные руки и чёрные полосы под ногтями.

– Представь, – заговорил мужчина, – что тебе удалось украсть куклу. Что дальше? Тебя не найдут? Твои родители позволят оставить её? Ты будешь с ней играть? Шить ей платья и панталоны?

Фридрих вытер нос.

Он бы поставил её на стол и смотрел бы на неё часами.

– У Мадлен Вальцбург кукле Шери живётся очень хорошо. Она сидит за столом, и к ней ходят пить кофе другие игрушки. Ты хочешь, чтобы у тебя она лежала в тряпках на чердаке, и её погрызли крысы? Вижу, не хочешь, – он потрепал его волосы. – Ты хороший мальчик. Дай мне слово, что ты никогда не будешь воровать.

– Не буду-у... – и Фридрих заревел телёнком.

Весь этот ужасный день, вся его ужасная жизнь шли у него горлом.

Он бросился на незнакомца и колотил по вездесущему рукаву, пока не свалился. Его тошнило. Перед его лицом медленно спустились на дощатый пыльный пол пара высоких ботинок. На них легли шерстяные носки. Их всех прикрыло что-то сложенное, толстое.

– Это честно. Ты дал мне то, что мне сейчас было нужно – твоё слово, а я даю тебе то, что нужно тебе сейчас. В придачу я дарю тебе исполнение одного желания. Одно! Думай.

Так у Фридриха появился первый в жизни друг.

Ему даже нравилось, что этот друг похож на дьявола.

Его желания были злее день ото дня. Сначала мать продала ботинки и купила ношенные, потом отобрала у него новую курточку, и Фридриху пришлось надеть старую, с пришитыми рукавами. Он не смог уберечь своё утешение – книгу со светящимися в темноте страницами, на которых летал снег, и двигались большие мохнатые звери. Вырученные деньги ушли на уплату долгов. Фридрих прятал в щели в стене обёртку от плитки шоколада, на которой коты играли на дудочках, и однажды не нашёл и её.

В те дни в его сердце не осталось места для его несчастной матери. Он навсегда запомнил её маленькую, худенькую, кашляющую фигурку с серым платком на плечах, её беспокойные руки, которые дёргают шнурок на вышитом мешочке и высыпают мелочь на стол. Всегда мелочь – даже после ботинок, куртки и книги! Помнил её слезу, катающуюся по кончику носа, и её шевелящиеся бескровные губы...

Она казалась ему не женщиной – ожившей ветошью в пыльной паутине. Так выглядела безнадежная нищета, и он не хотел обнимать её. Но он потратил на неё исполнение желания. Отец не дошёл до дома в тот самый вечер, когда Богом поклялся свернуть шею ей и её ублюдку.

Ругань папаши тинной всколыхнулась в памяти Фридриха, и он подскочил за ящиком на полке бюро.

Он прочитал письмо несколько раз, не понимая, зачем оно было в ячейке. Просматривал на свет, над свечкой – ничего. Он снова вытащил его из конверта. Письмо от 19 июля 1915 года написала некая Анне-Мария Циммерманн из Оберхаузена своей подруге, которая вышла замуж в Лейпциге. Завистливое поздравление на полстраницы, остальные шесть с половиной – война, шахта, цены, сплетни. Он сразу перевернул на последнюю страницу. «Кстати, – писала Анне-Мария, – я встретила Бригги на днях, и Бригги спросила, помню ли я мышшь из мастерской Краузе, которую младшая Фишер позвала с нами на ярмарку в прошлом году? Мы все гадали, за какое зелье она отдала шарлатану все деньги, да ещё серебряное кольцо. Помнишь, как мы смеялись? Бригги сказала, что Лина заходила к Краузе, и там ей шепнули, будто та девушка, вроде бы её зовут Дагмар, говорила кому-то, что зелье сработало, но наполовину. У неё родился один здоровый мальчик. Бедняжка. Неужели её муж не может?».

Это про его мать, Петру Фиц-Леген.

И это про его отца, однорукого пьяницу Уве Легена.

И также это про господина Беляевского. Да. Как-то Фридрих, ещё живя в Пике Сияния, узнал, что Андрей Беляевский одно время покровительствовал иллюзионистам. Наместник был на ярмарке. Он лукавил, обставляя всё так, будто его выбор пал на него. Фридрих понял: он родился потому, что он понадобился господину Беляевскому. Если бы он раньше начал сомневаться в нём так, как сегодня, он бы давно сложил два и два в четыре.

Фридрих растёр лицо дрожащими руками, и, взяв выступ посередине столешницы с левого края, вытянул чёрную блестящую панель. Заняв рабочее положение, она засветилась планом усадьбы Белая Остролодка. Фридрих провёл внизу панели и остановил палец на всплывшем символе птицы.

Она подняла крылья, и отозвался секретарь Вельмо:

– Господин Леген?

– Поищите информацию о посещении господином Беляевским ярмарки в Оберхаузене в августе 1914 года. И, пожалуйста, подайте кофе... и к нему что-нибудь не слишком сладкое.

– Да, господин Леген. Эдволат здесь.

– Пригласите.

Фридрих у зеркала критически оглядел себя. Рубашка и он сам выглядели несвежими. Он бы сменил то и другое. Пригладив волосы, втянув живот, он вышел в читальную комнату номера, где у приоткрытой двери стояли двое – русский тонкий Вельмо Дым Ильберс в серой униформе с удлинённым пиджаком и склонившийся человек в глухом сером костюме с нашивкой на рукаве. Вельмо вызвал одного из студентов Архива, но это ученик, эдволат низкого ранга, его радиус действия мал! Фридрих просил пригласить к нему как минимум седеса.

Вельмо представил студента:

– Макс Маллеолл, принципат Ориона, желает быть вам полезным.

– Благословенен ваш путь, господин Леген, – сказал Макс.

Фридрих почесался и спохватился, убрал руки.

Секретарь закрыл за собой дверь.

Фридрих отошёл к столу.

– Проходите, присаживайтесь, – он взял кофейник и налил в обе чашки. – Пожалуйста, составьте мне компанию.

– Премного благодарен, господин Леген.

Макс оказался парнем смуглым, довольно щекастым, с затянутыми на затылок чёрными кучерявыми волосами. Он походил на Инго Себу.

– Сахар, сливки? Печенье? Берите.

– Как вам угодно, господин Леген, – Макс уронил себе в чашку кубик сахара, капнул сливок и взял полумесяц орехового печенья.

Фридриху стало неловко.

– У меня к вам один вопрос. Ах... – он сообразил, что оставил фото Милочки в спальне, – подождите минуту...

Он вернулся, а Макс сидел в той же позе, с тем же внимательным выражением лица, с нетронутым печеньем в двух пальцах. Фридрих уселся и положил перед ним фотографию.

– Сможете ли вы найти эту девушку? Мне нужен адрес.

– Слушаюсь, господин Леген, – Маллеолл положил печенье, достал из внутреннего нагрудного кармана блокнот с ручкой, и начал писать.

Фридрих занервничал. Почему её не пришлось искать?

– Откуда вам о ней известно?

– Вивиан Смоуэл является пятым харваду покойного наместника господина Беляевского. Воинство Ориона исполняет контракт на сопровождение харваду господина Беляевского в странах Северной Америки, – чеканил Макс Маллеолл, царапая короткие строчки.

Вивиан! Харваду!

Ей не грозил контракт с Гельмутом!

– Она знает, что может поселиться в Дуате?

– Ей не сообщали, господин Леген, – Макс положил ручку.

Она живёт в США, в Чикаго, штат Иллинойс.

Круги обмена

Декабрь.

Особенный месяц для Пика Сияния.

В первое число декабря наместник Хендрик Мартин Ян Хансен заложил первый камень в северной земле Тамура. Это было в 1634 году. Сын моряка и бывший ученик корабельного мастера захотел поставить маяк в мире без морей, без кораблей – как символ проблеска надежды – на берегу провала, который в Татре был огромным озером, похожим по форме на распластавшуюся птицу. В 1825 году, 2 декабря по григорианскому календарю, Хендрик перестал быть, и последним, что он сказал, было: «Празднуйте». За последующие годы никто не посягнул отменять праздники, введённые Хендриком, и только добавлялись новые. К началу 20 века в Дуате на зимний сезон приходилось девять из десяти всех поводов отдыхать и развлекаться, и к ночи на 1 декабря город распирало от приехавших на каникулы, гостей и дополнительно занятого персонала.

Круговорот начинался с полуночного карнавала на День камня Хендрика, на следующий день продолжался Маскарадом теней в память о наместнике Хансене. Теперь третье декабря из дня передышки превратилось в дату очередного проявления.

Новый праздник.

Здесь, на полуострове Таймыр, в 3 часа и 4 минуты ночи муравейник остановил суету и взревел, очутившись на главном шоу Пика Сияния. Белая лампа на маяке погасла, и вместо неё вспыхнул оптический стержень с выходом точек энергии «Амантару» – яркий бело-синий свет был виден всем; он пробил пепельные бури более, чем за сотню километров вокруг, возвещая о переходе в активный режим вместе с ану Сопдет.

С ним скрыть факт проявления Сопдет было невозможно, и по возвращении Инго сразу вышел в зал для пресс-конференций. Он сделал то заявление, о котором все договорились в Чикаго: господин Эванс не признает проявление Сопдет состоявшимся, пока не выполнят его условия, в числе которых выдача его похищенного приёмного сына. Инго закончил объявлением, что берёт двое суток на работу в специальной комиссии, и назначил награду за живого Джейкоба Эванса.

Так тянуть можно было недели две, а потом – очередь Гельмута Легена с призывом сесть за Стол Четырёх.

Инго всё это очень не нравилось.

Не нравилось давно – начиная с 1895 года. В тот год наместник Беляевский впервые исчез, и его не было 27 дней. Канал связи, обозначающий присутствие Сопдет при его теле, столпом стоял в пепелищах гор Джугджур. Где бы ни был Андрей – он не сказал, где находился – он нашёл, чему посвятить себя. Вернулся с громким решением оставить попытки повлиять на расклад дел Российской Империи и с негласным намерением изменить картину Аменти. Уже под старым славянским именем Инго, которое он получил в ненужной реформе имён, Инпу уговаривал наместника одуматься, пока не раскусил его.

Если бы Инго мог заявить во всеуслышание, что общие знания о проявлениях ану, особенно неполных, не являются исчерпывающими, и что есть основания полагать, что наместник Беляевский действует без протекции госпожи Сопдет, какой бы выбор у него был?

Никакого. Он бы промолчал.

И он молчал, потому что большинству ослабевший, но устойчивый канал связи указывал бы на действующее неполное проявление, а не на особый случай неполадок, вызванный издевательствами Сопдет над своей системой. Отторжение у Андрея стало лишь тому доказательством. Инго молчал, потому что не существовало схемы развенчивания и даже самой идеи – а их существование подорвало бы авторитет власти всех небесных князей. Инго мол-

чал много лет, потому что у наместника Беляевского по-прежнему была мощь «Амантару», а у Инго были тысячи зависящих от него детей и город, потому что в заботе о балансе в Аменти Инго перестал быть стражем. В нежелании подливать масла в огонь и неспособности схватить за руку разжигателя он стал его соучастником.

Оказался бессилён.

И все остальные себя так же, как он, не шевелились, пока разгоралось. Пока бушевало пламя. Оно угасло, а они остались опозорены.

Инго вкрутил окурок себе в ладонь, отправив его в мусор, и сунул руки в подмышки. Ногти удобно зацепились за бороздки на синем вязаном свитере. Андрей Орестович Беляевский смотрел на него, подняв подбородок и прищурившись, и хотел что-то спросить. Начинающий художник-самоучка сумел хорошо передать черты лица, его выражение, и Андрей купил этот нечаянный портрет и повесил у себя в кабинете.

«Я не так уж стар и некрасив», – сказал он шутливо.

Художник работал поспешно и грубовато, нетвёрдой рукой, густо накладывая краски в ромб лица, морщины на лбу, густые брови и глубоко посаженные под них глаза, в широкий бесчувственный рот. Глаза он нарисовал светло-кариими, поспорив с их красным цветом. Не угадал.

До проявления у Андрея была частичная гетерохромия. В его глазах делили место зеленоватый и золотисто-бурый цвета. Воды сосуда окрасили радужки слабо, не дав им искрящегося бордового вина, типичного для полных проявлений Сопдет. Его глаза стали как спеющие ягоды вишни – как у Юлиана, как у Хендрика.

Как у проявлений господина Мардука.

Но наместник Беляевский не имел права создавать новые проблемы во взаимоотношениях Мардука и Сопдет, и нарушать порядок, достигнутый такими упорными трудами. Убивая одно за другим проявления Мардука, Андрей должен был понимать, что или он уничтожает самого Мардука, что немислимо, или тот пускает в расход всё, до чего сможет дотянуться, что хоть сколько-нибудь дорого Эйенешентар. «Всё можно изменить». Как Андрей полюбил эти слова к концу жизни! И он работал над тем, чтобы сгладить последствия – так Инго хотел думать до ноября 1944 года.

Эрих Леген спустился в Эшинан, и вместо него, в его одежде, на другие сутки Андрей буквально выволоч на себе совсем не похожего на Эриха человека, трясущегося и еле переставляющего ноги. Слабый канал связи ни разу не дрогнул за те часы.

Андрей сам закрыл дверцу машины за живой копией статуи первого проявления ану Мардука, пожелав удачи. Инго же он сказал:

– Его зовут Фридрих. Четыре дня давайте ему только бульон, не поднимайте с постели. Пусть спит.

– Что это такое?!

Андрей тащил сигарету из пачки, зажигалку из кармана, закуривал.

Инго рычал, сменив голову.

– Что я могу сказать? Видите? – Андрей показал через линзу в ладони светлую струйку над крышей автомобиля. – Это проявление ану Мардука, так называемое остановленное, не признанное мной официально. Немного изменился цвет волос, но, если бы вы чаще бывали в дамском обществе, Инго Себа, вы бы не стали обращать внимания, – и он рассмеялся.

– Он не поедет в Пик Сияния.

– Поедет. Эрих... Фридрих... Какая вам разница? Я не заявлял, что Мардук проявился в Эрихе Легене. Что в отношении Эриха, что в отношении Фридриха я лишь проявляю гостеприимство так, как считаю это нужным. Вы можете оспорить моё право? – прищурился Андрей.

Инго рычал.

– Чуть не забыл – заканчивайте перестройку зала древней истории по плану и не скрывайте статую Анэлила. Пусть.

Как оказалось, Фридрих всё равно видел в зеркале Эриха, помнил себя Эрихом, и им себя считал, хотя своё имя знал. Ему пошили одежду на два размера больше, и он не удивлялся тому, что наел бока. Поест он любил.

Нет, Инго дал маху.

Андрей Беляевский не одумывался. Он до последнего гнул своё против Кейенарнена, а сейчас, выясняется, действовал и против Эйенешентар. Беспокорство по поводу харваду Беляевского было не пустое! Андрей начал эту линию ещё раньше – в 1908 году, наладив общение с Лаврентием Изгорским, предком Вивиан Смоуэл, и подтолкнув его к переезду в Америку. И уже потом, в 1914 году, Андрей Беляевский дал сироп Петре Фиц-Леген, условившись с ней, как какой-нибудь Румпенштильцхен, что из двух её детей он заберёт первенца.

Петра родила Эриха, и он остался при ней.

Было ли зародышей два, и вынул ли Андрей у неё один из них? Да, каким-то образом. И Андрей изменил геном взятого, потому что Петре и её мужу, заурядным людям, было неоткуда взять для Фридриха внешность пилота с корабля Заами.

Беляевский действовал как мардук.

Горы Джугджур – какие перемены они скрыли?

Что было сделано с потомками Изгорского и с Вивиан Смоуэл, чтобы она творила то, что творила? В чём смысл всего этого? Помирить их с Мардуком? Чушь. Ни Эйенешентар, ни Кейенарнен не смогут изменить прошлого, и оно отравит любое их настоящее.

В каком заговоре он, Инпу, предал её?

Размышления прервал лёгкий хлопок внизу. Сардер. Он, несмотря на заявление Инго, после пресс-конференции попросил о встрече, и ровно в шесть утра, как было назначено, воспользовался потайной дверью в кабинет господина Беляевского. Его ботинки отметились по мозаичному полу, притихли на ковровой дорожке, и проявились глухим стуком по винтовой лестнице. Кабинет, устроенный в зале под световым колпаком маяка, был двухуровневый: внизу – круглая площадка, обставленная стеллажами и проектными столами, сверху – платформа с полукруглым рабочим столом. Стеклопанные стены, обложенные светозащитными щитами снаружи и украшенные, обносили зал синим небом в золотых звёздах.

Здесь Андрей Беляевский чувствовал себя на вершине мира.

– Бездарная мазня.

Инго, сидевший на краю стола, повернул голову к говорившему.

Сардер Рой Урсиды стоял, положив одну руку на чугунные перила, другой рукой поддерживал перед собой поднос с дымящейся чашкой и тарелкой с кусками полосатого кислого мармелада.

– Чай, как вы любите, отец наш, – Сардер опустил глаза.

– Поставь.

Сардер подошёл и поставил поднос в плоскую зону стола, свободную от чёрных экранов. Инго следил за ним. Сардер был сед, по лицу – юн, хорош собой и благожелателен. В строгом сером сюртуке с серебряными пуговицами, положенном служащему волку старше ста лет, обязательный и внимательный ко всем Сардер показывал достойный пример молодым волчьим бальсагам. И был при этом единственным волком, не имевшим доверия Инго.

Невинные серые глаза Сардера обратились к портрету, свисающему с потолка на цепочках.

– Как ни поглядеть, работа плоха. Вы не находите?

Инго выпустил из ладони считыватели ритмов. Две белые полусферы выпустили жала и парами закружились друг напротив друга вокруг Сардера, рисуя ленту колеблющегося разноцветья. Они уловят отражение противоречий в действующем организме бальсага.

– Вопросы буду задавать я, – сказал Инго. – Ты знал, что я могу запросить с тебя старый должок за эту встречу, которая так срочно тебе понадобилась, и настоял. Итак, кем ты был в эпоху Ран?

Ещё не родившись, тот стал известен в Аменти как бывший алуран. Проявление Мардука в то время, Стефан Халь, вскрывая Башню Шеос у истока реки Тагил под видом осмотра, собирал Искры, хранящиеся с эпохи Ран. Одну упустил – и она ушла в поток зарождения. Инпу напомнил о Законе круга обмена, и господин Халь не стал требовать себе свидетельство несоблюдения им самим своих же правил. Данила Гарин появился на свет восьмым ребёнком у крестьян в деревне неподалёку от Верхне-Тагильского завода в Пермской губернии, и в 17 лет сжёг родительский дом.

Вскоре госпожа Сопдет дала проявление в приехавшем в завод больном туберкулёзом горном инженерере. Андрей Орестович Беляевский лежал оживший в узкой кровати в углу комнаты, оклеенной старыми насыпными обоями, нажаренной от печи. В реющем свете свечки он шевелил губами. Инпу читал по ним: «Иди, мой сын... поведи... Данилу... за мной...».

За Данилой уже шли, но госпожа Сопдет требовала.

Дверь в комнату распахнулась, и Инпу скинул лапы с оконной рамы. Он нашёл Данилу поседевшим, ждущим, лежащим в заснеженном поле с волками. В Пик Сияния Беляевский и Гарин попали одновременно.

Обычный для процесса бальсагирования эффект – фрагментарное вскрытие памяти о прошлой жизни – не обошёл нового волка. С Андреем они заговорили на Амансашере и быстро сблизились. Никак по-другому не проявляя себя, неизвестный под именами Данилы Гарина и Роя Урсиды отлично учился, не знал трудностей и делал карьеру бегом.

В 113 лет Сардер Рой Урсиды, помогая Андрею, расправился с Ангелом Халем, прежней марионеткой Мардук-Хета.

Сейчас Сардер был невозмутим.

– Вы многого ждёте от моего признания, – он так и смотрел на портрет, – и я сожалею, что не смогу оправдать ваших ожиданий. Человек, которого я помню, ничего не успел добиться в жизни в эпоху Ран, и не был кем-то особенным. Его родителям позволили привести его в мир, потому что они взяли на воспитание сопда. Поэтому он был их третьим родным ребёнком и его детское имя было «Третий». Бел. Бел Руджива.

Эйенешентар рассказывала, что в приёмной семье у неё был приёмный брат, с которым они вместе выросли. Она сожалела, что после начала лётной практики стала реже видеться с ним.

– Ха... Не слишком ли это совпадение, чтобы быть совпадением? Или быть правдой? Смотри мне в глаза, – потребовал Инго.

Сардер взглянул.

– Он был самонадеянным, а я говорю вам правду.

– Он? Он? Ты не соотносишь себя с Белом Руджива?

– Узнав то, что знал он, как он жил, я не перестал быть Данилой, но я получил в себе начало, достойное продолжения. Я смог примириться с собой, сделать себя лучше, и научился жить бальсагом. Бел Руджива – часть меня, я – в какой-то степени он, но я – это я, и я рад, что я свободен от того, чтобы быть им полностью.

– Почему?

– Я сильнее. Алураны с рождения были заложниками среды, в которой они были желанными и ценными прибавлениями. Они были вечные дети, добрые и избалованные, которым укрепляли психику по специальным индивидуальным программам. Бел Руджива был молодым чувствительным человеком, он болезненно переносил разлуку с Эйенешентар. Им стали пользоваться, он стал делать глупости. В результате он погиб. Это случилось на лётном экзамене Эйенешентар.

Инго читал по показаниям – Сардер не лгал.

– Это расходится с её версией. Она успешно сдала экзамен, вы договорились вместе навестить дом, и она начала практику в Эсу-Рау.

– Всё было не так, – сказал Сардер. – На этапе её ввода в сосуд последние фрагменты её памяти заменили на иллюзии. Иначе быть не может, потому что эти воспоминания были бы травмирующими. Она видела дыры в его голове, его мозги, кровь. Не было практики в Эсу-Рау. Было бы невозможно утаивать такую трагедию, к тому же поспешность, с которой законсервировали Эйенешентар, была вызвана необратимостью её предсмертного состояния. Я в этом не сомневаюсь. Она в то время проходила курс психотерапии и ей не по силам было бы выдержать.

– Ты сказал «дыры». Кто?

– Кейенарнен Атамил Мардук. Он заметил, что Бел собирается ввести ей какое-то вещество. Это был транквилизатор. Кейенарнен поторопился с выпуском материи и задал не ту фигуру.

– Бел смотрел на него, а не на Эйенешентар?

– Он смотрел на руку Эйенешентар.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Я обещаю рассказать в другой раз.

Каков!

Инго встал, спуская руки по бокам.

– Прошу простить меня. Я сдержал обещание и рассказал, кем я был в прошлой жизни. Остальное, что я знаю, является также ценной информацией, однако не требует немедленного раскрытия, – имел наглость Сардер.

– Не тебе решать. Говори!

– Мне ещё пригодятся ключи в такие комнаты, как эта.

– С проявлением госпожи Сопдет возникли проблемы! Выкладывай!

– Проблем с проявлением не возникло.

– Она не назвала себя Эйенешентар! – взъярился Инго.

Ведь Сардер наверняка всё знал.

– Другие называли, но разве они были Эйенешентар? Поймите то, что понял я. И, умоляю, отец наш, выслушайте живущего от вас, – он опустился на одно колено, наклоняя низко голову. – Я пришёл к вам со всем уважением и любовью, чтобы просить вас отпустить меня со службы по моему праву. Я отправлюсь к госпоже Смоуэл и буду помогать ей.

Смех родился и умер в груди Инго.

Понятное дело, что в случае чего он выкупит его.

– Я уйду или я сбегу, – заявил Сардер уже другим тоном.

– Иди, – фыркнул Инго. – И прихвати поднос.

Он прошёл к креслу, оставив позади звон ложечки. Если Сардер не вводит его в заблуждение...

– Ты хочешь, чтобы я поверил в истинность проявления в Смоуэл.

– Да, отец наш, потому что все другие проявления были мутной водой. Она проявлялась в людях, не являясь человеком, и брала тех, кто ни частью не был ею, – ответил Сардер с лестницы.

Величие змей

– Я – ит-моа Имэйни! – подбоченившись, Имэйни помахала открытым веером, показывая, чего хочет.

Здоровяк попятился от неё, сложив почтительно руки.

На волокнистой ткани его халата мокли пятна. Он облился наваром.

– Эй-эй! Ты куда? Встань вот тут, на четвереньки!

Он оглянулся на остальных – немногих, кто ещё оставался в лапшичной, и, бухнувшись на четыре кости, подвалился под стойку. Имэйни высвободила ноги из обуви – из своих маленьких изысканных каи-нуо на высокой платформе, который этот убогий прежде мог видеть только на барельефах в Аси-Со, – и взобралась ему на спину, и, поднявшись, как раз взялась бы за край стойки, если бы не грязь. Жуть, какая грязь. Клеёная доска, истёртая донышками глиняных мисок и скребками, блестела лужицами с ошметками зелени, шевелилась насекомыми.

Это наверняка доска из демона Пака.

Балансируя, Имэйни изящным движением прикрыла краем веера шею справа, подчёркивая торчащие у неё из-за уха две золотые змеи. Телами они держались в переплетениях волос, заколок и гибких кручёных металлических жилок, переходящих в спицы подвижного задника сюну-нуо – жёсткого ошейника с наплечниками, бравшего на себя вес украшений, и тоже составлявшего убранство ит-моа.

Хозяин лапшичной, человек с красным угодливым лицом, увидел. Он растянулся у печи кверху задом, ткнувшись лбом в ладони. Его жена на полу зашевелила плечами горшки с маринованной лапшой; двое тощих мальчишек бросили рубить мясо и варёные яйца и скрылись под столами.

– Ао, хозяин. У меня за спиной семь голодных детей. Накормите их досыта и не берите с них. Я попрошу у Койро-рина услышать вас.

– О, несравненная госпожа ит-моа! Какая честь! Накормим, накормим, – заколыхался хозяин, – и дадим с собой!

От этого Имэйни чувствовала, что растёт.

В доме Жунуфуэ Кие, смотрителя деревенской округи Со-Зун, куда Прейамагаш Мардук принёс Имэйни в ночь, когда спас её, ей не оказывали почестей. Она росла как дочь смотрителя, ей приходилось выслушивать наставления и терпеть запреты! Это ей!

Только избранные имели право владеть предметами из солнечного металла. Единицы. В каждом кантине – провинции с центральным городом, храмовым комплексом и деревенскими округами – золото было у кана, смотрителя окружных земель, и первой супруги кана – кан-эо, а кроме них – у писцов ит-моа, которым дайтци подарили золото в награду или с доверием. Ит-моа были неприкосновенны и не подлежали суду – а если было основание, кан отправлял послание дайтци, и те предоставляли компенсацию за проступок ит-моа. Ит-моа служили ушами бога Койро, покровителя всех просящих, и ежедневно вели приём просьб к богу. После смерти они оставались навсегда в зале Койро пеплом в статуях.

В провинции Со в это время отмеченных золотом людей было трое: кан Лиммы Со, кан-эо Косика и ит-моа Имэйни.

Имэйни переступила на поясице парня, разворачиваясь.

Её чумазая свита издала благоговейный вздох. Из ребят, помогавших ей прятаться сегодня в городе, трое были ещё малы и посвистывали через дырки между зубов. Старшие возили грязные ладошки о новые халатики. Она подарила им одежду, а сейчас утолит их голод сытным блюдом.

– Простите, госпожа ит-моа... – в углу скрюченный мужчина в хвощовых лохмотьях трясся, пытаясь, цепляясь за свою клюку, опуститься на замотанные колени. – Простите, что

обращаюсь к вашему слуху... Простите... Попросите за меня, чтобы бог Литан услышал мои молитвы...

– И за меня, госпожа ит-моа...

– И за меня...

– Я Кумо, я просил здоровья моему сыну у Литана. Пожалуйста...

– Я Сфо, – тряся старик. – Простите меня...

– Я Ринис Пия, – заговорил у неё за спиной хозяин лапшичной.

Имэйни закрыла веером вспыхнувшее лицо. Хозяин заметил, что она не спросила его имени – как бы она говорила за его просьбы перед Койро? Что он подумал о ней?

Мужчины уже перебивали друг друга криком и толкались, будто не понимая, что она всё равно не запомнит их. Они, судя по одежде, были бедняками земледельцами, пришедшими в город задёшево поесть в честь праздника, а судя по их неотёсанности – неисправимыми болванами. Если бы караван дошёл до места, а господин Прейамагааш не спас бы её, через несколько лет Имэйни выдали бы замуж за одного такого.

И её не звали бы так чудесно – «Найденная красота».

Она была бы Хе. Рыбка. Всю жизнь гнула бы спину в полях, и её ноги раздуло бы от сырости, и гнус сожрал бы её прелесть.

– Хозяин, вы сомневаетесь, что я всё узнаю о вас, и сперва – ваше имя? – не слушая бормотание за спиной, она своим голосом перекрыла его и стихающий гвалт: – Ао! Вы, перед моими глазами, и вы, – она показала веером на детей, – запишите свои имена в один список и передайте его в Аси-Со! В следующий день служения я попрошу Койро-рина донести ваши голоса до богов. Не благодарите! А теперь я ухожу, – она шагнула в каи-нуо.

Часто и ровно перебирая ногами, прикрывая лицо, она с достоинством покинула едальню, зажатую между стенами двух домов с лавками. У левой на выходе лежала затоптанная ею накидка.

Такие накидки – большие куски плотной ткани с нашитыми масками и охранными знаками, начертанными клеевой краской, смешанной с белым порошком из Аси, – носили дети, которым при рождении предрекли стать лакомым кусочком для злых демонов. Такие накидки дети носили до совершеннолетия, и их никто не мог снять, кроме жрецов. В фальшивой накидке, которую раздобыл кто-то из помощничков, Имэйни ходила по Со-о-ти весь день, пока храмовая стража искала её.

Наступил вечер, который так не торопился сегодня.

Небо над крышами ржавело, и топот слышался как водопад неподалёку. Народ валил по всем улицам к Небесной дороге, чтобы увидеть дайэтци. Они прилетят с первыми звёздами, чтобы благословить новорождённого ребёнка кана. Имэйни тоже увидит их. Ну и что, что Жунуфуэ отказался взять её в город! Если Койро-рин не остался глух к своей служительнице, она увидит и самого господина Прейамагааша Мардука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.